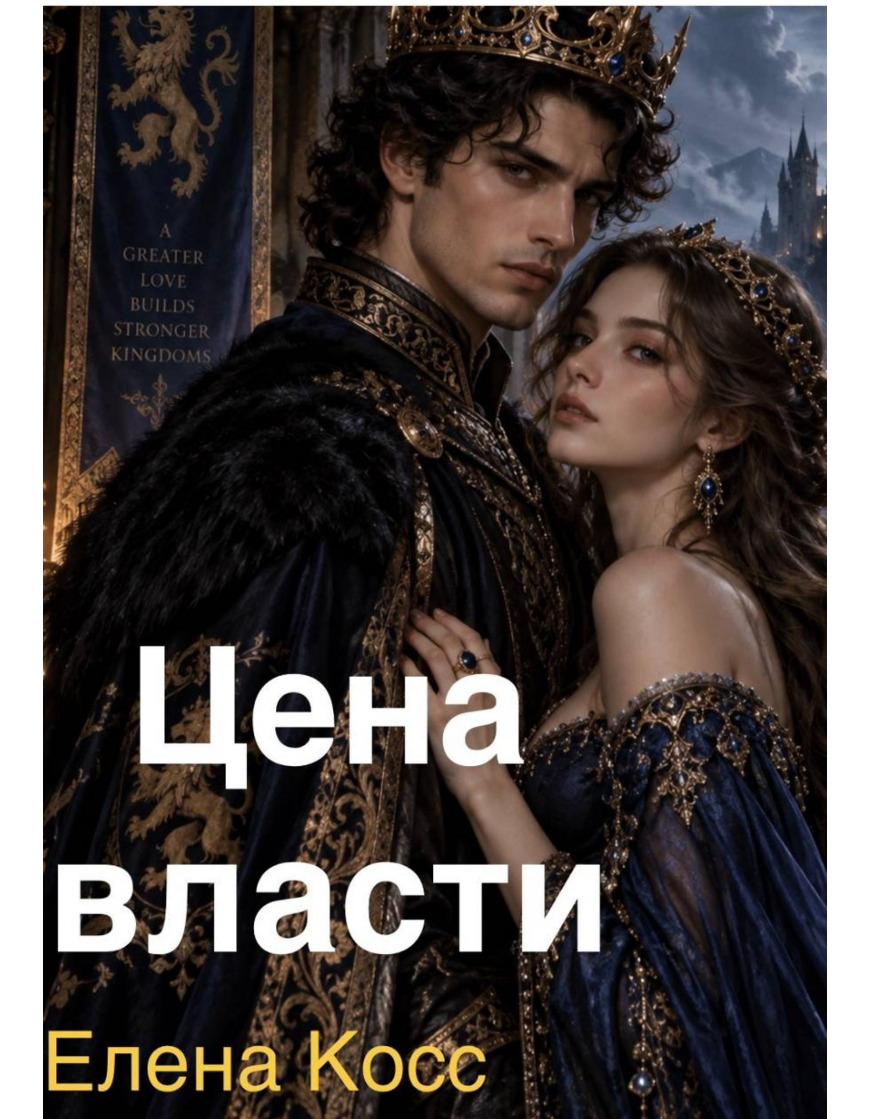

A
GREATER
LOVE
BUILDS
STRONGER
KINGDOMS

Цена власти

Елена Косс

Елена Косс

Цена власти

<https://litres.ru/74525063>

SelfPub; 2026

Аннотация

Дым надкусил предрассветное небо изнутри, когда регулярная армия молодого и безжалостного короля Калеба ворвалась в мирную приграничную деревню. Для Ольховки это не просто набег — это кара за неповиновение короне. Мужчин уводят в кандалах, а женщин распределяют как живой трофей. Мира — дочь ссыльного писаря, гордая и вольнолюбивая, — пытается бежать в вековые леса, но её ловят стражники и притаскивают прямиком к вороному коню правителя.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	20
Глава 4	27
Глава 5	32
Глава 6	39
Глава 7	46
Глава 8	53
Глава 9	60
Глава 10	65
Глава 11	71
Глава 12	78
Глава 13	82
Глава 14	88
Глава 15	94
Глава 16	99
Глава 17	105
Глава 18	110
Глава 19	114
Глава 20	120
Глава 21	126
Глава 22	132
Глава 23	137

Глава 24	142
Глава 25	146
Глава 26	151
Глава 27	156
Глава 28	162
Глава 29	168
Глава 30	172
Глава 31	178
Глава 32	181
Глава 33	187
Глава 34	193
Глава 35	197
Глава 36	202
Глава 37	207
Глава 38	213
Глава 39	218
Конец ознакомительного фрагмента.	222

Елена Косс

Цена власти

Глава 1

Пепел на ладонях

Предрассветный туман в приграничных низинах всегда был густым, как парное молоко. Он лениво сползал с поросших мхом склонов Седых холмов, укутывал сонные крыши изб, крытых потемневшей от времени соломой, и путался в ветвях старых ракит, склонившихся над тихой речушкой. Деревня Ольховка просыпалась медленно, неохотно. Где-то на окраине лениво звякнуло ведро, захлопали крылья проснувшейся птицы, заскрипел колодезный ворот.

Мира открыла глаза за мгновение до того, как первый бледный луч солнца пробил плотную ткань льняной занавески. Она полежала немного, вслушиваясь в привычные звуки родного дома. Снизу, из кухни, доносился слабый, едва уловимый аромат печеного хлеба с тмином и сушеной мяты — это старая нянюшка Агнес уже суежилась у печи. Отца не было слышно; в последнее время его старые раны, полученные еще в молодые годы на королевской службе, сильно ныли к непогоде, и он подолгу не мог подняться с постели.

Мира откинула легкое лоскутное одеяло, опустила босые

ноги на прохладные, гладко выструганные сосновые половицы. Её жизнь здесь, на самой окраине королевства, была простой и размеренной, наполненной повседневными заботами, чтением старых книг из отцовского сундука и редкими прогулками к лесной опушке. Как дочь бывшего столичного писаря, волею судьбы и королевской опалы оказавшегося в этой глуши, она разительно отличалась от местных девушек. В её осанке, в мягком развороте плеч и, главное, в проницательном, глубоком взгляде серых глаз сквозила порода, которую невозможно было скрыть под простым крестьянским платьем.

Она быстро натянула нижнюю сорочку, зашнуровала корсаж серого будничного платья и принялась расчесывать длинные, густые каштановые волосы. Мысли её были заняты предстоящим днем: нужно было перебрать сушеные травы, проверить запасы зерна в амбаре и помочь отцу переписать старому старосте отчет о сборе налога на соль. Этот налог уже давно стал костью в горле у всей общины. Корона требовала золота, которого в этих краях отродясь не видели, а приграничные земли год за годом нищали.

— Мира, деточка, ты поднялась? — негромкий, хриловатый голос Агнес прервал её мысли. Старушка заглянула в комнату, вытирая руки о фартук. — Иди перекуси, пока горячее. Отец твой сегодня совсем плох, спит еще. Не стала я его тревожить.

— Спасибо, няня, сейчас спущусь, — Мира улыбнулась,

заплетая волосы в тугую косу и укладывая её вокруг головы короной. Она еще не знала, что эта импровизированная корона — последнее мирное украшение, которое касается её волос.

Она спустилась по крутой деревянной лестнице, взяла со стола кружку еще теплого козьего молока и краюху хлеба. Но едва она поднесла кружку к губам, как странное, пугающее чувство заставило её замереть.

Это не был звук. Скорее, глухая, едва ощутимая вибрация, прошедшая по самой земле. Мира опустила кружку. Молоко в ней подернулось мелкой, ритмичной рябью. Словно глубоко под землей просыпался огромный, тяжело дышащий зверь.

— Няня, ты слышишь? — тихо спросила Мира, наострив уши.

Агнес остановилась у печи, прижав сухую ладонь к груди. Её блеклые глаза испуганно округлились. — Собаки... Почему собаки молчат, милая?

Действительно, во дворе воцарилась противоестественная, мертвая тишина. Всегда брехливые деревенские псы словно воды в рот набрали. Они не лаяли — они скулили, забившись под крыльцо и в щели заборов, предчувствуя появление истинного хищника.

А затем тишину разорвал крик. Это был не человеческий голос, а дикий, полный смертного ужаса вопль дозорного с водонапорной башни на окраине. Вопль оборвался так же

внезапно, как и начался, сменившись глухим, тяжелым стуком падающего тела.

Мира метнулась к входной двери, рванула на себя тяжелую засовную задвижку и выскочила на крыльцо. Воздух, еще минуту назад чистый и прохладный, мгновенно наполнился едким, удушливым запахом гари и раскаленного железа. В самом конце деревенской улицы, там, где туман сгустился у леса, расцветали первые, грязно-оранжевые бутоны пламени. Горели амбары.

— Набег! Разбойники! — закричал пробежавший мимо кузнец Томас, сжимавший в руке тяжелый, но бесполезный против настоящей стали молот. — Мира, беги! Прячься в лес!

Но это были не разбойники. Разбойники нападали с диким улюлюканьем, пьяные от предвкушения легкой наживы, сея хаос и неразбериху. Те, кто входил сейчас в Ольховку, двигались в пугающем, безупречном порядке. Из серой пелены тумана, словно монолитная стена, вырастали всадники в тяжелых, вороненых доспехах. На их щитах, выкованных из темной столичной стали, красовался барельеф пикирующего сокола — личный герб молодого короля Калеба. Королевская гвардия. Карательный отряд.

Всадники шли плотным строем, перекрывая все выходы из деревни. Пешие солдаты, закованные в кольчуги, методично, без лишнего шума и суеты, выбивали двери домов тяжелыми коваными сапогами. Они не грабили ради забавы

— они действовали по четкому, холодному плану. Мужчин, пытавшихся оказать сопротивление, тут же валили на землю, заламывали руки и заковывали в тяжелые цепи. Женщин и детей сгоняли к центру площади, подгоняя ударами тупых сторон копий.

Мира стояла на крыльце, словно приросшая к доскам. Её сердце колотилось в груди так сильно, что удары отзывались в ушах. Внутри дома послышался грохот — отец, проснувшись от шума, пытался подняться, но тяжелый кашель перехватил его дыхание.

— Выходи! Все на площадь! По приказу короны! — прогремел грубый голос прямо у подножия их крыльца. Два массивных гвардейца в шлемах, закрывающих лица, уже поднимались по ступеням.

Один из них грубо схватил Миру за предплечье, сдавив пальцами кожу до синяков.— Иди, девка, живее. Не заставляй применять силу.

— Пустите! Там мой отец, он болен, он не может идти! — Мира отчаянно пыталась вырваться, но хватка солдата была железной. Её поволокли по ступеням вниз, в грязь развороченной копытами улицы.

Из дома вывели её отца. Старый писарь шел, шатаясь, держась за грудь. Нянюшка Агнес плакала, цепляясь за его рукав. Один из стражников наотмашь ударил старушку древком копья, заставив её упасть в дорожную пыль.— Няня! — вскрикнула Мира, но её безжалостно толкали вперед, к пло-

щади.

Центр деревни превратился в живой загон. Сотни испуганных, полуодетых людей сбились в кучу под прицелом арбалетов. Вокруг пылали крайние избы, дым поднимался к небу черными столбами, закрывая встающее солнце.

И посреди этого ада, на огромном, как ночь, вороном жеребце, неподвижно сидел тот, кто принес сюда эту смерть.

Мира подняла глаза и замерла, не в силах отвести взгляд. Это был юноша. Молодой король Калёб, о котором в приграничье ходили легенды как о Безжалостном правителе, лично возглавил карательный поход. Ему было едва ли больше двадцати пяти лет, но его осанка, идеальный разворот крепких плеч и леденящая кровь уверенность выдавали в нем человека, привыкшего повелевать тысячами.

Его голова была непокрыта. Копна смоляных, жестких кудрей бунтовала против строгости военного доспеха, рассыпаясь по плечам и левее лба, слегка припорошенная пеплом горящих домов. Но самым страшным и одновременно притягательным в его облике были глаза. Бездонно-темные, почти черные, они смотрели на пылающую деревню без капли злобы, торжества или жалости. В них отражался лишь холодный, математический расчет. Для него этот набег не был местью — это было наведение порядка, искоренение бунта, сухой государственный акт.

Калёб медленно проехал вдоль шеренги пленников. Вороной жеребец фыркал, перебирая ногами, но повиновался

малейшему движению руки хозяина. Король остановился в самом центре площади. Его взгляд на секунду скользнул по толпе, и Мире показалось, что этот темный взор прошил её насквозь, оставив внутри лишь ледяной холод.

— Жители Ольховки, — голос короля прозвучал на удивление спокойно, без надрыва, но его низкий, бархатный тембр разнесся по всей площади, заставив людей затаить дыхание. — Три года ваша община укрывала дезертиров и снабжала провиантом южных мятежников. Три года вы игнорировали указы короны о налогах. Вы думали, что граница далеко, а закон слаб. Вы ошибались.

Калёб слегка повернул голову, и его кудри колыхнулись на ветру. — По праву меча и короны эта земля конфискуется. Мужчин, способных держать оружие и работать — в кандалы и отправить на рудники и строительство оборонительного вала. Женщин, ремесленников и молодых девушек — в крытые повозки. Цитадели нужны рабочие руки в прачечных, швейных и на кухнях. Вы больше не подданные. Вы — собственность короны. Кто окажет сопротивление или попытается бежать — казнить на месте без суда.

По толпе пронёсся глухой, отчаянный стон. Женщины запричитали, мужчины загремели первыми цепями, которые гвардейцы уже начали нацеплять на запястья.

Мира стояла в нескольких шагах от своего отца. Она видела, как двое солдат грубо толкнули старого писаря на колени, примеряя к его худым рукам железные обручи. — Отец...

— прошептала она.

Старик поднял на неё полные слез и боли глаза.— Беги, Мира... Спасайся. Они убьют тебя в этих замках. Беги, пока они заняты мужчинами...

В её душе вспыхнул яростный, неукротимый огонь. Всё её существо бунтовало против этой несправедливости. Она не собиралась становиться безликой вещью в руках этого кудрявого тирана с черными глазами. Она была свободной. И эту свободу она собиралась защищать до последнего вздоха.

Пока внимание стражников было отвлечено на группу молодых парней, попытавшихся прорвать окружение у амбара, Мира сделала медленный шаг назад. Затем еще один. Скрываясь за широкими спинами односельчан и клубами густого, едкого дыма, она начала пробираться к краю площади.

Там, за полуразрушенным деревянным колодцем, начинался узкий проход между горящим сараем и забором огорода. А за огородами, всего в сотне шагов, стеной стоял вековой, дремучий приграничный лес. Если она успеет добежать до первых зарослей орешника и малинника, ни один всадник на тяжелом коне не сможет поймать её в лесной чаще. Там были тайные тропы, которые она знала с детства. Там было её спасение.

Мира дождалась, пока очередной порыв ветра бросит в лицо стражникам облако черной золы. Резко развернувшись, она выскочила из толпы и со всех ног бросилась в проход между домами, навсегда оставляя позади крики, плач и ле-

денящий взгляд темных глаз молодого короля.

Аннотация к книге «Хозяин черного замка»

Франция, 1684 год. О замке графа Алистера де Валуа в округе говорят лишь шепотом. Жители крестятся при упоминании его имени, а заезжие торговцы стараются проскочить окрестные леса до наступления темноты. Но у юной Анны, потерявшей семью и кров, нет выбора — голодная смерть на дороге пугает её сильнее крестьянских суеверий. Став новой служанкой в замке, она думала, что обрела спасение. Она еще не знала, что переступила порог личного ада.

Глава 2

Цена свободы

Воздух в узком проходе между горящими постройками был настолько горячим, что обжигал легкие при каждом судорожном вздохе. Мира бежала, не разбирая дороги. Подол её длинного серого платья цеплялся за обломки обгоревших досок и торчащие из земли корни, но страх, смешанный с чистым, первобытным упрямством, гнал её вперед. Стоило ей на секунду обернуться, как сквозь пелену дыма она увидела, как рушится крыша дома её детства — искрами и огненным столбом взмывая к безучастному утреннему небу. Слезы застилали глаза, но она упрямо смахнула их тыльной стороной ладони. Плакать она будет потом. Если выживет.

За огородами начиналась полоса открытого луга, поросшего высокой сухой травой. За ней спасительной темно-зеленой стеной высился древний приграничный лес. Сто шагов. Всего сто шагов отделяли её от укрытия вековых дубов и запутанных троп, где тяжелая королевская конница была бы бессильна.

Она уже отчетливо видела резные листья орешника и колючие плети дикой малины. Мира мысленно умоляла свои ноги не подвести её, как вдруг земля под ногами снова вздрогнула. Но на этот раз это был не гул далекого войска.

Справа, из-за угла длинного коровника, с оглушительным

ржанием вылетел всадник. Это был один из гвардейцев Калеба. Его вороненый доспех зловеще блестел на солнце, а в руке был зажат длинный кожаный аркан.

— Стоять, девка! — рявкнул он, направляя коня наперерез беглянке.

Мира инстинктивно вильнула в сторону, резко сменив направление. Тяжелый боевой конь не смог мгновенно развернуться на скользкой от утренней росы траве, и всадник проскочил мимо, выругавшись. Это дало ей драгоценные секунды. Она прыгнула вперед, буквально ворвавшись в прохладную тень первых лесных деревьев. Ветки хлестали её по лицу, рвали волосы, сбивая импровизированную корону из косы, но она продолжала продираться сквозь чащу, задыхаясь от быстрого бега.

Ей казалось, что она спаслась. Лес принял её в свои объятия, надежно укрывая от королевских ищеек. Мира остановилась у толстого ствола старого вяза, пытаясь перевести дыхание и унять бешено колотящееся сердце. Вокруг царил полумрак, нарушаемый лишь редкими лучами солнца, пробивающимися сквозь плотную крону.

Но её триумф длился недолго.

Сзади, прямо из густых зарослей папоротника, послышался сухой треск веток. Мира резко обернулась, собираясь бежать дальше, но дорогу ей преградили две массивные фигуры в железных кирасах. Засада. Кaleb предусмотрел всё: его люди оцепили не только саму деревню, но и выставили посты

на опушке леса, зная, куда побегут испуганные жители.

— Гляди-ка, Бруно, какая пташка к нам в силки прилетела, — пробасил один из стражников, высокий, шрамированный детина с эмблемой сокола на наплечнике. От него за версту разило кислым элем, застарелым потом и железом. — А говорили, все бабы в кучу сбились на площади. Эта, видать, посмелее будет.

Мира попыталась отступить назад, но второй стражник, пониже и пошире в плечах, ловко обошел её с фланга. — Куда же ты, милая? Для такой строптивой красавицы у его величества найдутся дела поважнее, чем гнить в этих сырых лесах.

— Отпустите! Умоляю, пустите меня! — Мира рванулась в сторону, но высокий стражник наотмашь перехватил её за пояс, намертво прижав к своей груди.

Она отчаянно извивалась, царапая ногтями металлические пластины на его руках, била каблуками по его железным поножам, но её усилия были жалкими против силы обученного воина. Второй гвардеец грубо перехватил её запястья, вывернув их за спину, и с силой стянул их куском жесткой кожаной бечевки. Боль обожгла кожу, но Мира лишь закусила губу, отказываясь дарить врагам звуки своего бессилия.

— Упрямая тварь, — проворчал тот, что связывал её, отпихивая девушку вперед. — Шагай давай. Король не любит ждать.

Насмехаясь над её безмолвной яростью, они поволокли её обратно сквозь лес, через луг, прямо к пылающей площади Ольховки. Пока её не было, здесь всё изменилось. Колонна мужчин в тяжелых колодках уже была сформирована и стояла на обочине дороги. Среди них Мира успела заметить своего отца — он стоял, низко опустив голову, его плечи бессильно вздрагивали. Сердце Миры облилось кровью, но стражники не дали ей даже крикнуть ему напоследок. Вместо того чтобы толкнуть девушку в общую толпу женщин, предназначенных для крытых повозок, они направились напрямик к центру площади, где на своем вороном жеребце всё так же неподвижно восседал король.

Калёб в этот момент отдавал последние приказы своему военачальнику, сверяясь с небольшой кожаной картой. Заметив приближающихся солдат, ведущих растрепанную, испачканную в земле и саже, но по-прежнему яростно смотрящую девушку, он прервался. Его военачальник замолчал на полуслове.

Король медленно перевел свой темный, непроницаемый взгляд на Миру. Под его пристальным взором время словно замедлило свой ход, а воздух вокруг стал густым и тяжелым, как патока. Мира заставила себя не опускать голову. Она заставила себя посмотреть ему прямо в глаза — в эти бездонные черные омуты, надеясь, что он увидит в её взгляде не страх перед его силой, а чистую, негибкую гордость её приграничного рода.

На губах Калеба промелькнула едва заметная, жесткая, ленивая усмешка хищника. Его темные кудри слегка колыхнулись, когда он наклонил голову набок, изучая лицо своей новой пленницы.

— Ваше величество, — высокий стражник отвесил небрежный военный поклон, удерживая Миру за плечо. — Поймали эту упрямицу у самой опушки. Думала пересидеть набег в чаще, еле скрутили — кусается, как дикая кошка. Что прикажете делать? Из строптивых она. Может, сразу в каменоломни, к бунтовщикам? Пусть там дурь из неё выбьют.

Калёб молчал несколько секунд, которые показались Мире вечностью. Он медленно опустил карту, не сводя с неё глаз. В его лице не было злобы или раздражения от того, что какая-то девка пыталась нарушить его идеальный порядок. В нем читался холодный интерес исследователя, столкнувшегося с редким артефактом.

— В каменоломнях её упрямство быстро сломает ей хребет, — произнес Калёб. Его голос показался Мире удивительно низким, бархатным и одновременно смертельно опасным, как шаг по тонкому льду ночного озера. — А мне не нужны сломанные вещи. У неё хорошая осанка и слишком гордый взгляд для обычной крестьянки.

Он перевел взгляд на начальника конвоя. — Привезите её в Цитадель отдельно от общего скота. Нам как раз не хватает новой прислуги в королевском крыле. Посмотрим, как долго её гордость и приграничная спесь продержатся за чисткой

моих подсвечников и стиркой сорочек. Отрежьте веревки, никуда она из седла не денется.

Миру грубо толкнули вперед, к одной из легких повозок снабжения. Стражник полоснул ножом по бечевке, освобождая её затекшие руки. Оглянувшись назад сквозь пелену поднимающегося дыма, она в последний раз увидела молодого короля — он уже отвернулся, отдавая новый приказ, навсегда закрывая страницу её прежней, свободной жизни и открывая дверь в её личный ад.

Глава 3

Каменное сердце Цитадели

Дорога до столицы растянулась на трое суток, которые показались Мире сплошным, нескончаемым кошмаром. Повозка снабжения, в которую её бесцеремонно бросили, двигалась в самой середине огромной войсковой колонны. Впереди, вздымая тучи серой дорожной пыли, шли закованные в кандалы мужчины её деревни — их бледные спины под суровым осенним солнцем быстро покрывались багровыми полосами от кнутов погонщиков. Где-то позади тянулись крытые телеги с женщинами, откуда то и дело доносился глухой, надрывный плач.

Мире не связали руки, как обещал король, но двое гвардейцев, сидевших на козлах повозки, бдительно следили за каждым её движением. Впрочем, бежать теперь было некуда. Вокруг расстилалась выжженная, чужая равнина, полностью подконтрольная королевским разъездам.

Пленников кормили раз в сутки — бросали черствый, серый хлеб, от которого пахло мышами, и позволяли сделать несколько глотков затхлой воды из грязного деревянного корыта, которое ставили прямо в дорожную пыль. Мира заставляла себя есть. Каждая крошка, которая с трудом лезла в пересохшее горло, была её маленьким оружием. «Я должна выжить, — упрямо повторяла она себе, глядя на свои грязные,

покрытые ссадинами пальцы. — Ради отца. Ради няни. Чтобы этот кудрявый тиран не увидел моих слез».

Король Калев больше не появлялся в хвосте колонны. Со своей личной гвардией он ускакал вперед еще в первый день, оставив конвой доставлять живой трофей в столицу. Но его невидимое присутствие ощущалось во всем: в безупречном, пугающем порядке марша, в сухом лае команд офицеров, в тяжелом страхе, который шлейфом тянулся за его армией.

К исходу третьих суток, когда солнце лениво покатилося за горизонт, окрашивая небо в цвет спелой брусники, на горизонте выросли зубчатые стены Цитадели Сокола.

Мира невольно затаила дыхание. Огромный замок из темно-серого, почти черного гранита буквально вырастал из отвесной скалы, возвышаясь над раскинувшимся внизу городом с его черепичными крышами и узкими улочками. От одного вида этой циклопической постройки веяло вековой, леденящей кровь мощью и абсолютной, безжалостной властью. Высокие сторожевые башни врезались в облака, словно когти гигантской птицы, а на главных воротах зловеще поблескивал огромный кованый сокол с распростертыми крыльями. Это было сердце королевства, в которое её привезли умирать или подчиняться.

Тяжелые, обитые железом дубовые ворота со стоном хлопнулись за последней телегой, отрезая пленников от остального мира. Внутренний двор замка встретил их суетой, звяканьем оружия и резким запахом лошадиного пота.

Колонну тут же разделили. Мужчин, включая измученного отца Миры, грубыми толчками угнали в сырые подземные ярусы, где располагались входы в каменоломни. Мира рванулась было вперед, чтобы крикнуть, поймать его взгляд, но тяжелая рука стражника наотмашь опустилась на её плечо, заставив упасть на каменные плиты двора.

— Смирно, девка! — прикрикнули сверху.

Женщин и молодых девушек выстроили в одну шеренгу у высокой гранитной стены. К ним не спеша вышла грузная, высокая женщина в строгом темном платье из плотной шерсти. На её широком кожаном поясе глухо звякала массивная, пугающая связка железных ключей. Это была фру Марта, экономка замка. Её блеклые, водянистые глаза сканировали прибывших с холодной, профессиональной оценкой опытного торговца, осматривающего пополнение на скотном рынке.

— Слушать меня внимательно! — её голос, низкий и резкий, эхом отразился от стен двора, заставив девушек сжаться. — Вы больше не свободные люди. Вы — собственность короны. Цитадель не терпит бездельников и слабаков. Будете работать на совесть, подчиняться безропотно — получите кров, теплую похлебку и чистую солому на ночь. Станете лениться, плакать или, упаси вас небо, бунтовать — познакомитесь с плетью палача в казематах. Нам всё равно, кем вы были там, у себя в болотах. Здесь вы — никто.

Марта медленно пошла вдоль шеренги, распределяя рабынь: кого-то грубо толкала в сторону кухни, кого-то отправ-

ляла в прачечные, где от едкого щелока кожа слазила с рук за считанные месяцы.

Напротив Миры экономка остановилась. Заметить грязное, испачканное сажей, но всё еще хранившее благородство черт лицо и, главное, гордо, упрямо поднятый подбородок, Марте не составило труда. Она прищурилась, и её тонкие губы сжались в ниточку. Она протянула руку и грубо, болезненно схватила Миру за подбородок, поворачивая её голову из стороны в сторону, словно проверяя зубы у лошади.

— Так это о тебе передали личный приказ его величества? — хмыкнула Марта, заметив на тонких запястьях девушки синяки от веревок. — Деревенская бунтарка, которая думала, что сможет сбежать от королевских соколов. Что ж, король любит порядок во всем. И укрощать таких, как ты, — моё любимое занятие.

Экономка отпустила её с такой силой, что Мира едва удержалась на ногах. — Твое место — на самом верхнем ярусе, в королевском крыле. Будешь убирать личные покои короля Калеба, выгребать золу и следить за каминами. Одно неверное движение, одна разбитая чаша из столичного хрусталя — и ты пожалеешь, что вообще родилась на свет. За мной!

Миру повели по бесконечным, путаным коридорам замка. Стены здесь были холодными, выложенными из серого камня, а факелы в железных кольцах отбрасывали длинные, пляшущие тени, похожие на призраков. Её привели в крошечную каморку под самой крышей Южной башни. Из ме-

бели здесь были лишь узкая деревянная топчана с охалкой перепревшей соломы и надколотый глиняный кувшин для воды. Окна не было — лишь узкая бойница, в которую со свистом задувал холодный осенний ветер.

Ей швырнули простое платье из грубого, колючего серого холста.— Переодевайся и немедленно за работу. В комнатах его величества к ночи должно быть чисто, как в храме.

Её будни превратились в сущий ад, сотканный из изнурительного труда и одиночества. Личные покои короля Калеба были огромными, мрачными и давящими. Высокие потолки терялись в густой тени, тяжелые бархатные портьеры цвета спелой вишни закрывали окна, а вдоль стен стояла массивная дубовая мебель и было развешано холодное оружие, начищенное до зеркального блеска.

Каждое утро, задолго до рассвета, Мира должна была на коленях выгребать золу из огромного, черного камина, таскать на верхний этаж тяжелые ведра с водой, тереть воском паркет до тех пор, пока в нем не начинали отражаться свечи, и чистить медные подсвечники. Её ладони, раньше знавшие только шелест книжных страниц, быстро покрылись болезненными мозолями, трещинами и ссадинами. Спина к вечеру ломилась так, что каждый шаг отзывался тупой болью в пояснице.

Сам король первые дни не появлялся в спальне во время её работы. Он пропадал на бесконечных военных советах, судах и смотрах войск. Мира видела лишь следы его незри-

мого присутствия, которые заставляли её сердце сжиматься от смеси ненависти и странного трепета. Брошенный на шелковое покрывало тяжелый камзол, пахнувший дорогой кожей, порохом и терпкими столичными духами. Недопитый серебряный кубок вина на столе. Разбросанные по всему кабинету пергаментные карты с резкими, стремительными пометками, сделанными его почерком.

Она ненавидела эти комнаты. Каждая вещь здесь кричала о человеке, который одним словом стёр с лица земли её прошлую жизнь. Но Мира дала себе клятву, засыпая каждую ночь на жесткой соломе: она не сломается. Она выдержит эту работу, изучит все тайные переходы этого проклятого замка, узнает, где держат отца, и найдет способ сбежать.

Но всем её планам суждено было столкнуться с суровой реальностью на исходе первой недели.

Был очень поздний, дождливый вечер. Ветер неистово бился в окна башни, заставляя пламя свечей дрожать. Мира заканчивала протирать пыль с тяжелого резного шкафа в самой глубине королевского кабинета, когда тяжелые дубовые двери, обитые бронзовыми полосами, резко, с грохотом распахнулись.

В комнату стремительным, размашистым шагом вошел Калёб.

На нем не было привычных доспехов — лишь тонкая сорочка из белого шелка с глубоко распахнутым воротом, открывающим сильную шею, и узкие черные штаны, заправ-

ленные в высокие сапоги из мягкой кожи. Его смоляные кудри были влажными — очевидно, он только что вернулся из замковых купален — и беспорядочно, бунтарски падали на лоб и глаза. Выражение его породистого лица было смертельно уставшим и раздраженным, губы сжаты в жесткую линию.

Мира мгновенно замерла в густой тени шкафа, прижав к груди мокрую тряпку и затаив дыхание. Она отчаянно надеялась остаться незамеченной, шмыгнуть мимо него, когда он отвернется.

Но молодой король обладал звериным, пугающим чутьем хищника. Он остановился посреди огромной комнаты, медленно повернул голову в сторону шкафа, и его бездонные темные глаза блеснули в полумраке опасным, пронизывающим блеском.

— Ты все еще здесь, — негромко произнес он. Его низкий голос разрезал тишину кабинета, как острый клинок. Это был не вопрос. Это была констатация факта, от которого у Мира по спине побежали ледяные мурашки. — Я думал, фру Марта уже давно заперла всех слуг в их норах.

Глава 4

Взгляд во тьму

Мира сжала пальцы так крепко, что грубая ткань тряпки затрещала, а застрявшая под ногтями мыльная вода больно обожгла свежие мозоли. Сердце сделало безумный кувырок и замерло где-то в районе горла. Она заставила себя сделать глубокий вдох и шагнуть вперед, выходя из густой, спасительной тени шкафа на тусклый, колеблющийся свет догорающих канделябров.

Её серое холщовое платье, покрытое разводами от золы и пятнами сырости, выглядело убогим и жалким в этих роскошных покоях, пахнущих дубом, дорогим табаком и воском. Но осанка девушки оставалась безупречно прямой. Она заставила себя поднять голову и посмотреть ему прямо в лицо — упорно, не опуская глаз, сознательно нарушая строжайший замковый этикет, который требовал от слуг падать ниц перед монархом.

Кaleb медленно, неторопливо подошел к тяжелому дубовому столу, заваленному картами. Он налил в массивный серебряный кубок густого, темного вина из хрустального графина и сделал неторопливый глоток. Всё это время его бездонно-темные, почти черные глаза не отрывались от лица девушки. В них не было ярости или вельможного гнева — скорее, ленивое, холодное любопытство хищника, который ле-

ниво сыт, но с интересом наблюдает за загнанной в угол дичью.

— Как тебя зовут, бунтарка? — спросил он, присаживаясь на край массивного стола и свободно скрестив руки на груди.

Тонкая ткань его шелковой сорочки натянулась, рельефно очерчивая широкие, крепкие плечи и сильные руки. Его темные, жесткие кудри слегка подсохли и теперь буйным облаком окружали лицо, делая его облик одновременно диким и пугающе благородным.

— Мира, — ответила она. Её голос слегка дрожал от волнения, но прозвучал отчетливо в полумраке кабинета.

— Мира, — повторил он, словно пробуя незнакомое слово на вкус.

На его четко очерченных губах появилась та самая едва заметная, жесткая усмешка, которую она запомнила на площади деревни. — Странное имя для той, кто пытается развязать войну с целым отрядом моих гвардейцев у опушки леса. Ты ведь понимаешь, девчонка, что Бруно мог убить тебя на месте? Мои люди на границе не привыкли церемониться с теми, кто бежит.

— Лучше бы убили, — резко, без раздумий бросила она. Эти слова вылетели из её уст прежде, чем она успела испугаться собственной дерзости. На мгновение ей показалось, что стены кабинета содрогнулись от её слов. — Это было бы милосерднее, чем гнить в вашей гранитной клетке и прислуживать человеку, который превратил мой дом в пепелище.

Воздух в комнате мгновенно похолодел, словно за окном внезапно наступила зима. Калёб поставил серебряный кубок на стол с глухим, тяжелым стуком. Его расслабленная, ленивая поза изменилась в долю секунды — он выпрямился, и в его высокой фигуре снова проступила та леденящая кровь, абсолютная властность, которая заставляла трепетать целые провинции.

Он сделал несколько медленных, бесшумных шагов к ней, сокращая расстояние между ними до опасного минимума. Мира инстинктивно хотела отступить, сделать шаг назад, но её лопатки уже уперлись в жесткую, холодную полку книжного шкафа. Она оказалась в ловушке, зажата между древними фолиантами и молодым королем.

Калёб наклонился к ней так близко, что Мира почувствовала тонкий аромат дорогого южного вина, терпкого мускуса и свежести воды от его влажных кудрей.

— Твой дом стоял на границе, которую ваш упрямый староста отказался признавать, — тихо, почти шепотом произнес король, но в его тихом голосе звенела чистая, каленая сталь. — Ваша община три года не платила налоги в казну, укрывала дезертиров из моей армии и думала, что столичные соколы не долетят до ваших болот. Я забираю то, что принадлежит короне по праву. А твоя жизнь, Мира, теперь принадлежит этой Цитадели.

— Я никогда не буду вашей! — прошептала она, чувствуя, как горячие слезы бессилия подступают к глазам, но упрямо,

из последних сил сдерживая их, чтобы не показать ему свою слабость. — Вы можете заковать моё тело, но не мою душу.

— Мне не нужна твоя душа, девочка, — Калёб протянул руку, и его длинные, сильные пальцы жестко, но аккуратно коснулись её подбородка.

Мира вздрогнула от этого неожиданного прикосновения — его кожа была удивительно, обжигающе горячей. Он настойчиво заставил её поднять голову еще выше, фиксируя её взгляд на своем. Кожа в месте прикосновения словно вспыхнула невидимым пожаром.

— Мне достаточно твоего послушания, — продолжал он, всматриваясь в её серые, полные скрытой ярости глаза. — Фру Марта говорит, что ты работаешь за троих, хоть и смотришь на всех волком. Продолжай в том же духе. Но помни: если я замечу хотя бы намек на яд в моем кубке или нож под моей подушкой... ты узнаешь, почему меня называют Безжалостным. Я прикажу повесить твоего отца на главных воротах замка у тебя на глазах.

Мира похолодела. Упоминание отца ударило под дых, выбивая остатки воздуха из легких. Калёб отпустил её подбородок так же внезапно, как и схватил. Она прерывисто вздохнула, прижав руку к горячей щеке.

— Свободна, — сухо бросил король, отворачиваясь к высокому окну, за которым неистовствовал ночной дождь. — Потуши свечи у дверей, когда будешь уходить. И не попадайся мне на глаза после захода солнца.

Мира практически выбежала из покоев, едва не выронив мокрую тряпку в коридоре. Сердце в её груди стучало как безумный набат. Она ненавидела его. Ненавидела его буйные кудри, его темные, пронизывающие глаза, его спокойный, уверенный голос, не знающий возражений. Но сильнее всего она ненавидела то странное, пугающее и постыдное чувство незащитности, которое охватило её, когда он стоял так близко.

Добежав до своей крошечной каморки в башне, она с силой задвинула деревянную щеколду, упала на жесткую солому и впервые за всё время с момента набег беззвучно, горько разрыдалась, задыхаясь от собственной слабости.

Глава 5

Невидимые нити

Осень окончательно вступила в свои права, укутав Цитадель Сокола шлейфом серых дождей и пронизывающих ветров, прилетавших со стороны Великих болот. Жизнь в замке текла по давно заведенному, суровому кругу. Мира постепенно привыкла к бесконечному, изнуряющему круговороту своей новой жизни. Ее руки погрубели, кожа на пальцах потрескалась от холодной воды и золы, а лицо осунулось, отчего серые глаза казались огромными и неестественно яркими. Но огонь, горевший в её душе, фру Марте так и не удалось потушить. Мира научилась быть идеальной тенью — беззвучной, исполнительной и незаметной. С королем Калэбэ она сталкивалась редко, и каждая их мимолетная встреча ограничивалась сухими, короткими приказами с его стороны и её молчаливыми, подчеркнуто холодными поклонами.

Всё изменилось в один из дождливых, промозглых вечеров, когда небо над Цитаделью стало цвета старого свинца.

Король уже несколько дней не покидал свой обширный кабинет, смежный со спальней. На южной границе назревал серьезный заговор баронов, и молодой правитель часами просиживал над картами, принимая гонцов и отправляя секретные депеши. В тот вечер Мира принесла в кабинет огром-

ную охапку сухих березовых дров, чтобы развести гаснущий, дымящий камин.

Калёб сидел за массивным столом, низко подперев голову руками. Его жесткие темные кудри были в полном беспорядке, словно он беспрестанно ерошил их пальцами, а ворот шелковой сорочки был глубоко расстегнут. Перед ним лежал старинный, потемневший от времени пергаментный свиток, скрепленный сургучной печатью. На нем был начертан текст на древнем приграничном диалекте, который использовали только в глухих окраинных провинциях. Калёб раздраженно потер переносицу и тихо, сквозь зубы ругнулся — старый переводчик замка слег с тяжелой лихорадкой, а время не ждало, гонец с юга требовал ответа до рассвета.

Мира бесшумно опустилась на колени перед камином и принялась аккуратно укладывать дрова. Раздувая угли, она краем глаза невольно взглянула на свиток, лежащий на самом краю стола, почти перед её лицом. Из-за специфического расположения букв и архаичных терминов текст казался абсолютной абракадаброй для столичных жителей, но для неё, выросшей на самой границе в семье ссыльного книжника, эти ломаные линии были знакомы с раннего детства.

Сама того не замечая, замороженная текстом, Мира вполголоса, едва слышным шёпотом прочитала фразу, которую смогла разобрать в нижних строках:— «...три отряда наемников укроются в ущелье Серой Совы до первого осеннего полнолуния, ожидая знака от южного барона для удара в

Тыл».

В кабинете мгновенно повисла мертвая, звенящая тишина. Был слышен только тихий треск первых занявшихся поленьев и завывание ветра за стеклом.

Мира внезапно похолодела, осознав, что произнесла перевод вслух. Она замерла на коленях, боясь даже вздохнуть, сжимая в руке железные щипцы для углей. Медленные, тяжелые шаги Калеба раздались за её спиной. Король поднялся со своего кресла. Шаг, еще один. Он подошел и остановился прямо над ней. Его высокая, мощная тень полностью накрыла девушку, отрезая её от света камина.

— Повтори, — приказал он.

Его низкий голос прозвучал непривычно тихо, лишенный прежней насмешливости или ленивого безразличия. В нем сквозило крайнее, предельное напряжение.

Мира медленно поднялась с колен, отряхнув подол серого платья, и повернулась к нему. Она снова заставила себя встретить его темный, пронизывающий взор. — Я... я просто прочитала то, что написано в нижнем абзаце донесения, ваше величество.

Кaleb стремительно, одним резким движением взял свиток со стола и ткнул пальцем в пожелтевший пергамент, прямо в те строки, на которые она смотрела. — Ты умеешь читать на старом наречии? Деревенская девчонка из приграничной глуши? Не лги мне.

— Мой отец был писарем и учителем в нашей общине, —

ответила Мира, стараясь, чтобы её голос звучал максимально твердо, несмотря на то, что сердце готово было выпрыгнуть из груди. — До переезда на границу он учился в столичной академии. Он обучил меня трем языкам и старой грамоте. В нашей деревне жили не дикари, какими вы нас, приграничных жителей, считаете из своих роскошных палат.

Король долго, не мигая, всматривался в её лицо, словно видел её впервые в жизни. В его бездонных темных глазах промелькнула целая гамма чувств: острое удивление, недоверие, сменившееся мгновенным, неожиданным проблеском глубокого уважения. Он медленно подошел к столу, отодвинул тяжелое резное кресло и кивком головы указал на стул, стоявший напротив.

— Садись, — коротко, отрывисто бросил он.

— Ваше величество, мне не положено сидеть в вашем присутствии...

— Это приказ, Мира, — перебил Калёб, и в его голосе снова звякнула привычная королевская сталь, но на этот раз в ней не было угрозы для её жизни. — Забудь на этот вечер о тряпках, ведрах и золе. Мне нужен точный, дословный перевод этого документа. Прямо сейчас. Если ты поможешь мне разгадать планы заговорщиков на юге, я сдержу слово и прикажу облегчить условия для всех пленных из твоей деревни. Им заменят тяжелые кандалы на обычную работу в мастерских и увеличат ежедневный паек.

Это было предложение, от которого Мира не могла и не

имела права отказаться. Ради своего отца и испуганных односельчан она была готова наступить на любую, самую глупую гордость.

Она несмело подошла к столу и присела на самый край резного дубового стула. Кaleb пододвинул к ней пергамент и сел рядом — так близко, что Мира снова почувствовала сильное тепло, исходящее от его тела, и уловила тонкий аромат его кожи.

Следующие три часа они провели вместе, склонившись над картами и старыми текстами. Мира переводила сложные, витиеватые обороты древнего диалекта, а Кaleb внимательно слушал, делая стремительные пометки на полях своих военных документов. В процессе этой работы его привычная суровость и маска Безжалостного короля куда-то исчезли. Он спорил с ней о точном значении военных терминов, хмурился, когда они заходили в тупик из-за стертых чернил, и искренне, коротко рассмеялся, когда Мира с легкой иронией поправила его в произношении старого приграничного слова. Этот неожиданный смех полностью преобразил его породистое лицо, сделав его молодым, живым и удивительно притягательным. Мира поймала себя на мысли, что заморожено смотрит на то, как его темные кудрявые волосы рассыпаются по плечам, когда он наклоняется над картой.

Когда с переводом было окончательно покончено, за высокими окнами Цитадели уже брезжил бледный, холодный предзакатный свет. Мира устало потерла затекшие глаза и

опустила перо.

— Ты проделала отличную работу, Мира, — негромко произнес Калёб.

Он смотрел на неё без прежней маски сурового завоевателя. Его взгляд стал мягче, глубже, в нем появилось что-то личное, от чего у Миры сладко и испуганно екнуло в груди.— Я сдержу свое слово. Твоим людям в каменоломнях станет легче уже сегодня утром. Я дам личный указ фру Марте.

— Спасибо, ваше величество, — Мира поспешно поднялась со стула, собираясь уйти в свою каморку, пока чары этой ночи не рассеялись.

— Мира, — окликнул он её у самой двери.

Она остановилась и обернулась. Калёб стоял у стола, залитый первыми бледными лучами утреннего солнца, которые красиво подчеркивали его темные кудри и сильный силуэт.— С завтрашнего дня ты освобождаешься от черной работы. Ты больше не будешь мыть полы. Ты назначаешься моим личным помощником в библиотеке и кабинете. Твоя голова нужна мне здесь.

Мира молча кивнула и быстро вышла, прижав дрожащие руки к груди. Сердце билось вовсе не от страха перед ним. Она с ужасом поймала себя на мысли, что этот жестокий правитель, разрушивший её мир, только что показал себя с совершенно другой, благородной и притягательной стороны. И эта его сторона пугала её сейчас гораздо сильнее, чем весь

его гнев.

Глава 6

Шёпот за спиной

Новое назначение Миры взорвало сонную, чопорную и строго регламентированную жизнь Цитадели Сокола подобно грому среди ясного неба. Известие о том, что простая приграничная рабыня, еще вчера выгребавшая золу из каминов, освобождена от грязной работы и допущена в святая святых замка — королевскую библиотеку, мгновенно разлетелось по переходам и галереям крепости.

Фру Марта, отдавая Мире новое платье, смотрела на неё со смесью глубокого подозрения и скрытой, почти суеверной тревоги. На этот раз наряд был сшит не из мешковины, а из плотной, добротной темно-синей шерсти. К нему прилагался аккуратный белый воротничок и изящная шнуровка на спине. — Ты ступила на очень тонкий, опасный лед, девочка, — тихо, почти беззвучно проворчала экономка, с силой затягивая узлы на корсаже Миры. — Король Кaleb справедлив, но его гнев подобен лесному пожару. То, что он разглядел в тебе пользу для своих военных карт, ещё не делает тебя неприкосновенной при этом дворе. Берегись знати, Мира. Графы и бароны не прощают тем, кто взлетает из грязи в князи без их ведома и соизволения. Для них ты — бельмо на глазу.

Мира и сама прекрасно это понимала. Идя по длинным, гулким коридорам замка по направлению к королевскому

крылу, она буквально кожей, физически чувствовала косые, полные презрения и ледяной зависти взгляды придворных дам, лакеев в расшитых ливреях и стражников. За её спиной шуршал змеиный шёпот, но она упрямо расправляла плечи и шла вперед, не позволяя себе ускорить шаг или опустить голову.

Однако стоило тяжелым, обитым кованым железом дубовым дверям библиотеки закрыться за её спиной, как весь этот враждебный, шипящий мир мгновенно исчезал.

Здесь, под высокими сводами, царили абсолютная, величественная тишина и покой. Воздух был пропитан благородными запахами векового пергамента, сушеной лаванды, воска и дорогих кожаных переплетов. Огромные стрельчатые окна от пола до потолка пропускали мягкий, рассеянный осенний свет, который золотистыми полосами ложился на бесконечные ряды книжных полок, уходящих под самый потолок.

Калёб уже ждал её. Он сидел за длинным дубовым столом, заваленным свитками. На нем был строгий черный камзол с искусным серебряным шитьем в виде соколиных крыльев на манжетах. Его буйные темные кудри были небрежно, но элегантно зачёсаны назад, открывая высокий лоб.

При виде Миры в новом синем платье король на секунду замер. Его бездонные темные глаза медленно, заморожено скользнули по её постройневшей фигуре, заставив девушку густо, до самых корней волос покраснеть. Калёб резко

кашлянул, словно прогоняя наваждение, и мгновенно вернул своему лицу привычный деловой и строгий вид.

— Твоя задача на сегодня, Мира, — произнес он, указывая на внушительную, угрожающую стопку пожелтевших от времени свитков на краю стола. — Разобрать архивы налоговых и таможенных поступлений из западных и приграничных провинций за последние десять лет. Мне нужно понять, какие суммы наместники укрывают от казны. Мои казначеи утверждают, что эти земли бесплодны, но я подозреваю, что золото просто оседает в чужих карманах.

Они начали работать. Первые несколько дней Калёб держался подчеркнуто официально, даже холодно. Он относился к ней как к полезному, грамотному инструменту, способному быстро переводить и сопоставлять сложные тексты. Но долгие часы, проведенные в уединении замкнутого пространства библиотеки, неизбежно разрушали эту искусственную стену сословного отчуждения.

Мира оказалась не просто исполнительной переписчицей. Обладая острым, пытливым умом и врожденной приграничной наблюдательностью, она часто замечала такие скрытые нестыковки в цифрах, которые годами упускали из виду престарелые столичные чиновники.

— Посмотрите сюда, ваше величество, — сказала она на исходе четвертого дня работы, указывая кончиком пера на полузатертую строчку в старом свитке.

От неожиданной близости её руки Калёб слегка повернул

голову. Его горячее дыхание коснулось её виска, заставив сердце Миры пропустить удар. Она судорожно сглотнула, но заставила свой голос звучать ровно:— Налог на соль и пушнину в провинции Эйр падал каждый раз, когда в столице объявляли о неурожае зерна. Но ведь эти вещи никак не связаны между собой. Соль добывают в глубоких шахтах, пушнину бьют в лесах, погода на них не влияет. Наместник просто крал разницу, списывая всё на общие провинциальные убытки и голод, зная, что из Цитадели никто не поедет проверять шахты в такую глушь.

Калёб внимательно, нахмурившись, всмотрелся в пергамент, сопоставляя даты, а затем медленно перевел свой глубокий взгляд на Миру. На его четко очерченных губах заиграла та самая редкая, обезоруживающая улыбка, которая так пугала и одновременно непреодолимо притягивала её.

— Ты просто удивительна, Мира, — негромко, почти интимно произнес он. В его низком голосе слышались непривычные, бархатные теплые нотки, от которых у девушки перехватило дыхание. — Мои высокородные советники протирают штаны на заседаниях годами, получают за это золото и не видят того, что ты раскопала за пару часов. Где, ты говорила, учился твой отец?

— В столичной королевской академии, — ответила Мира, и её серые глаза на мгновение подернулись грустью. — До того, как прежний король сослал его на границу за вольнодумство и дружбу с опальными лордами. Он всегда говорил,

что цифры и книги никогда не врут, в отличие от людей.

Калеб молча смотрел на неё несколько секунд. В этот удивительный миг между ними словно стерлись все условности мира. Не было грозного короля-завоевателя и пленной служанки. Были лишь двое молодых людей, объединенных общим делом и взаимным уважением.

Король протянул руку, словно повинуюсь какому-то внутреннему, неосознанному порыву, и аккуратно, едва касаясь, поправил непослушную прядь каштановых волос, выбившуюся из её прически и упавшую на лицо. Его теплые пальцы на долю секунды скользнули по её нежной щеке. Кожа в месте этого мимолетного прикосновения словно вспыхнула невидимым костром.

Мира затаила дыхание, не в силах пошевелиться под его взглядом. В бездонных темных глазах Калеба сейчас отражалась не жестокость Безжалостного монарха, а странная, глубокая, затаенная тоска и что-то ещё — горячее, пугающее, от чего у неё сладко и больно заныло в груди.

Этот хрупкий момент был грубо, безжалостно прерван резким, громким стуком в дверь.

Мира инстинктивно отпрянула назад, чуть не опрокинув чернильницу, а Калеб мгновенно, в долю секунды принял свой привычный холодный, надменный и недостижимый вид правителя.

В библиотеку безмятежным шагом вошел молодой, изящно и дорого одетый дворянин — барон Кристиан, один

из ближайших приближенных короля. Он бросил на Миру быстрый, брезгливый взгляд, словно увидел на столе грязное насекомое, и обратился прямо к монарху:— Ваше величество, Большой Военный Совет в сборе и ждет только вас. Вопрос с южными границами требует вашего немедленного присутствия. И... графиня Элоиза де Монтегю очень беспокоится, почему вы пропускаете уже второй званый ужин подряд в её обществе. Её отец, герцог, весьма недоволен таким невниманием.

Калёб заметно нахмурился, и его жесткие темные кудри в беспорядке упали на лоб, выдавая скрытое раздражение.— Я буду в зале Совета через минуту, Кристиан. Свободен.

Когда барон вышел, оставив после себя шлейф дорогих приторных духов, Калёб повернулся к Мире. В его взгляде снова появилась привычная непроницаемая маска, но под ней Мира успела заметить мимолетную тень усталости и глухого недовольства.— На сегодня работа окончена, Мира. Возвращайся в свою башню. Завтра продолжим.

Мира почтительно поклонилась и поспешила выйти из библиотеки. Имя «графиня Элоиза» больно, неожиданно укололо её сердце, оставив на губах неприятный, горький осадок. Она шла к себе и яростно напоминала себе, кто она такая — пленная служанка, рабыня, чью деревню он сжег, и кто такой он — великий король, у которого есть своя вселенная, политические обязанности, невесты и знатные фаворитки. Но почему-то мысль об этой таинственной графине Эло-

изе не давала ей сомкнуть глаз до самого бледного рассвета.

Глава 7

Яд и бархат

Графиня Элоиза де Монтегю славилась в Цитадели Сокола не только своей утонченной, безупречной красотой, но и расчетливым, холодным умом. Дочь одного из самых влиятельных герцогов юга, она уже полгода жила при дворе, твердо намереваясь стать королевой и увенчать свои золотистые локоны короной Калеба. Появление приграничной служанки в святая святых короля — его личной библиотеке — Элоиза восприняла как личное, кровное оскорбление. Слухи о том, что Безжалостный король подолгу засиживается наедине с девкой из низов, жгли её самолюбие сильнее раскаленного железа.

На следующий день, когда Калёб ранним утром уехал на дальний полигон для осмотра столичных гарнизонов, Мира осталась в библиотеке одна. Ей нужно было переписать начисто огромные, испорченные старыми чернилами отчеты о пошлинах. В зале стояла привычная тишина, нарушаемая лишь шуршанием перьев и воем ветра за высокими окнами.

Внезапно тяжелая дверь библиотеки скрипнула. Мира подняла голову. В зал неторопливым, царственным шагом вошла женщина, чье платье из тяжелого изумрудного шелка с глубоким вырезом и длинным шлейфом шуршало по паркету. Её золотистые волосы были уложены в сложную, вы-

чурную прическу, а на бледной шее сверкало ожерелье из редких зеленых бериллов. Лицо её было прекрасным, но холодным, как мрамор надгробия.

Мира медленно поднялась со своего места и почтительно, но без раболепства склонила голову, сразу поняв по взгляду барона Кристиана, тенью следовавшего за госпожой, кто именно перед ней.

— Так вот ты какая, — голос Элоизы прозвучал мягко, почти ласково, но в этой мягкости сквозило ядовитое змеиное шипение.

Графиня медленно обошла вокруг длинного дубового стола, шурша дорогими юбками, и остановилась прямо напротив Миры. Её блекло-зеленые глаза сканировали холщовое, хоть и чистое синее платье девушки с глубоким, искренним презрением.

— Деревенская сиротка, которая возомнила, что её нищенский ум может читать королевские тайны и помогать монарху, — Элоиза брезгливо повела тонкой бровью.

— Я лишь выполняю прямые приказы его величества, госпожа графиня, — спокойно, удерживая дыхание, ответила Мира. Она изо всех сил старалась, чтобы её голос не дрожал от подступающей обиды.

— Приказы? — Элоиза презрительно, громко усмехнулась, переглянувшись с Кристианом. Её длинные, ухоженные пальцы с острыми ногтями коснулись аккуратной стопки пергаментов, над которыми Мира трудилась последние три

часа.

Одним резким, небрежным движением руки графиня смахнула свитки на пол. Тяжелая каменная чернильница покатилась следом, с глухим стуком перевернулась и залила густой темной жижей чистые, только что переписанные листы.

— Ой, какая досадная неосторожность, — фальшиво протянула Элоиза, наступая носком дорогой туфельки прямо на мокрый от чернил пергамент. — Калевб — молодой мужчина и суровый воин. Он может забавляться с дикарками вроде тебя в своих грязных военных походах, спать с ними в палатках и слушать их бредни. Но в своем родовом замке он не потерпит этой приграничной грязи. Запомни свое место, девка. Ты — рабыня. Собственность. И как только Калевб наиграется в милосердие и государственную мудрость, я лично позабочусь, чтобы тебя отправили туда, откуда тебя привезли. В самые глубокие каменоломни. Живой ты оттуда не выйдешь.

Мира почувствовала, как к горлу подкатывает горячий, удушливый ком ярости. Весь страх, копившийся в ней днями, вдруг испарился, уступая место той самой гордости, которую Калевб так и не смог сломать. Она посмотрела на уничиженную работу, на которую потратила всё утро, а затем подняла свои серые глаза прямо на графиню. В её взгляде не было и капли рабского страха.

— Его величество ценит ум, преданность и пользу для короны, графиня, — негромко, но отчетливо, так, что каждое

слово эхом отскочило от книжных полок, произнесла Мира. — И если бы ему нужны были только пустые забавы и красивые шелка, он бы проводил свои вечера в ваших роскошных покоях, а не над этими скучными свитками со мной.

Лицо Элоизы мгновенно, в одну секунду исказилось от дикой, неконтролируемой ярости. Такой дерзости от прислуги она не ожидала услышать даже в кошмаре. — Дрянь! — взвизгнула она.

Графиня резко замахнулась, чтобы наотмашь ударить Миру по лицу своей тяжелой рукой, украшенной перстнями. Мира инстинктивно зажмурилась, готовая принять удар и не издать ни звука, но хлесткого удара не последовало. Вместо этого в библиотеке раздался железный, громовой звук, от которого зазвенели витражные стекла.

— Довольно! — этот ледяной голос заставил Кристиана мгновенно вжать голову в плечи.

Мира резко открыла глаза. На пороге библиотеки стоял Калёб. Он вернулся с гарнизонов гораздо раньше, чем ожидали придворные. Его тяжелый дорожный плащ еще висел на одном плече, покрытый каплями дорожной грязи, темные кудри были взъерошены от быстрой скачки, а бездонные черные глаза горели таким опасным, первобытным гневом, какого Мира еще никогда у него не видела.

Король стремительно, чеканя шаг тяжелыми сапогами, подошел к столу. Элоиза инстинктивно отступила на два шага назад, поспешно опуская руку и пытаясь вернуть лицу бла-

городное выражение.

— Калёб, дорогой... — ласковым, дрожащим тоном начала графиня, протягивая к нему ладони. — Ты вернулся... Эта девка, она совершенно отбилась от рук, она оскорбила меня и мой род...

— Графиня Элоиза, — перебил её король. Его голос был непривычно тихим, но от этой тишины веяло смертным приговором. Он даже не посмотрел на её протянутые руки. — Я не помню, чтобы давал вам или барону Кристиану разрешение переступить порог моей личной библиотеки. И я не потерплю, чтобы в моем замке кто-то распоряжался моими помощниками и уничтожал государственные документы.

— Но посмотри, какой здесь беспорядок! Она сама пролила чернила, она лжет тебе! — запричитала Элоиза, указывая пальцем на пол, хотя её собственный туфель был испачкан черной жижей.

— Вон, — тихо, но так, что стены библиотеки, казалось, задрожали, произнес Калёб.

Он наконец повернул голову к графине, и его жесткие темные кудри грозно колыхнулись. В его взгляде была безжалостность, способная стирать с лица земли города. — Возвращайтесь в свои покои, графиня Элоиза. Прямо сейчас. И если я еще хоть раз увижу вас в этой части замка или услышу, что вы приближались к Мире... ваш высокородный отец будет забирать вас обратно на юг уже завтра утром. В закрытой карете. Без права возвращения ко двору.

Элоиза, тяжело дыша от унижения и ярости, покраснела пятнами. Она поняла, что проиграла этот раунд. Схватив свои тяжелые шелковые юбки, она стремительно выбежала из библиотеки. Барон Кристиан, бледный как полотно, выскочил следом за ней, трусливо прикрыв дверь.

В зале снова воцарилась звенящая, густая тишина. Кaleb медленно перевел свой взгляд на пол, где среди растоптанных свитков растекалась лужа чернил, а затем подошел к Мире вплотную.

Его руки, обычно сжимавшие рукоять меча, двигались удивительно бережно. Он взял Миру за запястья, приподнимая её руки и внимательно осматривая пальцы, словно проверяя, не успела ли Элоиза ранить её своими перстнями. Это прикосновение было невероятно нежным, горячим и надежным.

— Ты в порядке, Мира? Она не тронула тебя? — спросил он, и в его бездонных темных глазах Мира увидела то, что её поразило — неподдельную, глубокую и острую тревогу за её жизнь.

— Да... да, ваше величество, я в порядке, — прошептала она.

И вдруг, вопреки всей её железной воле, по её щеке показилась одинокая, горячая слеза. Это были слезы не от страха перед злой графиней, а от шока и облегчения. Тот, кого она считала своим главным врагом, только что яростно и бескомпромиссно защитил её перед лицом высшей знати.

Кaleb медленно протянул руку. Его большой палец, огрубевший от поводов, аккуратно и нежно стер слезу с её щеки. Его теплая ладонь задержалась на её лице, согревая кожу и заставляя Миру забыть, как дышать.

— Я обещал тебе в ту ночь, что твоя жизнь принадлежит этой Цитадели, Мира, — очень тихо, почти касаясь своими губами её уха, прошептал король, наклоняясь ближе. — А значит, ты под моей личной защитой. Никто в этом королевстве не посмеет причинить тебе вред или унижить тебя. Даже если для этого мне придется пойти против всей знати и Совета. Запомни это.

Мира смотрела в его бездонные темные глаза, видела, как в них отражается её собственное испуганное лицо, и с ужасом понимала: стена ненависти, которую она так тщательно и упорно строила между ними с самого дня набега, окончательно и безвозвратно рухнула. Этот кудрявый завоеватель, пленивший её тело, медленно, но верно забирал в рабство её собственное мятежное сердце.

Глава 8

Скрытые искры

Прошла неделя после оглушительного скандала в королевской библиотеке. Цитадель Сокола словно погрузилась в зыбкое, тревожное затишье. Графиня Элоиза безвыездно находилась в своем южном крыле, сославшись на внезапное недомогание, но Мира не обманывалась этим мнимым покоем. Она выросла в приграничье и прекрасно знала: самая опасная гадюка замирает перед тем, как нанести смертельный узел атаки. Атмосфера вокруг королевских покоев сгустилась, напоминая тяжелый, наэлектризованный воздух перед сильной грозой.

В один из вечеров Калёб засиделся за государственными делами допоздна. Из-за затяжных осенних дождей, хлеставших по гранитным стенам башни, в кабинете было сыро и зябко. Огромные сквозняки гуляли под высокими сводами, заставляя пламя свечей в канделябрах испуганно метаться и отбрасывать на стены длинные, уродливые тени.

Мира, закончив сложный перевод переписки южных наместников, устало опустила перо. Её плечи затекли, а пальцы озябли. Заметив, что огонь в огромном камине начинает гаснуть, оставляя после себя лишь тусклые угли, она послушно подошла к деревянному коробу, взяла охапку сухих березовых поленьев и опустилась на колени перед черным

зевом топки.

Она аккуратно, стараясь не шуметь, укладывала дрова, как вдруг почувствовала, что привычный скрип гусяного пера за её спиной прекратился. В комнате воцарилась абсолютная, звенящая тишина, нарушаемая лишь редким стуком тяжёлых капель дождя по стеклу.

Мира медленно обернулась, по-прежнему сидя на коленях.

Калёб сидел, глубоко откинувшись на высокую резную спинку своего тяжёлого кресла. Его руки покоились на подлокотниках, а взгляд бездонных тёмных глаз был прикован исключительно к ней. В полумраке кабинета, который разгоняли лишь редкие золотистые вспышки пламени от разгорающейся бересты, его лицо казалось отлитым из тёмного мрамора. Жёсткие смоляные кудри в беспорядке рассыпались по плечам, отливая вороновым крылом, а ворот рубашки был небрежно распахнут, открывая сильную шею. Он смотрел на неё долго, не мигая, с каким-то странным, тяжёлым и одновременно уязвимым выражением.

— Ты слишком бледная в последние недели, Мира, — негромко произнес он. Его низкий, бархатный голос разрезал тишину, заставив девушку вздрогнуть. — Тебя всё ещё пугают эти трусливые шёпотки за твоей спиной? Или ты до сих пор ждёшь удара от уязвленной графини?

Мира медленно поднялась с колен, отряхивая ладони от сухой древесной пыли. Она заставила свой голос звучать

ровно, хотя сердце уже начинало ускорять свой бег под шерстяной тканью синего платья.— Я привыкла к шёпоту, ваше величество. В моей деревне отец часто повторял, что шёпот за спиной слышит лишь тот, кто идет впереди остальных. Меня не волнуют придворные. Но... мне не хватает воздуха в этих гранитных стенах. В Цитадели всё слишком монументальное, холодное и давящее. Я скучаю по простору приграничных лесов. Здесь мне тяжело дышать.

Калёб молча, неторопливо поднялся со своего места. На нем не было тяжелого королевского камзола с серебряным шитьем — лишь тонкая темная рубашка, которая подчеркивала крепкий, мощный разворот его плеч и развитую мускулатуру воина. Он подошел к ней так близко, что Мира снова почувствовала то самое сильное, пьянящее тепло, исходящее от его тела, и уловила едва заметный аромат его кожи — смесь дорогого табака, мокрого гранита и свежей хвои.

— Идем, — коротко, отрывисто бросил он.

И, не дожидаясь её ответа или возражения, он уверенно взял её за руку. Его длинные пальцы были горячими и сильными, они мягко, но непреклонно переплелись с её пальцами.

Мира не успела ничего сказать, как Калёб повел её не к главному выходу, где всегда дежурила бдительная королевская гвардия, а вглубь кабинета. Он отодвинул тяжелый гобелен с изображением старинной битвы, обнажив скрытую в стене узкую дубовую дверь. Повернув замаскированный же-

лезный рычаг, король открыл проход. Они начали спускаться вниз по крутой, темной винтовой лестнице, вырубленной прямо в толще гранитной скалы.

Спустя несколько минут они толкнули неприметную калитку и оказались снаружи. Мира восхищенно охнула и замерла.

Это был закрытый королевский сад, укрытый от остального мира высокими крепостными стенами. Сюда не имели доступа ни министры, ни бароны, ни простая замковая стража — это было личное, неприкосновенное убежище монарха, о существовании которого знали лишь единицы.

Дождь, терзавший Цитадель весь день, незаметно прекратился, оставив после себя прохладный, кристально чистый и влажный воздух. Плотный ночной туман белыми волнами сползал со стен, окутывая кусты редких поздних роз и подстриженные тисовые аллеи. Над темными зубцами башен ярко, безмолвно сияла полная луна, заливая всё вокруг призрачным серебряным светом.

Мира сделала глубокий вдох, подставив лицо ночной прохладе. Она со светлой, искренней улыбкой закрыла глаза, впитывая в себя давно забытые запахи мокрой земли, увядающих листьев и ночных цветов. В этот миг её лицо разгладилось, вернув себе ту девичью, чистую красоту, которую так усердно пыталась стереть Цитадель.

Кaleb стоял рядом, слегка отступив назад и скрестив руки на груди. Но он смотрел не на сад, не на луну и не на туман.

Его бездонные темные глаза были прикованы исключительно к её лицу.

— Тебе очень идет улыбка, Мира, — тихо, почти шепотом произнес он. В его голосе больше не было и капли привычной королевской властности, высокомерия или строгости. Осталась лишь странная, непривычная и пугающая мягкость. — Здесь, под этим небом, ты не рабыня, не пленница и не служанка. И я здесь не король. В этом саду мы просто... мы. Два человека.

Мира медленно повернулась к нему, её сердце забилося так сильно, что удары отзывались в висках. Серебряный лунный свет красиво очерчивал его породистый профиль и заставлял жесткие кудри казаться мягче. — Почему вы привели меня сюда, Калёб? — она впервые решилась назвать его по имени, без титулов, и это имя отозвалось на её губах сладостью и страхом. — Зачем вы защищаете меня от графини? Зачем улучшили жизнь моим землякам в каменоломнях? Вы ведь жестокий завоеватель, Безжалостный король, который сжег мою деревню и забрал нас в рабство. Вы должны ненавидеть меня за мою дерзость, а не прятать в своем тайном саду.

Калёб сделал медленный шаг вперед, сокращая расстояние между ними до опасного минимума. Мира чувствовала, как его тепло борется с ночной прохладой. — Потому что этот мир устроен гораздо сложнее, чем тебе кажется, Мира, — ответил он, и в его глубоком голосе впервые промелькну-

ла затаенная, старая боль. — Мой первый долг как короля — защищать целостность этого государства. Твоя деревня Ольховка три года подряд тайно снабжала провиантом и укрывала южных мятежников, которые хотели развязать гражданскую войну, убить меня и залить всю страну кровью. Мой набег не был прихотью жестокого тирана — это была суровая военная необходимость, чтобы остановить бунт в зародыше. Я шел туда уничтожать врагов короны. Но когда среди дыма и огня я увидел тебя... гордую, растрепанную, готовую умереть, но не опустить голову перед моей армией... я впервые за много лет засомневался. Я понял, что на той границе жили не только предатели.

Он медленно протянул свою большую, горячую руку и нежно, едва ощутимо коснулся пальцами её щеки. Мира крупно вздрогнула от этого прикосновения, но не отпрянула. Её кожа в месте контакта словно вспыхнула чистым пламенем.

— Ты заставила меня вспомнить, Мира, что под этой тяжелой, проклятой золотой короной я всё ещё остаюсь живым человеком, способным чувствовать, — прошептал Калёб, медленно наклоняясь к её лицу.

Мира смотрела в его бездонные темные глаза, в которых сейчас, словно в капле чистой воды, отражался серебряный диск луны. Весь остальной мир — Цитадель, сожженная деревня, сословные законы, бароны и опасности — в одно мгновение растворился в густом ночном тумане. Остались

только его горячее, прерывистое дыхание на её коже и оглушительный стук её собственного сердца, готового вырваться из груди.

Калёб медленно, давая ей последнюю возможность оттолкнуть его, коснулся своими губами её губ.

Поцелуй был сначала робким, осторожным, словно он боялся спугнуть дикую птицу, но уже через секунду он вспыхнул сдерживаемой долгими неделями страстью. Калёб уверенно притянул её к себе за талию, сминая пальцами плотную шерсть её синего платья и прижимая к своему горячему телу. А Мира, окончательно потеряв контроль над разумом, забыв обо всех клятвах ненависти, которые давала себе в камере, запустила пальцы в его жесткие, непокорные темные кудри, отвечая на поцелуй с такой же неистовой, сокрушительной силой. В эту лунную ночь они оба были пленниками — пленниками великого, непреодолимого чувства, от которого уже невозможно было сбежать ни одному из них.

Глава 9

Маски и кинжалы

Утро вернуло всё на свои места с безжалостной, ледящей кровью отчетливостью. Когда Мира на следующий день вошла в королевский кабинет, её сердце бешено колотилось, а щеки всё еще горели от воспоминаний о ночных поцелуях в тумане закрытого сада. Но Калёб уже сидел за своим массивным столом в окружении трех министров и начальника тайной канцелярии. На короле был застегнутый на все пуговицы парадный черный камзол с серебряным шитьем, а его породистое лицо казалось отлитым из гранита. Он едва удостоил её присутствие холодным, мимолетным кивком головы.

— Положите новые отчёты о пошлинах на край стола, Мира, и немедленно займитесь разбором южного архива, — сухо, без тени вчерашней мягкости произнес он, даже не подняв на неё своих бездонных темных глаз.

Мира с трудом сглотнула подступивший к горлу горький ком. «Конечно, — подумала она, покорно отходя к дальнему книжному шкафу в тени гобеленов. — Ночью в тумане он может позволить себе быть уязвимым человеком, но днем перед своими баронами он — суровый монарх, Безжалостный король». Ей было невыносимо больно от этой резкой перемены, но она заставила себя надеть точно такую же маску

холодного безразличия, скрывая бурю в душе.

Лишь поздно вечером, когда уставшие министры наконец разошлись, Калёб медленно подошел к её рабочему месту. Он внимательно оглянулся на тяжелую закрытую дверь кабинета и осторожно опустил на деревянную поверхность её стола небольшой продолговатый сверток, обернутый в плотный темный бархат.

— Это тебе, — очень тихо, почти шёпотом произнес он.

Его жесткие темные кудри слегка упали на лоб, а в глубине черных глаз на секунду промелькнуло то самое ночное, садовой тепло.— Надень под платье на пояс и никогда не снимай. Это спасет твою жизнь, если меня по какой-то причине не окажется рядом. Время сейчас беспокойное.

Мира аккуратно развернула мягкую ткань. Внутри лежал изящный, невероятно тонкий кинжал работы столичных мастеров. Его лезвие было выковано из лучшей каленой стали, а рукоять из благородного черного дерева была украшена крупным, идеально ограненным сапфиром, который по цвету в точности совпадал с её синим шерстяным платьем. Это был не просто подарок. Это был знак его глубокой привязанности, скрытой нежности и, главное, тайной тревоги за неё.

— Спасибо, Калёб, — прошептала она, пряча оружие в потайных складках своей тяжелой юбки.

Они обменялись долгим, полным невысказанных слов взглядом, совершенно не подозревая, что за пределами этих комнат вокруг них уже захлопнулась смертельная ловушка.

Графиня Элоиза де Монтегю не собиралась сдаваться. Понимая, что после публичного унижения в библиотеке король больше не подпустит её к себе, она решила действовать чужими руками. Графиня щедро, не скупясь, заплатила золотом сэру Томасу — одному из молодых, амбициозных стражников ночного караула, у которого из-за пристрастия к костям скопились огромные, неподъемные карточные долги перед столичными ростовщиками. План был прост, изящен и смертоносен.

Спустя два часа после того, как Мира закончила работу и вернулась в свою крошечную каморку под самой крышей Южной башни, тишину ночи взорвал страшный грохот.

Тяжелая деревянная дверь с треском распахнулась, едва не слетев с петель. В крошечное помещение, размахивая факелами, ворвались трое гвардейцев во главе с начальником замковой стражи. — Обыскать здесь всё! Перевернуть каждый угол! — громогласно скомандовал он.

Мира в ужасе вскочила со своей узкой топчаны, инстинктивно прижимая правую руку к подолу платья, где на поясе висел подаренный королем кинжал. Её сердце ушло в пятки.

Один из стражников — тот самый сэр Томас с алчным блеском в глазах — намеренно, словно заранее зная, куда смотреть, направился к дальнему углу каморки, где лежала охапка сухой перепревшей соломы. С наигранным, фальшивым удивлением он зашуршал травой и вытащил на свет узкий, свернутый пергаментный свиток, скрепленный тяжелой

сургучной печатью тайной канцелярии.

— Надо же, какая интересная находка у нас здесь прячется, — зловеще ухмыльнулся Томас, демонстрируя свиток начальнику стражи. — Секретная карта оборонительных укреплений и численности гарнизонов южной границы короны.

— Это не моё! Я никогда в жизни не видела этого свитка! Мне его подбросили! — вскрикнула Мира, стремительно бледнея. Острая паника охватила её разум: она мгновенно поняла, чьих рук это дело.

— Расскажешь эти сказки палачу в казематах, девка, — грубо, со злорадством оборвал её начальник стражи. — Тебя обвиняют в шпионаже в пользу приграничных повстанцев, краже секретных документов государственной важности и измене короне. В тяжелые кандалы её! Живее!

Миру грубо, наотмашь перехватили за плечи и заломили руки за спину. При быстром и бесцеремонном личном обыске один из гвардейцев нащупал на её поясе скрытое оружие и с силой вырвал подарок короля. Сэр Томас, стоявший в дверях и прячущий лицо в тени факела, довольно, хищно улыбнулся, крутя в руках изящный кинжал с сапфиром. Ловушка графини Элоизы сработала безупречно.

Свиток, якобы найденный в вещах личной помощницы короля, был неопровержимым, страшным доказательством вины. В Цитадели Сокола за подобное предательство существовало только одно наказание, перед которым были рав-

ны и дворяне, и слуги — немедленная и позорная смерть на плахе.

Её грубо поволокли вниз по бесконечным, холодным каменным коридорам башни, уводя всё глубже — туда, где располагались сырые подземные казематы. Мира шла, едва переставляя ноги от ужаса, кандалы больно натирали её лодыжки, а в её голове, словно безумный набат, стучала одна-единственная, разрывающая сердце мысль: «Поверит ли Кaleb в мою измену, когда увидит эту карту? Заставит ли долг монарха надеть маску Безжалостного короля и собственноручно подписать мне смертный приговор?»

Глава 10

Суд и сталь

Сырость подземных казематов Цитадели Сокола проби-
рала до самых костей, выдувая из тела последние остатки
тепла. Мира сидела на ледяном, покрытом склизким мхом
каменном полу, тесно прижавшись спиной к влажной сте-
не камеры. Железные кандалы, которые ей снова, с особым
пристрастием нацепили на исцарапанные запястья и лодыж-
ки, казались неподъемными грузилами. Тяжелая цепь уходи-
ла глубоко в стену, намертво приковывая её к граниту. Ма-
ленькое зарешеченное болотное окошко под самым потол-
ком, выходившее на ров замка, едва пропускало бледный, се-
рый свет наступившего утра. В подземелье пахло плесенью,
застоявшейся водой и застарелым страхом сотен тех, кто на-
шел здесь свой конец.

Сверху, со стороны винтовой лестницы, раздался тяже-
лый, надрывный скрежет железа. Дверь в конце казематного
коридора со стоном отворилась.

Мира затаила дыхание, инстинктивно сжавшись в комок.
Она ожидала увидеть угрюмого замкового палача в кожаной
маске или грубых стражников, пришедших увести её на до-
прос. Но по длинному каменному залу эхом разнеслись со-
всем другие шаги — уверенные, стремительные, тяжелые и
до боли знакомые. Этот шаг она узнала бы из тысячи.

В полумрак темницы вошел Калев. На короле был тяжелый боевой доспех из вороненой стали, словно он собирался не на судебный совет, а на кровавую войну, а его жесткие темные кудри в полном беспорядке рассыпались по плечам. Его породистое лицо было смертельно бледным, скулы обтянуты, а в глубине бездонных черных глаз бушевало такое леденящее, первобытное неистовство, что двое сопровождавших его стражников трусливо остались стоять у самого входа в казематы, боясь попасть под горячую руку монарха.

Король быстрыми шагами подошел к самой решетке её одиночной камеры. Мира медленно, преодолевая боль в затекших ногах, поднялась с пола. Цепи жалобно и громко звякнули в тишине подземелья. Она смотрела на него сквозь железные прутья со смесью отчаянной надежды и затаенного страха.

— Они нашли секретную карту южных укреплений короны в твоей соломе, Мира, — тихо, но так, что голос завибрировал от сдерживаемого колоссального напряжения, произнес Калев. — Весь Большой Совет сейчас буквально орет о твоей немедленной казни. Старые бароны и графы требуют твоей головы на пике у главных ворот замка уже к полудню, чтобы проучить приграничных бунтарей и показать силу закона. Они обвиняют меня в излишней мягкости к рабам.

— Вы верите им, Калев? — прошептала она, сделав один неуверенный шаг вперед, насколько позволяла длина железной цепи. Её серые глаза неотрывно смотрели в его лицо.

— Вы действительно верите, что я могла украсть эту карту и предать вас? После всего... после нашей ночи в закрытом саду?

Калеб долго, мучительно всматривался в её осунувшееся, бледное лицо, на котором отчетливо виднелись следы копоты и грязи от обыска. В его суровом, пугающем взгляде на секунду проступила та самая глубокая, отчаянная и болезненная нежность, которую он так тщательно скрывал от всего мира под своей золотой короной.

Одним резким движением он протянул свои сильные руки сквозь ржавые прутья решетки и крепко, до боли сжал её холодные, скованные железом ладони. Его пальцы были обжигающе горячими, и это живое тепло мгновенно разлилось по телу Миры, возвращая ей силы бороться.

— Если бы я верил им хотя бы на секунду, Мира, тебя бы сейчас здесь не расспрашивали. Тебя бы уже допрашивали с пристрастием в пыточной башне, — ответил Калеб, и в его низком голосе звенящей сталью отозвалась абсолютная королевская власть, перед которой трепетал замок. — Карта, которую сэр Томас якобы нашел в твоей камерке, лежала в моем личном, секретном сейфе в кабинете. Ключ от этого сейфа есть только у двух людей в этом мире: у меня и у начальника тайной канцелярии. Ты физически, даже при всем своем остром уме, не могла её оттуда достать. Тот, кто подбросил её тебе, совершил фатальную, глупую ошибку — он просто не знал, какие именно документы я держу под осо-

бым замком, и решил выбрать самый важный свиток для пущей убедительности.

Мира с облегчением выдохнула, чувствуя, как с её души словно свалился огромный, давящий гранитный камень. Слезы едва не брызнули из её глаз, но она упрямо сдержала их.— Это графиня Элоиза де Монтегю, — уверенно произнесла Мира, сильнее сжимая его горячие пальцы. — Она лично угрожала мне в библиотеке перед вашим возвращением. Обещала, что я сгнию в каменоломнях. Это её месть за унижение.

— Я знаю, что это она, — Кaleb мрачно нахмурился, и его жесткие темные кудри грозно колыхнулись в полумраке темницы. — Но у меня нет ни одного прямого, неопровержимого доказательства против неё. Она разыграла эту партию чужими руками, оставаясь в тени своего южного крыла. Стражник, который проводил обыск и «нашел» свиток — сэр Томас. Я приказал моим ищейкам тайно перевернуть всю его казарму, но золото графини они, очевидно, спрятали надежно. Если я просто казню или вышлю дочь герцога без явных улик, её могущественный отец поднимет восстание на всем юге, и начнется затяжная гражданская война. Мне нужно, чтобы Томас заговорил на Совете сам. Но он молчит, надеясь на защиту Монтегю.

Мира наморщила лоб, лихорадочно перебирая в памяти детали той страшной ночи, когда её камеру разгромили солдаты.— Сэр Томас не так умен, как графиня, — внезапно

вспомнила она, и её глаза блеснули от озарения. — Когда меня арестовывали, он стоял в дверях и улыбался. Но перед этим они провели личный обыск. Кaleb, у меня забрали кинжал, который вы мне подарили вчера вечером. Тот самый изящный клинок из черного дерева с крупным сапфиром. Томас лично вырвал его у меня из рук и долго крутил в пальцах с алчным блеском. Наша экономка, фру Марта, как-то обмолвилась на кухне, что у Томаса огромные, неподъемные карточные долги перед столичными ростовщиками. Такой человек азартен и жаден. Он ни за что не удержался бы от искушения оставить такую дорогую вещь себе или тайно спрятать её в своих личных вещах, посчитав обычным трофеем у рабыни. Он ведь не знает, кто сделал этот подарок.

В бездонных темных глазах Калеба мгновенно вспыхнула хищная, торжествующая искра. Острая наблюдательность и ум Миры снова дали ему в руки сокрушительный ключ к разгадке.— Мой личный кинжал, выкованный дворцовым оружейником, с королевским секретным клеймом династии на самом лезвии, — медленно, смакуя каждое слово, произнес король. На его губах появилась жесткая, холодная и смертельно опасная усмешка. — Если этот подарок окажется в его личном сундуке или у столичного перекупщика — это прямое доказательство кражи королевского имущества и соучастия в государственном заговоре. За такое по законам Цитадели полагается дыба без права на заступничество лордов. И поверь мне, Мира, перед лицом дыбы сэр Томас

расскажет Совету абсолютно всё: и про графиню, и про её кошель с южным золотом.

Калёб медленно, с явным неохотой отпустил её руки и сделал шаг назад, оборачиваясь к застывшей у дверей страже.— Потерпи ещё совсем немного, Мира, — тихо, но с такой железной твердостью, которая не оставляла сомнений, произнес он, уже не оборачиваясь. — Клянусь тебе своей короной, к вечеру ты будешь полностью свободна. А те, кто заставил тебя страдать в этих застенках, проклянут тот день, когда они вообще переступили порог моей Цитадели.

Тяжелые железные двери подземелья со стоном захлопнулись, погружая коридор во тьму, но на этот раз Мира осталась сидеть на ледяном полу с легкой, уверенной улыбкой на губах. Она больше не боялась. Она точно знала: её кудрявый король идет вверх вершить свое страшное и справедливое правосудие.

Аннотация к книге «Хозяин черного замка»

Франция, 1684 год. О замке графа Алистера де Валуа в округе говорят лишь шепотом. Жители крестятся при упоминании его имени, а заезжие торговцы стараются проскочить окрестные леса до наступления темноты. Но у юной Анны, потерявшей семью и кров, нет выбора — голодная смерть на дороге пугает её сильнее крестьянских суеверий. Став новой служанкой в замке, она думала, что обрела спасение. Она еще не знала, что переступила порог личного ада.

Глава 11

Маски сорваны

Главный тронный зал Цитадели Сокола был погружен в гнетущее, звенящее молчание. Осенние солнечные лучи, пробивавшиеся сквозь высокие стрельчатые окна с витражами, ложились на холодные мраморные плиты пола багрово-красными, рваными пятнами, похожими на следы недавней битвы. Вдоль монументальных гранитных стен, затянув пояса тяжелых бархатных камзолов, выстроились все члены Высшего Совета, бароны и графы. В самом центре этого живого кольца из фальши и затаенного торжества, бледная, со следами копоти на лице, но с высоко поднятой головой, стояла Мира. С её израненных рук уже сняли тяжелые кандалы, но двое массивных гвардейцев за её спиной по-прежнему держали ладони на эфесах обнаженных мечей.

Король Калёб восседал на массивном резном троне из темного дуба. Его жесткие темные кудри казались чернее самой ночи на фоне парадного полудоспеха, начищенного до зеркального блеска, а взгляд обжигал присутствующих ледяным, непроницаемым спокойствием. Справа от трона, едва заметно покачивая веером из редких павлиньих перьев и пряча торжествующую, змеиную улыбку, стояла графиня Элоиза де Монтегю. Её золотистые локоны были уложены идеально, а платье из парчи сияло богатством. Она была уве-

рена, что эта приграничная девка сегодня закончит свой путь на плахе.

— Итак, господа, — низкий, рокочущий голос Калеба разнесся под высокими сводами зала, заставив многих министров инстинктивно вздрогнуть и выпрямиться. — Высший Совет требует от меня немедленной и позорной казни моей приграничной помощницы за государственную измену и шпионаж. Главное и неопровержимое доказательство — секретная военная карта южных укреплений, якобы найденная в её камерке сэром Томасом во время ночного обыска.

Молодой стражник Томас, стоявший чуть поодаль в парадном кольчужном доспехе, напыщенно выпятил грудь и отвесил королю низкий, подобострастный поклон. В его глазах горел алчный блеск близкой награды. — Так точно, ваше величество. Я лично, выполняя свой долг перед короной, обнаружил этот документ, спрятанный в её соломе. Закон Цитадели суров к предателям, и...

— Закон действительно суров, сэр Томас, — резко, как удар бича, перебил его Калёб. Его бездонные темные глаза хищно, в долю секунды сузились. — Особенно он суров к тем, кто совершает дерзкую кражу из личной королевской казны.

Король сделал едва заметный, едва уловимый кивком головы знак начальнику тайной канцелярии. Тот, звякнув стальными наплечниками, вышел вперед из тени гобеленов и с глухим стуком швырнул на длинный судейский стол

небольшой бархатный сверток темного цвета. Ткань от удара развернулась, и в лучах полуденного солнца зловеще и ярко блеснуло изящное стальное лезвие. Рукоять из благородного черного дерева, украшенная крупным, идеально ограненным сапфиром, заставила Элоизу на секунду замереть и опустить веер.

— Мой личный кинжал с секретным гербом правящей династии на лезвии, — лениво, почти безразлично произнес Калев, медленно поднимаясь со своего трона. Шаг за шагом, чеканя удар тяжелых сапог по мрамору, он спускался по каменным ступеням помоста прямо к застывшему стражнику. — Этот уникальный клинок был изъят моими ищейками полчаса назад при повторном, тщательном обыске твоего личного сундука в казарме гвардии. Ты спрятал его на самом дне, под ворохом грязного белья. Объясни Высшему Совету, сэр Томас, как личное оружие короля оказалось у простого стражника, который еще вчера обвинял служанку в краже карт?

Лицо Томаса мгновенно, в одно мгновение стало землисто-серым, покрывшись каплями холодного пота. Его колени подогнулись, и он с грохотом упал на мраморные плиты пола, едва не задев шпорами собственную кирасу. — Ваше величество! Помилуйте! Пресвятая дева... Я... я нашел его! Он лежал на полу...

— Он лежал в личных вещах Миры, которые ты безжалостно обыскивал без моего прямого на то приказа, — от-

резал Калёб, остановившись над дрожащим воином. В его высокой фигуре сейчас дышала та самая первобытная, пугающая мощь, которая делала его Безжалостным монархом. — Ты совершил кражу королевского имущества, надеясь покрыть свои позорные карточные долги перед городскими ростовщиками. А еще ты подбросил секретную карту, которую тебе передал человек, имеющий тайный доступ к канцелярии. Назови мне имя этого человека, Томас. Назови его прямо сейчас. Или через пять минут замковый палач начнет греть железо для дыбы в подземных застенках. Нам понадобится всего один твой палец, чтобы ты вспомнил всё.

Слово «дыба» подействовало на азартного стражника отрезвляюще и страшно. Он окончательно потерял всякое самообладание, затрясся всем телом и перевел безумный от ужаса взгляд с ледяного лица короля на застывшую, побелевшую как полотно графиню Элоизу. — Это она! — завопил Томас, тыча дрожащим пальцем в сторону Монтегю. — Графиня Элоиза дала мне кошель с южным золотом! Она сама принесла эту проклятую карту и приказала мне тайно спрятать её в соломе у девки, чтобы казнить её! Умоляю, ваше величество, пощадите, я лишь выполнял волю дочери герцога!

По огромному тронному залу пронесся оглушительный, шокированный вздох сотен присутствующих. Бароны и графы зашептались, испуганно шарахаясь от застывшей графини, словно от зачумленной. Элоиза с грохотом выронила дорогой веер из павлиньих перьев на пол. Её идеальное, хо-

ленное лицо перекошилось от бессильной ярости и смертного страха, а золотистые локоны растрепались от резкого выдоха.— Он лжет! Это наглая ложь! Навет приграничного отребья! — истошно закричала она, умоляюще глядя на Калеба и пытаясь сделать шаг к нему. — Кaleb, ты не имеешь права верить этому продажному солдату! Мой отец, великий герцог...

— Твой отец получит это золото обратно вместе с моим личным письмом о твоём позоре, Элоиза, — Кaleb медленно повернулся к ней, и в его бездонных темных глазах не осталось ни капли человеческого тепла или прежнего безразличия. Осталась лишь карающая сталь. — Ты совершила государственную измену, подделав подпись начальника канцелярии и выкрад важные военные документы ради удовлетворения своей мелкой, грязной личной мести. Своим эгоистичным поступком ты едва не спровоцировала масштабный бунт на южной границе короны.

Король перевел свой жесткий взгляд на командира личной гвардии:— Сэра Томаса — немедленно в глубокие казематы до вынесения окончательного смертного приговора за кражу и измену. Графиню Элоизу де Монтегю лишить всех придворных привилегий, титулов и под усиленным конвоем выслать в глухое родовое поместье её отца на самом крайнем юге. Без права когда-либо возвращаться в столицу. Если она или её слуги посмеют пересечь черту города — казнить на месте без суда и следствия.

Элоизу, которая продолжала задыхаться от слез, сыпать грязными проклятиями в адрес Миры и умолять о пощаде, грубо перехватили под руки подошедшие тяжелые стражники и быстрыми шагами поволокли к огромному выходу. Зал провожал её позорное удаление гробовым, осуждающим молчанием.

Кaleb медленно, успокаивая дыхание, повернулся к Мире. Вся его пугающая, безжалостная аура сурового правителя растаяла в одно мгновение, уступая место глубокому, обнаженному и искреннему чувству, которое он больше не собирался прятать. На глазах у всего застывшего в шоке Совета, удивленных баронов и графов он подошел к ней вплотную и бережно, нежно взял её за руки. Его ладони, как и прежде, были обжигающе горячими, возвращая Мире чувство абсолютной, незыблемой безопасности.

— Перед лицом Высшего Совета и короны я объявляю Миру полностью, абсолютно невиновной по всем пунктам обвинения, — громко, так, чтобы слышал каждый уголок огромного зала, твердо произнес Кaleb. — Отныне она полностью освобождена от статуса пленной служанки или рабыни. Она официально назначается моим личным секретарем и главным советником короля по сложным приграничным делам. Любое оскорбление, шёпот или косой взгляд в её адрес отныне будут караться так же сурово, как оскорбление самого монарха.

Мира смотрела в его темные, буйные кудрявые волосы,

ловила взгляд его бездонных глаз, в которых сейчас отражалось колоссальное облегчение и гордость за её стойкость. Она понимала, что эта тяжелая победа над графиней — лишь самое начало их нового, еще более сложного и опасного пути среди придворных интриг. Но теперь, чувствуя силу его пальцев, она точно знала: они стоят на этом пути вместе.

Глава 12

По тонкому льду

Статус официального секретаря и главного советника принёс Мире не только долгожданную свободу, но и новые, куда более изысканные и изощренные опасности. По личному приказу короля её переселили из душной каморки в просторные, светлые покои в Восточной башне замка. Из её огромных стрельчатых окон открывался величественный вид на бескрайние, уходящие за горизонт приграничные леса, напоминавшие ей о доме.

Вместо грубого, колючего холста серого платья теперь её кожу ласкали дорогие столичные ткани — платья из плотного бархата цвета ночного неба, тяжелого шелка приглушенных земных оттенков и тончайшего кружева, которые подчеркивали её природную грацию и благородство черт. Однако эта роскошная жизнь казалась Мире ежедневной прогулкой по тонкому, трещащему льду, под которым бурлила смертельная бездна.

Оставшиеся члены Высшего Совета и старые бароны, привыкшие годами единолично делить власть и доходы короны, не могли смириться с тем, что молодой правитель Калёб прислушивается к мнению девчонки из низов. На официальных заседаниях Совета они демонстративно замолкали, стоило Мире войти в зал со стопкой пергаментов, а за её спиной

плелась невидимая, удушающая паутина из заговоров, фальшивых улыбок и затаенной ненависти. Но в кабинете короля все эти маски сбрасывались за ненадобностью. Кaleb всё чаще запирали тяжелые дубовые двери изнутри, оставляя весь этот враждебный мир снаружи.

Был очень поздний вечер. За окнами Восточной башни шумел холодный осенний ветер, срывая последние листья с деревьев в королевском саду. Мира закончила составлять важный указ о снижении грабительских пошлин для ремесленников и торговцев приграничья — это был её первый серьезный шаг на пути к восстановлению справедливости для её народа. Она аккуратно расплавил над свечой кусок багрового сургуча и поставила тяжелую королевскую печать на пергамент.

Кaleb сидел в глубоком кресле у камина, не отрывая взгляда от её лица. В полумраке, разгоняемом лишь золотистыми языками пламени, его буйные темные кудри казались совсем черными и были в беспорядке рассыпаны по плечам, а ворот шелковой рубашки был небрежно распахнут, открывая сильную шею с четко бьющейся жилкой.

— Ты полностью изменила этот замок, Мира, — тихо, но с глубоким чувством произнес он. Его низкий, бархатный голос заставил девушку вздрогнуть. — Раньше в этих стенах пахло только сталью, кровью, порохом и сухими, мертвыми законами. Теперь я впервые за всю свою жизнь чувствую, что возвращаюсь вечером домой, а не просто в холодную воен-

ную крепость.

Мира отложила перо, поднялась из-за стола и медленно подошла к камину, протягивая озябшие пальцы к огню. Золотистые блики пламени окрасили её лицо в теплые тона.— Я лишь выполняю свою работу, Калед. Я пытаюсь сделать так, чтобы ваше королевство не утонуло в бесконечных бунтах и нищете из-за жадности ваших баронов.

Калед резко, одним слитным движением поднялся со своего места, мгновенно сокращая расстояние между ними до опасного минимума. От него исходило то самое привычное, пьянящее тепло, смешанное с тонким ароматом дорогого табака и хвои. Он мягко, но настойчиво взял её за запястья, заставляя поднять голову и посмотреть на него. В его бездонных темных глазах горело то самое чувство, которое он больше не мог и не желал скрывать от самого себя.

— Хватит говорить со мной так, будто мы на заседании Совета, — прошептал он, и его горячее дыхание коснулось её губ. — Ты прекрасно знаешь, Мира, что вся моя королевская власть и титулы — ничто по сравнению с той властью, которую ты имеешь надо мной. Ты пленила меня в тот самый день, когда посмела взглянуть на меня с презрением и гордостью на площади твоей горящей деревни. Я искал упрямую рабыню, чтобы сломать её приграничную спесь, а в итоге сам оказался твоим верным пленником.

Мира почувствовала, как земля уходит у неё из-под ног, а сердце колотится в груди так сильно, что казалось, этот стук

слышен на всю Цитадель.— Калерб... — её голос сорвался на прерывистый выдох. — Это безумие. Ты великий король. Твой Совет и могущественные герцоги никогда не позволят тебе быть с приграничной сиротой. Они найдут способ уничтожить меня, если я подойду к твоему трону слишком близко. Они уже пытались.

— Пусть только попробуют, — в его голосе звенящей, безжалостной стали отозвалась та самая пугающая сила, которая заставляла трепетать его врагов, но взгляд, устремленный на Миру, оставался уязвимым, нежным и обнаженным. — Я перебыю их всех, я сотру в порошок любой род, если они посмеют хотя бы пальцем коснуться тебя. Я люблю тебя, Мира. Люблю твой острый, гордый ум, твою несгибаемую волю и твою чистую душу. И я не отпущу тебя, даже если мне придется пойти войной против собственных баронов и поджечь это королевство с четырех концов.

Он уверенно прижал её к своей груди, и Мира больше не стала бороться со своими чувствами, которые так долго пыталась сдерживать. Она запустила пальцы в его жесткие, непослушные темные кудри, притягивая его к себе. Их поцелуй был вкусом долгожданной свободы — горьким от страха перед будущим, но отчаянным, сладким и сокрушительным. Они оба понимали, что ступили на самый тонкий лед, под которым бурлила бездна, но пути назад для них больше не существовало.

Глава 13

Запах пороха и крови

Зимняя охота в королевских лесах, окружавших Цитадель Сокола, традиционно считалась не просто забавой монарха, а важным государственным ритуалом. Это было время, когда знать могла продемонстрировать свою преданность престолу, а король — подтвердить статус сильнейшего воина. Но на этот раз Высший Совет настаивал на выезде с какой-то особенной, подозрительной настойчивостью. Старый граф Бертран, возглавивший партию недовольных баронов после изгнания графини Элоизы, с приторной, фальшивой улыбкой предложил королю взять с собой его нового советника: «Пусть госпожа Мира лично воочию увидит величие наших древних столичных традиций».

Калёб согласился только потому, что панически боялся оставлять Миру в замке одну. Без его личного присутствия её пища могла внезапно покрыться каплями невидимого яда, а двери покоев — оказаться незапертыми для наемных убийц. Он держал её подле себя. На Мире был плотный суконный охотничий костюм темного цвета и тяжелый теплый плащ, глубокий капюшон которого был оторочен густым лисьим мехом.

Первая зимняя пороша уже успела укрыть приграничный лес чистым, ослепительно белым саваном. Копыта коней глу-

хо, размеренно стучали по подмерзшей, скованной первыми заморозками земле, а залиvistый, неистовый лай гончих собак эхом разносился среди высоких вековых сосен.

Калёб ехал впереди отряда на своем огромном вороном жеребце. Его жесткие темные кудри были слегка припорошены крупными хлопьями падающего снега. Король то и дело оглядывался назад, проверяя, как держится Мира на своей послушной гнедой кобыле, шедшей чуть позади его гвардейцев. Они обменивались теплыми, мимолетными взглядами, скрытыми от глаз остальной свиты. Но Миру с самого утра не покидало гнетущее, липкое предчувствие неминуемой беды. Она то и дело замечала, как бароны переглядываются между собой, и как сэр Кристиан, шедший по левую руку от монарха, подозрительно отстал от основного отряда, увлекая за собой загонщиков.

— Ваше величество! В глубоком дальнем овраге обнаружен свежий след матерого вепря! — внезапно крикнул один из егерей, увлекая большую часть знатных охотников в глубь чащи, в сторону от главной просеки.

Королевский отряд разделился. Из-за суматохи и узких лесных троп Калёб, Мира и всего трое верных гвардейцев из его личной охраны оказались зажаты в узком заснеженном ущелье, густо окруженном зарослями дикого малинника и бурелома.

Внезапно кобыла Миры испуганно всхрапнула, запрядала ушами и взвилась на дыбы, едва не сбросив девушку на зем-

лю. Из густых зарослей с сухим, страшным треском вылетела вовсе не бесшумная арбалетная стрела. Лес содрогнулся от оглушительного, незнакомого жителям столицы грохота, от которого заложило уши.

Порох. Запрещенное, редкое приграничное оружие, секрет которого ревностно охранялся южными наемниками.

Один из королевских гвардейцев, шедший впереди, замертво свалился со своего седла с огромной пробитой дырой в груди, окрасившей чистый снег в багровый цвет. В ту же секунду из-за заснеженных деревьев с дикими криками выскочили пятеро рослых мужчин в грязно-серых плащах без каких-либо опознавательных знаков, с обнаженными тяжелыми мечами.

— Засада! Окружайте Миру! Защищайте её любой ценой!
— громоподобно взревел Кaleb.

Его бездонные темные глаза в долю секунды налились кровью, а породистое лицо исказила та самая леденящая, первобытная ярость, которая когда-то сделала его Безжалостным королем в глазах врагов.

Его вороной конь мощной грудью бросился вперед, сминая сугробы. Кaleb одним слитным, безупречным движением выхватил свой тяжелый боевой меч и с ходу, на всем скаку снес голову первому нападавшему наемнику. Оставшиеся двое гвардейцев приняли удар на себя, завязав жестокую схватку с остальными, но нападавшие действовали слаженно и четко — их главной, первостепенной целью явно был не

сам вооруженный монарх, а беззащитная девушка.

Двое убийц, ловко проскочив сквозь кровавый заслон, кинулись прямо к испуганной, мечущейся лошади Миры. Один из них с силой перехватил кобылу за поводья, заставляя её остановиться, а второй яростно рванул Миру за подол тяжелого плаща, сдергивая её из седла.

Мира сгруппировалась, но всё равно тяжело упала в глубокий снег, больно ударившись правым плечом о скрытый корень дерева. Наемник, тяжело дыша, навис над ней, занося широкий, зазубренный тесак для смертельного удара.— Горячий привет тебе от южных баронов, приграничная девка, — прохрипел он, обнажая гнилые зубы.

Времени на страх, слезы или панику не оставалось. В её сознании вспыхнул инстинкт выживания. Мира мгновенно вспомнила про подарок Калеба — изящный кинжал с сапфиром, который она, повинуясь его приказу, теперь всегда носила скрытым на своем поясе. Её пальцы в шерстяных перчатках в долю секунды нащупали рукоять из черного дерева. Когда наемник наклонился ниже, чтобы нанести точный рубящий удар, Мира резко, со всей силой выбросила правую руку вперед и снизу вверх, точно под подбородок, вогнала тонкое, острое лезвие.

Мужчина захрипел, его грязные глаза округлились от дикого удивления. Оружие выпало из его ослабевших пальцев, и он тяжело, как подкошенный мешок, рухнул прямо на неё, заливая чистый лисий мех её капюшона своей горячей, гу-

стой кровью.

Второго нападавшего, который уже замахивался мечом на лежащую девушку, настиг сам Калёб. Король спрыгнул со своего вороного коня прямо на ходу. Его тяжелый клинок со свистом рассек морозный воздух, с сокрушительной силой разрубая врага от плеча до самой груди. Жесткие темные кудри монарха дико развевались на зимнем ветру, а лицо было забрызгано каплями крови врагов.

В ущелье снова воцарилась тишина, нарушаемая лишь тяжелым, прерывистым дыханием Калеба и хрипом раненых лошадей. Король брезгливо отшвырнул окровавленный меч в сторону, упал на колени прямо в снег перед Мирой и грубыми, но отчаянно дрожащими от пережитого ужаса руками сбросил с неё тяжелое тело убитого наемника.

Его ладони тряслись, когда он бережно поднимал её со снега и прижимал к своим металлическим наплечникам. Его жесткие кудри кололи её лицо, а бездонные темные глаза безумно, со страхом сканировали её фигуру в поисках скрытых ран.

— Ты ранена? Отвечай мне, Мира! Умоляю, скажи, что они не задели тебя! — его низкий голос сорвался на хриплый крик, в нем звенел первобытный, дикий страх человека, который только что едва не потерял единственный смысл своей жизни.

— Нет... нет, Калёб, я цела. Это его кровь, — прошептала Мира, тяжело дыша и глядя на изящный кинжал в своей ру-

ке, с сапфира которого на белый снег медленно капали багровые капли. — Они сказали... они сказали, что это привет от южных баронов.

Калёб медленно повернул голову в сторону убитых наемников. Его искаженное от страха лицо внезапно разгладилось, став пугающе, смертельно спокойным, словно маска из белого мрамора. Мира прекрасно знала этот взгляд — точно так же он смотрел на её горящую деревню год назад. Но теперь этот сокрушительный гнев был направлен исключительно на её защиту.

— Граф Бертран и его трусливая шайка, — тихо, почти шепотом произнес король, и в этом ледяном шёпоте уже читалась смертная казнь для доброй половины Высшего Совета. — Они думали, что запрещенный порох приграничных наемников отведет от них подозрения и я обвиню бунтовщиков. Они хотели убить тебя, зная, что ты — моя единственная уязвимость. Они совершили свою последнюю, самую страшную ошибку в жизни.

Он помог Мире подняться на ноги, бережно и нежно отряхивая её суконный плащ от налипшего снега, а затем повернулся к единственному оставшемуся в живых гвардейцу, который баюкал раненую руку. — Труби общий сбор отряда. Мы немедленно возвращаемся в Цитадель. Сегодня ночью в зале Совета освободится очень много кресел.

Глава 14

Корона из пепла и крови

Возвращение охотничьего кортежа под мрачные своды Цитадели Сокола напоминало похоронную процессию, увенчанную глухой, удушающей жаждой мести. Убитых наемниками гвардейцев везли на длинных телегах, наспех укрытых черными знаменами короны. Калёб ехал во главе отряда, не проронив ни единого слова за всю дорогу. Его породистое лицо казалось каменным изваянием, высеченным из замкового гранита, а в бездонных темных глазах застыла леденящая, абсолютная решимость правителя, готового пролить реки крови ради порядка. Мира следовала за ним, чувствуя, как под суконным плащом пальцы всё еще крепко сжимают рукоять кинжала — подарка короля. Кровь наемника на ткани её костюма уже успела подсохнуть, потемнеть и стянуть шерсть уродливой коркой.

В тот же вечер в Большом замковом зале был созван экстренный, закрытый Высший Совет. Никакого праздничного пира по случаю возвращения с охоты не было — длинные столы пустовали, а вдоль монументальных стен плотным, непроницаемым кольцом выстроилась личная гвардия короля, закованная в тяжелую черную броню. Бароны и графы испуганно перешептывались, стремительно бледнея при виде обнаженного оружия стражи. Старый граф Бертран си-

дел на своем привычном, почетном месте по правую руку от пустующего королевского трона, изо всех сил стараясь сохранять невозмутимый, величественный вид. Однако его сухие, поддрагивающие пальцы нервно перебирали тяжелую золотую цепь на груди, выдавая колоссальный страх перед разоблачением.

Тяжелые дубовые двери зала распахнулись с оглушительным скрежетом. Калёб вошел стремительным, размашистым шагом, и его черный дорожный плащ взметнулся за спиной, словно крылья сокола перед атакой. Жесткие темные кудри были небрежно зачесаны назад, открывая горящий гневом лоб. Следом за ним, одетая в строгое темно-синее бархатное платье, вошла Мира. Она не опускала головы, её серые глаза смотрели прямо на тех, кто еще несколько часов назад в тишине зимнего леса подписал ей смертный приговор.

Калёб не сел на трон. Он остановился у самого подножия помоста, тяжело опершись обеими ладонями на эфес своего массивного боевого меча, стоявшего острием в мраморный пол.

— Сегодня в королевском лесу была совершена гнусная, трусливая попытка убийства моего главного советника, — разнесся под высокими сводами зала его низкий, рокочущий голос, от которого у многих министров подкосились ноги. — Нападавшие наемники использовали пороховое оружие, характерное для южных бунтовщиков. Они глупо думали, что я спишу это покушение на приграничных разбойников.

— Невероятная, чудовищная дерзость, ваше величество! — притворно ахнул граф Бертран, поспешно поднимаясь со своего места и прижимая руку к сердцу. — Приграничные разбойники совсем отбились от рук. Нужно немедленно выслать карательный отряд на южные рубежи...

— Карательный отряд уже работает, Бертран. Но здесь, прямо в этом замке, — ледяным, режущим тоном перебил его Кaleb. Его темные глаза сфокусировались на лице старого графа с хищной, убийственной точностью. — Час назад мои ищейки перевернули твое личное крыло в Цитадели. Мы искали следы. И нашли тайную переписку с предводителем наемников из банды «Серые волки», в которой ты, Бертран, лично обещаешь им триста золотых столичных монет за голову Миры и карту южных оборонительных укреплений. Ту самую карту, которую твои люди подбросили ей неделю назад руками сэра Томаса.

Зал одновременно ахнул. Бертран пошатнулся, его лицо мгновенно, в долю секунды потеряло последние остатки красок, став серым, как пепел. — Это подлог! Грязный навет! Вы не имеете права верить словам этой... этой приграничной рабыни!

— Она больше не рабыня, Бертран. Она — та, кто спасет это королевство от таких гнид, как ты и твои приспешники, — Кaleb резко, со звоном выхватил тяжелый меч из ножен, и сталь зловеще блеснула в неровном свете факелов. — Взять его. И всех, кто сидит по левую руку от него. Вы все

причастны к заговору против короны.

Гвардейцы в черной броне со звоном обнажили оружие и в одно мгновение скрутили Бертрана и еще четверых высоко-родных баронов. Их отчаянные крики, проклятия и оправдания затихли за тяжелыми дубовыми дверями, когда их поволокли в самые глубокие подземные казематы, откуда для предателей еще никто и никогда не возвращался живым.

В зале воцарилась гробовая, звенящая тишина. Оставшиеся члены Высшего Совета замерли на своих местах, боясь даже вздохнуть под взглядом монарха. Кaleb медленно убрал меч в ножны и повернулся к Мире. Вся его пугающая, безжалостная аура сурового правителя растаяла в одно мгновение, уступая место глубокому, обнаженному и искреннему чувству. Он протянул ей свою большую, горячую руку.

Мира сделала уверенный шаг вперед и вложила свои пальцы в его ладонь. Кaleb повел её вверх по каменным ступеням помоста, прямо к королевскому трону. Он повернулся лицом к притихшему, застывшему от шока залу и громко, так, чтобы слышал каждый уголок огромной Цитадели, произнес:

— Старый Высший Совет мертв. Он полностью сгнил от жадности, трусости и бесконечных интриг. Мне больше не нужны советники, которые мыслят исключительно категориями сословий, выгоды и знатности рода. Мой набег на приграничье был моей личной ошибкой в методах управления, но он привел меня к величайшей истине. Эта женщина —

Мира из приграничного рода — делом доказала свою преданность, свой выдающийся ум и свою силу, сумев защитить себя и меня.

Калёб сделал короткую паузу, и его жесткие темные кудри слегка колыхнулись, когда он гордо поднял подбородок. — Перед лицом выживших баронов и пред Богом я объявляю Миру своей единственной, законной невестой. Она станет полноправной королевой Цитадели Сокола. И её первым официальным указом будет полное, безоговорочное освобождение всех жителей её родной провинции, возвращение им отобранных земель и признание их полноправными, свободными гражданами короны с выплатой компенсаций из казны казненных предателей.

Мира смотрела на Калёба, и её серые глаза наполнились горячими слезами — на этот раз слезами абсолютного торжества, облегчения и безграничного счастья. Она вспомнила пепел своей деревни, кандалы, грязь дорог и свой прежний страх. И теперь, стоя на самой вершине замка рядом с мужчиной, которого когда-то страстно ненавидела, а теперь любила сильнее собственной жизни, она понимала: их любовь полностью сожгла старый, несправедливый мир, чтобы на его обломках построить новое, светлое будущее.

Калёб медленно наклонился и прижал свои губы к её губам прямо перед застывшим в глубоком поклоне двором. Это был поцелуй, навсегда скрепляющий союз двух равных, сильных и гордых душ, которые смогли пройти сквозь нена-

висть, рабство, интриги и кровь к своей общей, законной короне.

Глава 15

Коронация роз и соколов

Прошел ровно год с той кровавой зимней ночи, когда Высший Совет Цитадели Сокола был навсегда очищен от предателей. За этот год мрачный гранитный замок изменился до неузнаваемости, словно очнувшись от многовекового летаргического сна. Черные, давящие знамена, веками пугавшие жителей столицы, по личному приказу Миры были сорваны. На их месте над зубчатыми башнями теперь гордо развевались новые штандарты — на них золотой пикирующий сокол держал в лапах цветущую, покрытую нежными листьями ветвь приграничного орешника.

Полгода назад Калёб лично возглавил первые строительные отряды и обозы с провиантом, отправившиеся на дальнюю южную границу. Сожженная когда-то дотла Ольховка была отстроена заново: на месте пепелищ выросли добротные каменные дома с черепичными крышами, а выжившие земляки Миры вернулись на свои родовые угодья не рабами в кандалах, а вольными, гордыми хозяевами с королевскими грамотами в руках. Старая, глухая ненависть окончательно отступила, уступив место созиданию, миру и справедливости.

И вот наконец настал тот самый день, которого с замиранием сердца ждало всё королевство. День великой свадьбы

и коронации.

Главный столичный собор Святого Сокола был буквально затоплен теплым, трепещущим светом тысяч восковых свечей и благоуханием свежих белых роз, которые везли ко двору со всех концов страны. Высокородные придворные, выжившие в чистках бароны и седовласые старейшины приграничных общин сидели на длинных резных скамьях бок о бок — удивительное, невероятное зрелище, которое еще год назад показалось бы любому жителю Цитадели полным безумием.

Мира стояла перед огромным ростовым зеркалом в своих новых роскошных покоях Восточной башни. На ней было подвенечное платье из тяжелого, струящегося белоснежного шелка, присланного восточными послами. Тончайшие серебряные нити, искусно переплетаясь на корсаже, повторяли узоры старинной приграничной вышивки, которую когда-то показывал ей отец. Фру Марта, которая теперь смотрела на девушку с искренней, материнской нежностью и гордостью, дрожащими от волнения руками закрепляла на её плечах длинный, прозрачный шлейф.

— Вы просто невероятно прекрасны, дорогая моя, — прошептала экономка, украдкой вытирая набежавшую слезу краем своего строгого фартука. — Пройти такой путь... Из пленной служанки в королевы этой огромной страны... Вы сотворили настоящее чудо с этим холодным замком. И, главное, с нашим суровым королем.

Тяжелая дубовая дверь в покои тихо, почти беззвучно скрипнула. Фру Марта поспешно, со всем почтением поклонилась и быстро вышла, оставив влюбленных наедине.

Калёб вошел в комнату уверенным, чеканным шагом. Король был облачен в парадный бархатный камзол королевского синего цвета, выгодно подчеркивающий его крепкую, атлетическую фигуру воина. Его жесткие темные кудри были аккуратно уложены назад, но несколько непослушных, бунтарских прядей всё равно привычно падали на лоб, смягчая строгость его породистого лица. На его широких плечах покоилась тяжелая мантия, подбитая белоснежным мехом.

При виде Миры в подвенечном наряде его бездонные темные глаза вспыхнули таким отчаянным, горячим и безграничным восторгом, что у девушки на секунду перехватило дыхание. Он подошел к ней вплотную, бережно, словно величайшую ценность в мире, взял её за руки. От его больших ладоней, как и прежде, исходило то самое сильное, пьянящее тепло, которое когда-то спасло её в сыром подzemелье.

— Я обещал тебе в ту ночь, что ты будешь стоять рядом со мной на самой вершине этого мира, Мира, — тихо, но с глубоким, дрожащим от волнения чувством произнес король. — Сегодня я официально отдаю тебе половину своего королевства. Но самое главное — моё сердце уже давно, с самой первой нашей встречи, принадлежит тебе одной без остатка.

— Мы прошли сквозь пепел, огонь и предательство, Калёб, — нежно улыбнулась Мира, чувствуя, как от перепол-

няющего её счастья кружится голова, и крепче сжимая его горячие пальцы. — И этот пепел не сжег нас, он сделал нас сильнее. Я люблю тебя. Люблю сильнее жизни.

Под оглушительный, торжественный гул сотен церковных колоколов и приветственные, восторженные крики многотысячной толпы на улицах они медленно вышли к алтарю собора. Верховный архиепископ благословил их союз перед лицом Бога и людей. Кaleb, повернувшись к невесте, взял в руки изящную серебряную корону, усыпанную редкими приграничными сапфирами, и бережно, с величайшей нежностью опустил её на темные волосы Миры.

— Да здравствует король Кaleb! Да здравствует королева Мира! — громогласно разнеслось под высокими сводами собора, и этот ликующий клич тут же, словно лесной пожар, подхватили тысячи голосов на площадях столицы.

Когда они рука об руку вышли на главный балкон Цитадели Сокола, чтобы поприветствовать свой ликующий народ, Кaleb нежно обнял Миру за талию, притягивая к своему сильному плечу. Свежий зимний ветер трепал его жесткие кудри и её тонкую белоснежную фату. Молодой король медленно наклонился и запечатлел на губах своей новой королевы долгий, глубокий и страстный поцелуй — поцелуй, который навсегда стер любые границы между завоевателем и бывшей рабыней, превратив их в единое, нерушимое целое.

Их история, начавшаяся со страха, кандалов и горького пепла Ольховки, завершилась великим триумфом чистой

любви. Любви, оказавшейся способной исцелять разрушенные города, ломать вековые сословные предрассудки и навсегда менять ход истории великого королевства.

Глава 16

Тени на золоте

Первые два года брака пролетели для Миры как одно прекрасное, защищенное от штормов мгновение. Цитадель Сокола окончательно оттаяла под её мудрым и мягким управлением. Королева Мира стала для приграничного народа и простых горожан настоящим ангелом-хранителем: строились новые школы, открывались лечебницы, а налоги больше не душили ремесленников. Сам Калёб, казалось, обрел долгожданный покой. Его бездонные темные глаза больше не горели тем пугающим, расчетливым холодом, который она увидела когда-то на площади своей пылающей Ольховки. Наедине с ней, в тишине закрытого королевского сада или в роскошных покоях Восточной башни, он оставался любящим, страстным мужчиной, готовым отдать за её улыбку всю свою власть. Его жесткие смоляные кудри, в которые Мира так любила запускать пальцы по ночам, стали для неё символом абсолютной безопасности.

Но тучи над их тихой гаванью сгустились внезапно, принеся с собой ледяной ветер неминуемой катастрофы.

Всё началось ранней весной, когда с восточных рубежей пришли тревожные вести. Соседнее воинственное королевство Валория, ведомое старым и хитрым императором Брандом, объявило Цитадели войну, претендуя на богатые рудни-

ки приграничья. Но настоящим ударом для хрупкого мира в браке Калеба и Миры стало прибытие союзного войска с запада. Чтобы выстоять против Валории, Калебу пришлось заключить экстренный военный пакт с могущественным герцогом северо-западных земель. И это соглашение привело в замок человека, который перевернул всю внутреннюю вселенную молодой королевы.

Его звали граф Лиам де Валуа. Он был назначен главным командующим союзной кавалерии. Высокий, статный, с безупречными аристократическими манерами и пронзительными, как весеннее небо, голубыми глазами, Лиам разительно отличался от суровых, пахнущих железом воинов Цитадели. Его светлые волосы мягкими волнами падали на плечи, а на губах всегда играла легкая, едва заметная полуулыбка человека, знающего себе цену.

Но самым опасным было то, что Лиам оказался тонким ценителем книг, искусства и... приграничной культуры. На первом же официальном приеме в Большом тронном зале, когда Калев ушел к карте обсуждать диспозицию полков, Лиам подошел к трону Миры. Он не просто отвесил ей дежурный вежливый поклон — он заговорил с ней на том самом древнем приграничном диалекте, который она когда-то переводила королю в библиотеке.

— Для меня огромная, неизмеримая честь встретить королеву, чей ум и гордость воспевают даже в наших северных землях, — негромко, бархатным голосом произнес Ли-

ам, глядя на неё с неприкрытым, глубоким восхищением. — Я читал ваши новые указы о ремеслах, ваше величество. Это шедевр государственной мудрости. Вашему мужу невероятно повезло.

Мира, соскучившаяся по интеллектуальным беседам среди военных будней, невольно улыбнулась и ответила ему на том же наречии. Оставшуюся часть вечера они провели, обсуждая старинные хроники и особенности приграничной фортификации. Лиам ловил каждое её слово, наклоняясь чуть ближе, чем требовал строгий этикет.

Калеб, вернувшийся в зал в сопровождении генералов, замер у входа. Мира краем глаза заметила, как изменилось лицо её мужа. Его челюсти сжались так, что побелели скулы, а темные глаза налились опасным, первобытным блеском, который она не видела со времен казни заговорщиков. Его жесткие кудри грозно колыхнулись, когда он стремительным, хищным шагом направился прямо к ним.

— Граф де Валуа, — ледяным тоном, от которого у присутствующих баронов перехватило дыхание, произнес Калеб, буквально вырастая между Лиамом и Мирой. От короля исходило такое колоссальное, удушающее напряжение, что воздух вокруг, казалось, зазвенел. — Я полагал, что вы прибыли сюда воевать с Валорией, а не упражняться в красноречии перед моей женой. Военный совет ждет вашего отчета в Западной башне. Сейчас же.

Лиам ни на секунду не растерялся. Он спокойно встре-

тил уничтожающий взгляд Безжалостного короля, сохраняя свою изящную улыбку, хотя в его голубых глазах промелькнул дерзкий, ответный вызов.— Разумеется, ваше величество. Война не ждет. Но истинная красота и ум королевы способны вдохновить на подвиг любого воина. Приношу свои извинения, если моё восхищение показалось вам чрезмерным.

Лиам почтительно поклонился Мире, задержав на ней свой взгляд на долю секунды дольше положенного, развернулся и чеканя шаг вышел из зала.

Когда двери за графом захлопнулись, Калев резко повернулся к Мире. Его лицо было бледным от сдерживаемой, глухой ярости. Он грубо перехватил её за руку повыше запястья — не больно, но так крепко, что Мира почувствовала весь жар его тела.— Что это было, Мира? — тихо, почти злое шёпотом спросил он, увлекая её в тень за тяжелым gobelenом. — Ты улыбалась ему так, как не улыбалась моим министрам за все эти два года. Ты говорила с ним на языке твоего детства. На языке, который принадлежал только нам двоим в той библиотеке!

Мира удивленно округлила серые глаза, чувствуя, как внутри закипает ответная приграничная гордость.— Калев, ты с ума сошел? Это граф Лиам, главнокомандующий наших союзников! От него зависит исход будущей войны! Он просто проявил вежливость и уважение к моим указам. Я королева этой страны, я обязана говорить с дипломатами!

— Он смотрел на тебя не как дипломат, Мира! — Кaleb ударил кулаком по гранитной стене замка, заставив факел в железном кольце испуганно вздрогнуть. — Он смотрел на тебя как мужчина, который хочет забрать то, что принадлежит мне по праву меча и любви! Я видел этот блеск в его глазах. И если он еще раз посмеет подойти к тебе ближе, чем на три шага... клянусь своей короной, я проткну его мечом прямо на глазах у его северного войска, даже если это разрушит наш военный пакт!

Мира смотрела на своего мужа и не узнавала его. Это не была холодная жестокость Безжалостного короля — это была слепая, дикая, разрывающая его изнутри ревность мужчины, который до безумия, до потери разума боялся потерять женщину, спасшую его душу. Ложь, интриги Валории и долгие часы наедине с Лиамом в штабе в последующие дни только подливали масла в этот скрытый, тлеющий костер.

Но Кaleb еще не знал самого главного. Мира прижала ладонь к своему животу под плотной тканью бархатного платья. Уже неделю её по утрам мучила легкая тошнота, а замковый лекарь сегодня утром подтвердил её тайную, самую сокровенную догадку. Под её сердцем, в самый канун страшной и разрушительной войны, медленно зарождалась новая жизнь. Она была беременна наследником Цитадели Сокола. И эта тайна, смешанная с ядом вспыхнувшей ревности мужа и грохотом приближающихся вражеских армий, должна была стать для их брака самым суровым и смертельным ис-

пытанием.

Глава 17

Сокровенная тайна среди грозы

Весь следующий день Цитадель Сокола гудела, как встревоженный улей. Во двор беспрестанно въезжали гонцы на взмыленных конях, герольды выкрикивали указы о мобилизации, а под окнами Восточной башни звенела сталь — кузнецы спешно ковали новые мечи и подковывали боевых лошадей. Война с Валорией неумолимо катилась к стенам замка, но в личных покоях королевской четы повисла совсем другая, липкая и тягостная тишина.

Мира сидела у окна, невидящим взором глядя на то, как заснеженные вершины приграничных гор скрываются за тяжелыми грозовыми тучами. Её руки лежали на животе. Мысль о том, что внутри неё бьется крошечное сердце их с Калёбом ребенка, дарила ей невероятную силу, но в то же время наполняла душу диким, неистовым страхом. Как сказать ему сейчас? Как сообщить эту весть мужчине, который из-за ревности и военных забот за последние сутки превратился в натянутую до предела тетиву лука?

Тяжелая дверь спальни распахнулась, и в комнату вошел Калёб. На нем был легкий кожаный доспех, пахнувший сыростью и оружейным маслом. Его жесткие темные кудри были взъерошены, а под бездонными черными глазами залегли глубокие тени — он не спал всю ночь, проверяя посты. При

виде жены его взгляд на секунду смягчился, но на дне зрачков всё еще тлели угли вчерашней ярости.

— Нам пришлось перенести главный военный штаб в Западную башню, — глухо произнес он, не приближаясь к ней и останавливаясь у камина. — Граф Лиам настоял на том, чтобы его офицеры сидели по левую руку от меня. Этот мальчишка де Валуа ведет себя так, словно привез мне не помощь, а свое личное одолжение.

— Кaleb, — Мира мягко поднялась со своего места и сделала несколько шагов к мужу. Её темно-синее бархатное платье мягко шуршало по полу. — Тебе нужно успокоиться. Лиам — гордый дворянин, но он привел три тысячи отборных всадников. Без его конницы Валория сомнет наши фланги в первом же сражении в низине. Перестань искать в каждом его слове скрытый вызов. Твоя ревность ослепляет тебя, когда нам больше всего нужен холодный расчёт.

Король резко повернулся к ней. В его глазах вспыхнул опасный, первобытный огонь. Он стремительно подошел к Мире, сокращая расстояние между ними, и осторожно, но крепко взял её за плечи. Его ладони, как всегда, были горячими, и Мира почувствовала, как крупно дрожат его пальцы.

— Холодный расчёт? — с затаенной болью прошептал он, всматриваясь в её серые глаза. — Как я могу быть холодным, Мира, когда этот белобрысый франт смотрит на тебя так, словно имеет на это право? Сегодня на утреннем совете он демонстративно спросил, почему королева не при-

сутствует при обсуждении приграничных дорог. Он сказал, что твой ум необходим для победы. Он пытается вбить клин между нами, показывает генералам, что понимает тебя лучше, чем твой собственный муж! Я вижу, как он играет в благородство. И больше всего на свете я боюсь, что ты... что ты вспомнишь, кто сжег твою деревню, и посмотришь на него другими глазами.

— Кaleb, замолчи! — Мира прижала ладонь к его сухим, напряженным губам, прерывая этот поток безумных слов.

Из её глаз готовы были брызнуть слезы обиды, но она упрямо сдержала их. Она взяла его большую ладонь и медленно, бережно опустила её себе на живот, прижимая к плотной ткани платья. Кaleb замер. Его дыхание перехватило, а темные глаза округлились от непонимания.

— Прекрати это безумие, — тихо, но с непередаваемой, глубокой нежностью произнесла Мира, глядя ему прямо в душу. — Никакой граф Лиам, никакие сокровища мира и никакие старые обиды никогда не встанут между нами. Моё сердце принадлежит тебе с того самого дня, как ты спас меня из казематов. И оно принадлежит тебе вдвойне, потому что... потому что под моей рукой сейчас бьется жизнь твоего будущего наследника. Кaleb, у нас будет ребенок.

В комнате воцарилась оглушительная, звенящая тишина. Было слышно только, как ветер бьется в витражные стекла башни.

Лицо Безжалостного короля изменилось в одно мгнове-

ние. Вся его воинственная спесь, ледяная ярость и безумная ревность испарились, словно дым над костром. Он медленно опустился перед ней на колени, не переводя взгляда с её живота. Его сильные руки, привыкшие убивать, бережно, с величайшим благоговением обняли её за талию. Он прижался лбом к её бедрам, и Мира почувствовала, как его широкие плечи судорожно вздрогнули.

— Наследник... — прошептал он, и в его низком голосе послышались слезы — слезы ошеломляющего, дикого счастья. — У нас будет ребенок, Мира... Моя королева. Моё чудо.

Он поднял голову, и его темные кудри рассыпались по плечам. В его черных глазах теперь горела такая фанатичная, сокрушительная решимость защитить свою семью, что Мира поняла: ради этого ребенка Калёб свернет горы. Он поднялся, нежно поцеловал её в губы — этот поцелуй пах лавандой и соленой каплей его слезы — и бережно прижал её к своей груди.

Но их хрупкое счастье длилось всего несколько минут.

Тяжелые двери спальни со стуком распахнулись, нарушая уединение. На пороге стоял барон Кристиан, его лицо было бледным как полотно, а кольчуга на груди была испачкана грязью. — Ваше величество! Экстренные вести с передовой! — тяжело дыша, выкрикнул он. — Авангард Валории прорвал наши заставы у Черного брода! Они обошли наши дозоры с тыла. Граф Лиам уже вывел свою кавалерию напере-

рез, но сил мало. Валорийцы идут прямо на Цитадель, они будут у стен замка через трое суток! Вам нужно немедленно возглавить главный полк!

Калёб мгновенно подобрался, его тело превратилось в литой кусок стали. Он бросил на Миру быстрый, полный затаенного страха и решимости взгляд. Ловушка войны захлопнулась. Он должен был уйти в бой, оставив свою беременную королеву в замке, где граф Лиам по-прежнему плел свои тонкие, невидимые интриги за его спиной.

Глава 18

Осажденная крепость, затаенный враг

Решение было принято мгновенно. Безжалостный король не мог позволить врагу топтать земли Цитадели, но уходил он с разорванным на части сердцем. Сборы заняли считанные часы. Мира стояла на парадной галерее замка, зябко кутаясь в тяжелый шерстяной плащ. Внизу, на внутреннем дворе, в факельных сполохах строились железные когорты. Копыта коней выбивали искры из мокрых гранитных плит.

Калев подошел к ней перед самым выходом. Его доспехи были холодными, но ладони, которыми он обхватил её лицо, обжигали. Он долго всматривался в её серые глаза, словно пытался запомнить каждую черточку, а затем опустил взгляд на её живот.— Береги себя. И нашего ребенка, Мира, — хрипло прошептал он, и его жесткие темные кудри колыхнулись от резкого порыва ветра. — Оборона Цитадели на тебе. Барон Кристиан оставляет здесь гарнизон из полутора тысяч преданных мечей. Не доверяй никому. Особенно... ему.

Король не назвал имени, но Мира и без слов знала, о ком идет речь. Граф Лиам де Валуа, вопреки ожиданиям Калеба, не ушел со своей кавалерией к Черному броду. Он отправил туда своих полковников, а сам остался в замке, сославшись на необходимость координировать тыловое снабжение и лично охранять королеву. Это решение взбесило Калеба,

но времени на споры и разрыв союза у него не оставалось — армия Валории уже переходила брод.

Калёб ушел на рассвете. Замок словно опустел, погрузившись в тревожное ожидание. Мира сразу же взяла бразды правления в свои руки. Несмотря на ранние сроки беременности и подступающую по утрам тошноту, она часами сидела в ратуше, проверяя запасы зерна, координируя доставку стрел на оборонительные валы и укрепляя городские ворота.

Но самым тяжелым испытанием для неё стали не военные заботы, а постоянное, навязчивое присутствие Лиамы.

На второй день после ухода короля Мира разбирала карты приграничных дорог в малой библиотеке, когда двери без стука отворились. Вошел Лиям. На нем был легкий щегольской камзол небесно-голубого цвета, разительно отличавшийся от строгой военной обстановки. Его светлые волосы были безупречно уложены, а пронзительные голубые глаза смотрели на Миру с мягкой, вкрадчивой заботой.

— Вы изнуряете себя, ваше величество, — бархатным голосом произнес он, проходя вглубь комнаты и бесцеремонно присаживаясь на край её стола. Он наклонился чуть ближе, и Мира уловила тонкий аромат лаванды и дорогого табака. — Король Калёб взвалил на ваши хрупкие плечи непосильную ношу. Разве дело женщины — считать мешки с овсом и проверять крепостные зубцы перед лицом штурма?

Мира отодвинула пергамент и холодно посмотрела на графа. — Оборона Цитадели — мой прямой долг перед моим

народом и моим мужем, граф де Валуа. И я не считаю эту ношу непосильной. Расскажите лучше, как продвигается формирование резервных отрядов наемников?

Лиам снисходительно улыбнулся, и в его глазах промелькнул опасный, оценивающий блеск. Он протянул руку, словно собираясь коснуться пальцев Миры, лежащих на карте, но она вовремя убрала ладонь.— Отряды готовы. Но меня беспокоит другое. Вы так яростно защищаете интересы человека, который когда-то принес пепел в ваш родной дом. Неужели блеск золотой короны заставил вас забыть кандалы, Мира? — он намеренно опустил её титул, перейдя на вкрадчивый шёпот. — Здесь, со мной, вы могли бы быть в безопасности. Мой отец, герцог, с радостью примет вас на севере, если Цитадель падет под ударами Валории. Вам не нужно гибнуть ради Безжалостного короля.

Мира резко поднялась со стула. Её сердце бешено колотилось под темно-синим бархатом платья, но взгляд оставался твердым, как гранит стен. Она инстинктивно прижала ладонь к животу, защищая свое сокровенное сокровище.— Вы забываетесь, граф! Король Калёб — мой муж и единственный правитель этой страны. Если вы еще раз позволите себе подобные речи, я прикажу барону Кристиану заковать вас в те самые кандалы, о которых вы так печетесь, несмотря на ваш союзный договор. Свободны.

Лиам медленно поднялся, ни на секунду не потеряв своего изящного самообладания. На его губах заиграла тонкая, едва

заметная, но зловещая полуулыбка.— Как прикажете, моя королева. Но помните: война переменчива. И иногда те, кто кажутся защитниками, приходят слишком поздно.

Он отвесил ей подчеркнуто глубокий поклон и вышел, тихо прикрыв за собой дверь.

Мира осталась стоять у стола, тяжело дыша. Она понимала, что Лиам ведет свою собственную, грязную игру. Он намеренно остался здесь, чтобы раскачать её уверенность, посеять сомнения и, возможно, дожидаться поражения Калеба на Черном броде, чтобы забрать ослабленное королевство — и её саму — в свои руки. Ревность Калеба не была пустой паранойей; Лиам действительно был хищником, затаившимся в самом сердце её дома.

В этот же вечер к замку прискакал первый раненый гонец от Черного брода. Его известия заставили Миру похолодеть: армия Валории использовала обходной маневр, и отряд Калеба оказался отрезан от Цитадели. Враг двигался к замку гораздо быстрее, чем ожидали, а связь с королем была полностью потеряна. Осада становилась неизбежной.

Глава 19

Железный занавес и фальшивые вести

Цитадель Сокола встретила третью ночь без короля в кольце зловещих огней. Валорийская армия, обойдя основные силы Калеба у Черного брода, подошла к столице стремительным маршем. С высоты Восточной башни Мира видела, как у подножия гранитной скалы рассыпались сотни вражеских костров, похожих на глаза голодных волков. Осада началась. Городские посады опустели — все жители укрылись за мощными стенами крепости, готовые к долгой и изнурительной борьбе.

Для Мира каждое утро теперь начиналось с преодоления сильной тошноты и головокружения. Беременность давала о себе знать, но королева не позволяла себе проявить ни малейшей слабости перед испуганными придворными. Она туго затягивала корсаж своего плотного шерстяного платья, маскируя едва заметные изменения в фигуре, и часами обходила оборонительные посты на крепостных валах, подбадривая уставших солдат.

— Помните, соколы, — её ясный, чистый голос разносился над зубцами стен, перекрывая свист холодного ветра. — Эти стены не неприступны сами по себе. Их делает неприступными вы и ваша верность короне. Мы выстоим, пока король идет к нам на выручку.

Солдаты провожали её преданными взглядами. Приграничная служанка, ставшая королевой, теперь казалась им истинным сердцем Цитадели. Но если снаружи враг действовал открыто, то внутри замка Лиам де Валуа перешел к решающей атаке на её разум.

Это случилось в полдень четвертого дня осады. Мира только что вернулась в малую библиотеку после осмотра оружейных складов, когда двери распахнулись. На пороге стоял Лиам. Его светлые волосы были растрепаны, на щеке виднелся след от сажи, а в пронзительных голубых глазах застыло выражение глубокой, почти осязаемой скорби. В руках он сжимал измятый, испачканный кровью пергамент с сорванной сургучной печатью.

— Мира... Простите, ваше величество, — его бархатный голос сорвался на хриплый шёпот. Он стремительно подошел к столу и опустил свиток прямо перед ней. — Мои лазутчики только что прорвались сквозь кольцо осады. Они перехватили донесение валорийского авангарда. У меня страшные вести.

Сердце Миры пропустило удар и ухнуло в ледяную бездну. Она инстинктивно прижала ладонь к животу, чувствуя, как внутри всё сжалось от ужаса. — Что там? Говорите прямо, граф.

— Полк Калеба разгромлен у Черного брода, — Лиам наклонился к ней, и его лицо оказалось в опасной близости. В его глазах Мира увидела странный, лихорадочный блеск,

который он пытался выдать за сострадание. — Король... король пал в бою, Мира. Валорийский император Бранд лично заколол его на переправе. От армии Цитадели ничего не осталось. Замок обречен. Если валорийцы ворвутся сюда, они не пощадят никого. Особенно тебя.

Мира покачнулась, комната на мгновение поплыла перед глазами, а к горлу подступил удушливый ком паники. «Каллеб... Мой кудрявый король... Этого не может быть», — кричала каждая клеточка её существа. Но приграничный закал и острый ум, развитый годами работы над документами, заставили её взять себя в руки. Она перевела взгляд на свиток. Капли крови на нем были подозрительно свежими, а ломаные линии почерка валорийских военачальников показались ей смутно знакомыми.

Она вспомнила, как Лиам на утренних советах детально расспрашивал о стиле ведения переписки на юге. Она вспомнила его зловещую полуулыбку в саду.

— Вы лжете, Лиам, — тихо, но с леденящей душу уверенностью произнесла Мира, поднимая на него свои серые глаза, полные презрения. — Этот свиток — фальшивка. Чернила еще не просохли до конца, а сургуч пахнет не валорийской смолой, а лавандовым маслом, которым пропитаны ваши сорочки. Вы подделали это письмо.

Лицо Лиама на секунду застыло, маска скорби мгновенно сползла, обнажая холодный, расчетливый и хищный оскал дворянина, привыкшего получать всё, что он хочет. Он вы-

прямился и тихо рассмеялся, откинув светлые волосы назад.

— Ты слишком умна для своего же блага, Мира, — произнес он, и в его голубых eyes больше не было мягкости — только сталь и вождение. — Пусть так. Письмо фальшивое. Но суть от этого не меняется. Калёб отрезан от замка. Даже если он жив, он не прорвется сквозь тридцатитысячную армию Бранда. Цитадель падет через два дня — у нас заканчиваются стрелы, а барон Кристиан слишком глуп, чтобы вести оборонительную войну. У тебя один выход, моя королева. Сегодня ночью мои верные кавалеристы откроют потайной ход в Восточной скале. Мы уйдем на север. Мой отец сделает тебя своей гостьей, а когда Валория истощит свои силы, я вернусь сюда с десятитысячным войском, заберу этот трон и сделаю тебя своей настоящей королевой. Безжалостный король мертв для тебя в любом случае. Поехали со мной. Спаси свою жизнь.

Он резко вытянул руку и наотмашь схватил Миру за запястье, притягивая её к себе. Его хватка была железной. — Отпустите меня, предатель! — вскрикнула Мира, пытаясь вырваться, но Лиам лишь сильнее сжал пальцы.

— Не глупи, девочка! Ты приграничная сирота, ты никто без этой короны! А я предлагаю тебе спасение и власть! — прорычал он, наклоняясь, чтобы силой поцеловать её.

В этот момент Мира вспомнила, что на её поясе под складками бархатного платья по-прежнему покоится подарок Калёба — изящный кинжал с сапфиром. Свободной левой ру-

кой она мгновенно нащупала рукоять из черного дерева, выхватила клинок и без тени сомнения полоснула Лиаму по руке, которой он её удерживал.

Острое лезвие рассекло дорогое сукно голубого камзола и кожу. Лиам вскрикнул от неожиданности и боли, выпуская её запястье. Багровые капли крови брызнули на пергамент с фальшивым донесением. Он отступил на два шага, прижимая раненую руку к груди, и с дикой, звериной яростью посмотрел на тяжело дышащую королеву, которая стояла перед ним с обнаженным кинжалом в руке.

— Охрана! Ко мне! — громко и властно крикнула Мира, и её голос эхом разнесся по коридору.

Двери библиотеки мгновенно распахнулись, и в комнату ворвались барон Кристиан и трое гвардейцев в черной броне с обнаженными мечами. — Ваше величество! Что случилось? — ахнул Кристиан, переводя взгляд с окровавленного кинжала Миры на раненого графа.

— Граф Лиам де Валуа обвиняется в измене короне, попытке государственного переворота и подделке военных документов! — твердо, не дрогнув ни единым мускулом лица, скомандовала Мира. — Взять его под стражу, разоружить его личную гвардию и запереть в Северной башне до возвращения короля Калеба! Любое сопротивление со стороны северян карать смертью на месте!

Лиам, тяжело дыша и бледнея, понял, что его тонкая игра проиграна. Он бросил на Миру последний, полный беше-

ной злобы и затаенного восхищения взгляд.— Ты пожалеешь об этом, Мира, — прошептал он, позволяя гвардейцам перехватить свои руки. — Когда валорийцы ворвутся в этот зал, твой кинжал тебе не поможет.

Его увели. Мира медленно опустила оружие, чувствуя, как ноги становятся ватными. Она бессильно опустилась в кресло, прижав руки к животу. Она выдержала этот удар, нейтрализовала внутреннего врага, но внешняя угроза никуда не исчезла. Стены Цитадели содрогнулись от первого тяжелого удара валорийского тарана в главные ворота. Осада переходила в свою самую страшную, финальную стадию.

Глава 20

Когда рушатся камни

Земля содрогалась. Мощные, ритмичные удары валорийских таранов отзывались в самом фундаменте Цитадели Сокола. Снаряды тяжелых катапулт, начиненные горючей смесью, с воем рассекали свинцовое небо и с грохотом обрушивались на каменные перекрытия, рассыпая вокруг фонтаны искр и жидкого пламени. Воздух в замке стал густым, горьким от дыма и удушливого запаха паленой кожи.

Мира стояла на галерее внутреннего двора. Корсаж её темно-синего платья был затянут так туго, что дышать становилось тяжело, а подступающая тошнота, ставшая верным спутником её беременности, едва не лишала сил. Но на её лице не было и следа слабости. Острый приграничный закал держал её на ногах. Она видела, как гвардейцы в почерневших от копоти доспехах волокли к стенам тяжелые бревна, как лучники спешно перевязывали раны и снова хватали свои луки.

— Ваше величество! Южные ворота долго не протянут! — к ней подбежал барон Кристиан. Его шлем был расколот, по виску текла струйка крови. — Валорийцы подкатили третий таран. Сдаваться мы не станем, но если они прорвутся во внутренний двор — нас просто сомнут числом! У нас осталось меньше восьмисот способных держать оружие мужчин.

Мира посмотрела на бурлящий вниз двор. Страх за собственную жизнь отступил, уступив место леденящей, яростной решимости. Там, внутри неё, рос наследник этой земли. Дитя пепла и золота. И ради него она была готова превратить этот замок в братскую могилу для врагов.

— Кристиан, соберите всех оставшихся лучников на галереях второго яруса, — твердо, без тени дрожи скомандовала Мира. Её серые глаза горели тем самым огнем, который когда-то разглядел в ней Кaleb. — Если ворота падут, не пытайтесь удержать проход. Отступите. Заманите валорийский авангард в узкий коридор двора, а затем засыпьте их градом стрел и залейте кипящей смолой с верхних ярусов. Мы заставим их платить кровью за каждый дюйм нашей земли!

— Будет исполнено, моя королева! — Кристиан ударил кулаком по нагруднику и бросился вниз, выкрикивая приказы.

Мира повернулась, собираясь спуститься к раненым, как вдруг над замком пронесся оглушительный, ни на что не похожий треск. Главные дубовые ворота, обитые стальными полосами, не выдержали. С тяжелым стоном они раскололись изнутри, и в образовавшуюся брешь, безумно крича и размахивая тесаками, хлынул поток валорийских солдат в грязно-желтых плащах.

— Стрелы! К бою! — закричал Кристиан.

Двор мгновенно превратился в бурлящий, кровавый водоворот. Мира, затаив дыхание, цеплялась пальцами за ка-

менные перила галереи. План сработал: узкое пространство двора стало для нападавших смертельной ловушкой. Со стен хлынул дождь из стрел, валорийцы падали десятками, но их было слишком много. Задние ряды безжалостно наступали на тела своих же мертвецов, прорываясь к лестницам, ведущим на королевский ярус. Один из вражеских командиров, заметив на галерее фигуру в синем бархате, торжествующе взревел и бросился вверх по ступеням, на ходу снося голову нашему молодому лучнику.

Мира инстинктивно отступила назад, её рука легла на рукоять кинжала с сапфиром. Защитить ребенка. Защитить Цитадель. Это всё, что крутилось в её голове.

Но валориец не успел сделать и пяти шагов по лестнице.

Где-то далеко за пределами крепостных стен, перекрывая грохот битвы и крики умирающих, раздался чистый, пронзительный и оглушительный звук боевого рога Цитадели. Этот трубный глас заставил обе армии на секунду замереть.

Мира резко обернулась к внешней стене.

Там, на холмах над Черным бродом, сквозь пелену серого дыма и утреннего тумана, лавиной летела тяжелая конница. Впереди всех, на огромном, как ночь, вороном жеребце, с обнаженным мечом в руке мчался тот, кого она ждала каждую секунду этих страшных дней. Калёб. Его жесткие темные кудри дико развевались на ветру, а доспехи сияли в редких лучах пробивающегося солнца. Он прорвал блокаду Валории. Он вернулся.

— Король! С нами Безжалостный король! — безумный, ликующий крик пронесся по оборонительным рядам замка. Усталые, израненные защитники словно обрели второе дыхание.

Королевский полк с разгона, на полной скорости врезался в тыл ничего не подозревавшей валорийской армии. Это был не просто удар — это была безжалостная, яростная кара. Калёб вел своих воинов, как карающий шторм. Его тяжелый меч со свистом рассекал воздух, оставляя за собой горы трупов. В его бездонных темных глазах, которые Мира видела даже с такого расстояния, бушевало такое неистовство, перед которым враги в панике бросали оружие и разбегались в разные стороны. Он прорубал себе дорогу к воротам, к своей Цитадели, к своей королеве и будущему ребенку.

Валорийский авангард, зажатый во внутреннем дворе, оказался отрезан от своих и запаниковал. Кристиан и его гвардейцы ринулись в контратаку, добивая остатки прорвавшихся врагов.

Спустя полчаса жестокой, кровавой резни у подножия скалы всё было кончено. Оставшиеся в живых валорийцы трусливо отступали в сторону южных болот, бросая тяжелые орудия и раненых. Цитадель выстояла.

Мира стояла на галерее, чувствуя, как у неё кружится голова, а ноги подкашиваются от пережитого колоссального напряжения. Тяжелые шаги раздались на лестнице. Калёб, тяжело дыша, покрытый чужой кровью и грязью с головы до

ног, буквально взлетел на галерею. Он отбросил свой щит, и тот с грохотом покатился по плитам.

В два шага он преодолел расстояние между ними и сгреб Миру в свои объятия, прижимая её к металлическому нагруднику. Его горячие руки дрожали так сильно, словно он всё ещё был на краю гибели. Он зарылся лицом в её каштановые волосы, шумно и прерывисто вдыхая её запах.

— Ты жива... О небо, Мира, ты жива... — хрипло, со слезами в голосе шептал Безжалостный король, и его жесткие кудри кололи её щеку. — Когда мне сказали, что Бранд обошел нас и пошел на замок, я думал, что сойду с ума. Я гнал коней три дня без отдыха. Если бы с тобой что-то случилось... если бы наш ребенок...

— Всё хорошо, Калев. Мы выстояли. Твой сын или дочь под надежной защитой, — прошептала Мира, утыкаясь носом в его плечо и наконец позволяя себе беззвучно расплакаться от облегчения. Стена страха рухнула.

Калев осторожно отстранил её, его горячие ладони бережно легли на её живот, проверяя, всё ли в порядке. Но стоило ему поднять глаза и осмотреть двор, как его взгляд снова наполнился опасным, ледяным холодом.— Где граф Лиам? — тихо, с угрозой спросил он, заметив среди защитников только Кристиана. — Почему его кавалерия не вышла на стены во время штурма?

Мира стерла слезы со щеки и посмотрела на мужа с твердостью истинной королевы.— Граф Лиам де Валуа заперт в

Северной башне, Калев. Он пытался предать нас, подделал письмо о твоей гибели и хотел силой увезти меня на север, чтобы забрать трон. Я лично ранила его его же фальшивкой и отдала приказ об аресте.

Челюсти Калеба сжались с такой силой, что на скулах заиграли желваки, а его темные кудри грозно колыхнулись. В его черных глазах вспыхнула такая страшная, сокрушительная ярость мужчины и монарха, что Мира поняла: для изменника Лиамы солнце сегодня зашло навсегда.

Глава 21

Право меча и тишина застенков

Холодный ветер с приграничных болот завывал в узких бойницах Северной башни. Шаги Калеба, чеканившего по каменным плитам удары тяжелых кованых сапог, отдавались под сводами сырого коридора гулким, зловещим эхом. На короле по-прежнему были боевые доспехи, покрытые засохшей валорийской кровью и грязью, а в его бездонных темных глазах застыло то самое леденящее, первобытное неистовство, которое заставляло трепетать целые армии. Его буйные смоляные кудри, растрепанные после жестокой битвы, грозно колыхались при каждом резком движении.

За ним, едва успевая за размашистым шагом монарха, следовали барон Кристиан и двое тяжелых гвардейцев с обнаженными мечами. Мира осталась в своих покоях под присмотром фру Марты — Калев наотрез отказался брать беременную жену туда, где сейчас должно было свершиться суровое и бескомпромиссное правосудие.

Тяжелая дубовая дверь, запертая на три железных засова, со стоном отворилась.

Граф Лиам де Валуа сидел на невысоком деревянном табурете в центре круглой камеры. Его небесно-голубой камзол был разорван, рукав пропитан бурой кровью в том месте, где его достал изящный кинжал Миры, а светлые волосы

в беспорядке падали на бледное лицо. При виде вошедшего короля Лиам медленно поднялся, пытаясь сохранить остатки своего утонченного, высокомерного аристократического самообладания. На его губах снова появилась та самая изящная, раздражающая полуулыбка, хотя в глубине пронзительных голубых глаз на секунду промелькнул смертный страх.

Калёб остановился в трех шагах от него. От фигуры Безжалостного короля исходило такое колоссальное, удушающее напряжение, что воздух в камере, казалось, стал осязаемым и тяжелым.

— Значит, ты решил, что можешь играть в свои грязные политические игры в моем доме, Валуа? — тихо, почти шёпотом произнес Калёб. Но в этой тишине звенела каленая сталь, от которой у стражников в дверях по спине побежали ледяные мурашки. — Ты подделал донесение о моей гибели. Ты трусливо прятался за спинами моих солдат, пока они гибли у Черного брода. И ты посмел протянуть свои грязные руки к моей жене и моему будущему ребенку.

— Я лишь предлагал королеве спасение, Калёб, — бархатным, слегка дрожащим от волнения голосом ответил Лиам, дерзко вскидывая подбородок и глядя прямо в бездонную тьму королевского взора. — Твоя Цитадель трещала по швам под ударами таранов Бранда. Ты оставил её здесь одну, беременную, против тридцатитысячной армии! Мой отец, герцог, мог бы укрыть её на севере. Твоя ревность ослепляет тебя, Безжалостный король. Ты воин, но ты не способен дать

ей ту безопасность, которую заслуживает женщина её ума. Она сама ранила меня, потому что испугалась, но в глубине души она знает, что я прав...

Лиам не успел договорить.

Калёб сделал молниеносный, неуловимый для глаза выпад вперед. Его закованная в железную перчатку ладонь с глухим, страшным треском врезалась Лиаму прямо в челюсть, сбивая северного графа с ног. Лиам тяжело рухнул на каменный пол, из его прокушенной губы мгновенно хлынула горячая кровь.

Король не дал ему опомниться. Он наступил тяжелым кованым сапогом прямо на раненую руку Лиам, заставив того глухо, болезненно застонать сквозь зубы. Калёб медленно выхватил из ножен свой тяжелый боевой меч и опустил его острое, зазубренное лезвие прямо к горлу предателя, едва не пробивая кожу.

— Если ты еще раз, хотя бы звуком, посмеешь произнести её имя своими грязными губами, я отрежу тебе язык и скормлю его замковым псам, — ледяным тоном, в котором горело неистовство оскорбленного мужчины и обманутого правителя, произнес Калёб. — Твоя кавалерия не вышла на стены, потому что ты ждал моей смерти, чтобы забрать этот трон и её. Ты предал наш военный пакт. Ты совершил государственную измену на глазах у моего гарнизона.

Лиам, тяжело дыша и глядя на острие меча у своего кадыка, наконец окончательно потерял свою изящную спесь.

Его лицо стало бледным, как замковый гранит.— Мой... мой отец поднимет весь север, если ты убьешь меня, Кaleb... Наш союз распадется, и Валория уничтожит вас, — прохрипел граф.

— Твой отец получит тебя обратно в закрытом ящике, Лиам. Вместе с фальшивым письмом, которое ты сочинил, и показаниями твоих собственных полковников, которых Кристиан уже допросил внизу, — Кaleb сильнее надавил сапогом на его руку, заставив графа зашипеть от боли. — Твой род будет опозорен на всех северных землях. Но я не стану марать свой клинок о твою трусливую шею прямо здесь.

Король медленно убрал меч в ножны и повернулся к барону Кристиану. Его лицо снова превратилось в непроницаемую, холодную мраморную маску.— Заковать графа в самые тяжелые колодки. Завтра на рассвете, под усиленным конвоем, выслать его к границам герцогства Валуа. Передать его отцу мои условия: если хотя бы один северный солдат еще раз пересечет рубежи Цитадели, или если я услышу хоть какую-то угрозу в адрес моей семьи, я лично сожгу их родовое гнездо до самого основания. Свободен.

Кaleb резко развернулся и стремительным шагом вышел из камеры, оставив Лиам лежать в крови в тишине застенков. Узел ревности, который так долго терзал его душу изнутри, был окончательно и беспощадно разрублен. Он доверял Мире больше, чем самому себе. Она делом доказала, что её сердце принадлежит только ему.

Когда Калёб вернулся в их просторные покои в Восточной башне, вся его суровость и королевское величие испарились на пороге. Он сбросил тяжелые наплечники прямо на ковер и быстро подошел к огромной кровати, где на шелковых подушках лежала Мира. Её лицо было бледным, а лоб покрыт мелкой испариной — пережитый во время штурма стресс и ранение Лиам отняли у неё слишком много сил. Фру Марта как раз поила её теплым отваром из лаванды и мяты.

Калёб бережно опустился на край постели, взял её прохладные ладони в свои горячие руки и нежно прижал их к своим губам. Его темные кудри рассыпались по её одеялу.

— Всё кончено, моя королева, — тихо, с безграничной, обнаженной нежностью произнес он, всматриваясь в её усталые серые глаза. — Лиам навсегда покинул этот замок. Изменник понесет свой позор на север. Прости меня, Мира... Прости, что моя глупая, слепая ревность заставила тебя сомневаться во мне. Я был безумцем.

Мира слабо, но искренне улыбнулась, протянула руку и нежно провела пальцами по его жестким кудрям, убирая их с его лба. — Главное, что ты вернулся, Калёб. Наш ребенок жив, и Цитадель выстояла. Мы победили внутреннего врага. Но император Бранд еще не разбит до конца. Валорийская армия отступила к южным болотам, они будут зализывать раны и копить силы для нового удара. Нам нужно закончить эту войну раз и навсегда. Ради нашего будущего.

Калёб медленно опустил голову, нежно прижимаясь ухом

к её животу под одеялом, прислушиваясь к тайной, великой жизни внутри неё.— Клянусь тебе, Мира, — прошептал Безжалостный король, и в его голосе теперь звучала сокрушительная сила отца, защищающего свое гнездо. — Бранд ответит за каждую слезу, которую ты пролила у этих стен. Эта война закончится на его собственной земле. И наш наследник родится в мире, где больше никто не посмеет угрожать его матери.

Глава 22

Золотая клетка и зов похода

Прошло шесть месяцев. Зимние метели, терзавшие Цитадель Сокола, уступили место робкому, прозрачному теплу ранней приграничной весны. Склоны холмов покрылись первой нежной зеленью, а вековые дубы на опушке Ольховки, которую продолжали активно восстанавливать, выбросили первые почки. Но для Миры это время стало периодом тяжелых физических и душевных испытаний.

Её беременность близилась к своему законному завершению — шел восьмой месяц. Живот королевы заметно округлился, и скрывать его под шнуровкой прежних платьев стало невозможно. Столичные швеи сшили для неё просторные, мягкие наряды из нежнейшего кашемира и бархата теплых, золотистых оттенков, которые красиво подчеркивали её изменившуюся фигуру. Однако Мира чувствовала себя запертой в золотой клетке.

Калерб, переживший смертный ужас во время зимней осады, теперь буквально сдувал с неё пылинки. Он запретил ей покидать Восточную башню без сопровождения личной охраны, лично проверял каждое блюдо, приносимое с кухни фру Мартой, и требовал, чтобы замковый лекарь осматривал её трижды в день. Его слепая ревность к Лиаму умерла, сменившись другой, не менее удушающей силой — фана-

тичной, болезненной гиперопекой отца и мужа. Его жесткие темные кудри теперь всё чаще серебрились бледными нитями ранней седины, а бездонные темные глаза были постоянно устремлены на её живот, в котором то и дело робко толкался их будущий наследник.

— Тебе нельзя так много ходить, Мира, — ворчал он каждый вечер, бережно опуская её отекавшие ноги на мягкую пуговую скамеечку у камина. Он садился на пол рядом с ней, утыкаясь лицом в её колени. — Лекарь говорит, что ребенок крупный. Ты должна беречь силы.

— Кaleb, я приграничная девка, а не фарфоровая кукла из южных столиц, — со вздохом улыбалась Мира, запуская пальцы в его буйные кудри и нежно массируя ему виски. — В Ольховке женщины работали в поле до самого последнего дня. Твоя забота душит меня. Мне нужен простор, мне нужно видеть, как живет замок.

— Ольховки больше нет, есть королевство, которое я обязан сохранить для него. И для тебя, — глухо отвечал Кaleb, прижимаясь губами к её ладони.

От его тела по-прежнему исходило то самое мощное, спасительное тепло, но в его бархатном голосе Мира всё четче слышала скрытую, грызущую его изнутри тревогу. Война с Валорией не была окончена. Император Бранд, отступив к южным болотам, зализал раны и теперь собирал новое, колоссальное наемное войско, намереваясь нанести финальный, сокрушительный удар по Цитадели до того, как родит-

ся наследник. Калёб знал: обороной стен эту войну не выиграть. Нужно было идти в наступление, переходить границу и разбивать Бранда на его собственной территории, в самом сердце Валории. Но это означало оставить Миру на самом позднем сроке беременности.

Час расплаты настал в середине апреля. В кабинет короля ворвался барон Кристиан с донесением от приграничных лазутчиков. Валорийская армия пришла в движение — сорок тысяч мечей выдвинулись в сторону Чёрного брода.

Вечером того же дня Калёб долго стоял у окна спальни, глядя на собирающиеся над горами тучи. Его доспехи уже лежали на сундуке, готовые к походу. Мира подошла к нему со спины, мягко обняв его за широкую талию и прижавшись щекой к его лопаткам. Она чувствовала, как напряжено его тело, словно натянутая струна.

— Ты должен идти, Калёб, — тихо, но с железной приграничной твердостью произнесла она. — Если ты не разобьёшь Бранда сейчас, он придет сюда, когда я буду рожать. И тогда у нашего ребенка не будет дома. Не бойся за меня. Цитадель крепка, Кристиан оставляет надежный гарнизон, а фру Марта знает, что делать, когда придет мой час.

Калёб резко развернулся и сгреб её в отчаянные, болезненные объятия. Его руки крупно дрожали, а темные глаза смотрели на неё с мольбой и первобытным страхом воина, который впервые в жизни боится идти на битву. — Я боюсь, Мира... — впервые в жизни Безжалостный король признал-

ся в своей слабости. Его голос сорвался на хриплый шёпот, а кудри упали на её лицо. — Я никогда ничего не боялся. Я шел на штурм Ольховки, зная, что смерть — лишь часть ремесла. Но сейчас... мысль о том, что я буду в сотне лиг отсюда, в грязи валорийских окопов, когда ты будешь кричать от боли, производя на свет нашего сына... эта мысль убивает меня. Если я вернусь и увижу черный флаг над этой башней, я сожгу весь этот мир и себя вместе с ним.

— Я выживу, Калёб. Мы выживем, — Мира взяла его лицо в свои ладони, заставляя смотреть прямо в её серые, полные несгибаемой веры глаза. — Наш ребенок зачат в огне и пепле, он сильнее, чем все валорийские катапульты. Принеси мне победу. Раздави Бранда. И возвращайся домой.

Калёб накрыл её губы отчаянным, голодным и горьким поцелуем, в который вложил всю свою безумную любовь и страх. Его ладони в последний раз бережно опустились на её огромный живот, словно передавая малышу часть своей королевской силы.

На рассвете армия Цитадели Сокола ушла в свой финальный поход. Калёб ускакал во главе тридцатитысячного войска, унося с собой сердце своей королевы. А спустя всего две недели после его ухода, в самый разгар затяжных весенних дождей, у Миры на полмесяца раньше срока внезапно начались тяжелые, изнурительные схватки, совпавшие с первыми тревожными вестями о том, что хитрый Бранд отправил тайный отряд убийц в обход королевской армии — прямо к

беззащитным стенам Цитадели.

Глава 23

Кровь на колыбели и пламя на передовой

Дождь хлестал по витражным окнам Восточной башни с такой силой, словно само небо решило смыть Цитадель Сокола с лица земли. Внутри просторных королевских покоев воздух был густым, горячим и пах лавандовым отваром, кровью и воском догорающих свечей. Мира металась на шелковых простынях огромной постели. Её каштановые волосы растрепались, взмокнув от испарины, а пальцы судорожно, до белизны в суставах сжимали резные дубовые столбики изголовья. Каждая новая схватка накатывала на неё сокрушительной, огненной волной, вырывая из груди глухие, прерывистые стоны. Ребенок, зачат в огне и пепле, упрямо и раньше срока пробивал себе дорогу в этот суровый мир.

— Дыши, девочка моя, дыши глубже, — фру Марта, закатав рукава своего строгого темного платья, беспрестанно обтирала лоб королевы прохладной тканью. Её блеклые глаза, обычно холодные, сейчас были полны отчаянной, почти материнской тревоги. — Ты сильная, приграничная. Кaleb там, на юге, крушит врагов ради вас. Ты должна выдержать. Еще немного.

Но в самый пик очередной, разрывающей тело Мира судороги, тишину замка разорвал глухой, зловещий звон стали, донесшийся снизу, из коридоров королевского крыла.

Мира резко распахнула серые глаза, превозмогая боль. Её обострившийся приграничный слух мгновенно уловил то, что заставило бы похолодеть любого: предсмертный хрип нашего гвардейца и тяжелый, чужой шаг подкованных сапог.

Хитрый император Бранд всё-таки разыграл свою последнюю, самую грязную карту. Пока Калёб искал его армию на южных рубежах, элитный отряд валорийских убийц — «Ночные гадюки» — сумел тайно пробраться в Цитадель через заброшенные водосточные каналы в скале, о которых не знал даже барон Кристиан. Их целью не был замок. Их целью была рожающая королева и еще не родившийся наследник престола.

— Марта... они здесь... — прохрипела Мира, судорожно хватая экономку за руку и прижимаясь ладонью к своему огромному животу. Новая схватка скрутила её тело, лишая возможности даже подняться.

Тяжелая дубовая дверь спальни со стуком заперлась на железный засов изнутри — это барон Кристиан, весь в крови, успел ввалиться в комнату, тяжело дыша. На его кольчуге зияли глубокие следы от вражеских тесаков. — Ваше величество! — Кристиан припал на одно колено у кровати, его меч дрожал в раненой руке. — В крыле засада. Их больше двадцати, они вырезали посты внизу. Мы с ребятами держим лестницу, но засов долго не протянет. Я лягу здесь, но они не пройдут к вам, пока я дышу!

За дверью раздался мощный, страшный удар. Дубовые

доски жалобно затрещали. Валорийцы начали выламывать вход тяжелым топором.

В этот самый миг, в сотнях лиг к югу, на залитом кровью и грязью поле под стенами валорийской крепости, Кaleb вел свой полк в безумную, отчаянную атаку. Его доспехи были покрыты глубокими вмятинами, а тяжелый меч со свистом рассекал морозный воздух, оставляя за собой горы трупов. Но в середине боя Безжалостный король вдруг замер, на секунду опустив клинок. Его вороной конь взвился на дыбы.

В груди Калеба словно разорвалась невидимая, раскаленная струна. Дикая, первобытная паника, не имеющая отношения к идущей вокруг битве, сковала его сердце. Он физически, кожей почувствовал, как Мира там, в далекой Цитадели, кричит от боли и смертной опасности. Его жесткие темные кудри дико развевались на ветру, а бездонные черные глаза налились такой сокрушительной, безумной яростью отца и мужа, перед которой враги в ужасе начали пятиться назад.

— Кристиан! Развернуть фланги! — взревел Кaleb голосом, перекрывающим грохот катапульт. — Пленных не брать! Стереть их в порошок! Мы возвращаемся домой прямо сейчас!

Король лично ринулся в самую гущу валорийского авангарда, прорубая себе дорогу к ставке императора Бранда с такой неистовой силой, словно за его спиной стояла сама смерть. Его воины, заразившись этим безумным неистов-

ством своего монарха, лавиной смяли оборонительные ряды Валории. Кaleb искал Бранда — и нашел его у королевского шатра. Схватка двух правителей была недолгой. Кaleb одним мощным ударом сверху вниз рассек щит старого императора и вогнал свой клинок ему по самую рукоять в грудь.

— Твоя война окончена, Бранд, — ледяным шепотом произнес Кaleb, выдергивая окровавленную сталь из тела падающего врага.

Валорийская армия, увидев гибель своего императора, в панике бросилась врассыпную. Победа была полной и грандиозной. Но Кaleb даже не взглянул на трофеи. Бросив армию на полковников, он со своей сотней лучших всадников в ту же минуту вскочил на коней, безумно гоня жеребцов обратно к Цитадели, моля небо лишь об одном — успеть.

А в Восточной башне дубовая дверь спальни наконец с треском раскололась.

В пролом, сверкая узкими приграничными кинжалами, ворвались трое убийц в серых плащах. Кристиан, издав яростный крик, бросился на них, завязав смертельный бой прямо у подножия кровати. Фру Марта, не растерявшись, схватила тяжелую железную кочергу у камина и с глухим стуком опустила её на шлем прорвавшегося с фланга валорийца.

Мира, собрав последние, крупички сил, приподнялась на локтях. Огненная, финальная схватка пронзила её тело с такой силой, что мир вокруг побелел. Свободной рукой она

нащупала под подушкой подарок Калеба — кинжал с сапфиром. Когда последний из убийц, оттолкнув раненого Кристиана, замахнулся над ней тесаком, Мира, закричав не то от боли родов, не то от ярости, резко выбросила руку вперед.

Острое лезвие с сапфиром вошло валорийцу точно в горло. Он захрипел, и его горячая кровь брызнула на белоснежные простыни колыбели. В ту же секунду покои огласил первый, чистый, пронзительный и громкий плач новорожденного ребенка.

Двери спальни окончательно разлетелись в щепки, и в комнату, тяжело дыша, с мечом наголо ворвался Калед. Его кудри были припорошены дорожной пылью, лицо бледное от ужаса. Увидев поверженных врагов, израненного Кристиана и Миру, которая бессильно упала на подушки, бережно прижимая к своей груди крошечный, кричащий комочек жизни, Безжалостный король выронил меч из ослабевших пальцев.

Он упал на колени прямо перед кроватью, дрожащими руками обнимая свою жену и их новорожденного сына. В его темных глазах, впервые за всю его суровую жизнь, крупными каплями катились слезы абсолютного, ошеломляющего счастья и облегчения. Война была выиграна, заговорщики мертвы, а на обломках старого мира плакал их наследник — символ их вечной, всепобеждающей любви.

Глава 24

Свет над Цитаделью

Рассвет, поднявшийся над Цитаделью Сокола на следующее утро, был совершенно особенным. Тяжелые, свинцовые тучи, которые неделями терзали замок бесконечными холодными дождями, наконец рассеялись. Первые по-весеннему теплые, золотистые лучи солнца окрасили гранитные зубцы башен в мягкие, пастельные тона, прогоняя прочь остатки ночного кошмара. Замковый двор всё еще хранил следы недавней жестокой схватки, но внутри королевских покоев Восточной башни воцарилась долгожданная, святая и благословенная тишина.

Мира лежала на чистых, пахнущих лавандой шелковых простынях, бережно прижимая к своей груди крошечный, спящий комочек. Её новорожденный сын, укутанный в мягкое кашемировое одеяло, ровно и тихо сопел, изредка забавно двигая крошечными пальчиками. Пережитая буря отняла у неё почти все силы, но в её серых, глубоких глазах больше не было страха. В них светилось безграничное, абсолютное материнское счастье.

Калёб сидел на самом краю постели, не отрывая от них своего взгляда. На нем больше не было тяжелых боевых доспехов и окровавленной кольчуги — только простая, чистая рубашка из белого шелка. Его жесткие смоляные кудри, в

которых теперь отчетливо поблескивали благородные нити ранней седины, мягко падали на лоб. Безжалостный король, перед которым еще вчера трепетала сорокатысячная армия Валории, сейчас выглядел уязвимым и ошеломленным. Его большие, огрубевшие от рукояти меча ладони мелко дрожали, когда он аккуратно, едва касаясь, погладил младенца по крошечной круглой голове.

— Поверить не могу, что всё это позади, — очень тихо, почти благоговейным шёпотом произнес он, поднимая взгляд на жену. На его четко очерченных губах появилась та самая редкая, мягкая и обезоруживающая улыбка, которую знала только она одна. — Когда я ворвался в эту комнату и увидел кровь... моё сердце едва не остановилось. Я думал, что опоздал, Мира. Прости меня. Я обещал защищать тебя, но война...

— Ты успел, Калеб, — Мира слабо, но бесконечно нежно улыбнулась, переплетая свои пальцы с его горячей ладонью. — Наш сын родился под звон мечей, защищающих его дом. Он истинный сокол. И он с самого первого вздоха знает, что его отец — самый сильный и преданный защитник в этом мире. Император Бранд разбит, его армия бежала. Нам больше никто и никогда не сможет угрожать.

В этот момент в спальню тихо, стараясь не шуметь, вошли фру Марта и барон Кристиан. Рука молодого барона была аккуратно перевязана чистым льняным полотном, но на его лице, несмотря на бледность от потери крови, сияла гордая

улыбка. Экономка несла на серебряном подносе чашу с горячим, укрепляющим бульоном для королевы.

— Ваше величество, — Кристиан почтительно склонил голову, стараясь, чтобы его шпоры не звякнули слишком громко. — Лазутчики вернулись с южных рубежей. Валорийские лорды, узнав о гибели Бранда от вашего меча, официально подписали безоговорочную капитуляцию. Они признают все наши границы и обязуются выплатить огромную контрибуцию золотом за разрушения. Набеги прекращены навсегда. Наш народ ликует на улицах столицы.

— Отличная работа, Кристиан, — Калев поднялся со своего места и крепко, по-мужски обнял барона за здоровое плечо. — Ты спас мою семью сегодня ночью. Твой род отныне будет самым почитаемым в Цитадели. Ты назначаешься главнокомандующим всей королевской гвардии.

Кристиан вспыхнул от гордости и снова поклонился, бросив быстрый, преданный взгляд на маленького наследника.

Фру Марта подошла к кровати, бережно поправляя подушки Миры. Её суровое, обычно неприступное лицо полностью разгладилось. Она ласково посмотрела на малыша. — Весь замок празднует, девочка моя, — тихо проворчала она, и в её блеклых глазах блеснули слезы. — Приграничные старейшины уже выстроились у ворот, они привезли в подарок молодому принцу колыбель из векового ольхового дерева. Той самой Ольховки, которую они отстроили. Они называют его Дитя Мира.

Когда слуги и Кристиан вышли, оставив королевскую челюсть наедине, Калёб подошел к высокому стрельчатому окну и распахнул тяжелые портьеры цвета спелой вишни. Зал залило ослепительным, праздничным солнечным светом. Далеко внизу, на площадях и улицах города, тысячи людей размахивали сине-золотыми знаменами, празднуя великую победу и рождение наследника. Доносились звуки музыки, смех и колокольный перезвон.

Король вернулся к постели, нежно присел рядом с Мирой и аккуратно взял на руки своего спящего сына. Малыш недовольно сморщил крошечный носик, но почувствовав сильное, надежное тепло отцовского тела, снова успокоился. Калёб наклонился и прижал свои губы к губам Миры — этот поцелуй больше не был горьким от страха перед будущим, он был сладким, долгим и глубоким, со вкусом абсолютной победы и покоя.

Их невероятная история, начавшаяся со страшного набега, пепла, кандалов и жгучей ненависти, прошла сквозь суровые испытания, слепую ревность, интриги предателей и грохот великой войны. Но истинная, чистая и гордая любовь приграничной служанки и кудрявого короля смогла сломать все преграды, исцелить старые раны и переплавить пепел разрушенного прошлого в чистое золото великого и счастливого будущего их новой династии. На обломках старой тирании выросло новое, справедливое королевство, убаюканное мирным плачем их общего ребенка.

Глава 25

Золотая осень и первые шаги

Прошло пять лет с тех пор, как стены Цитадели Сокола содрогались от ударов валорийских таранов, а в королевской спальне, обгащенной кровью наемных убийц, раздался первый крик новорожденного принца. Эти пять лет стали для королевства эпохой истинного, благословенного расцвета. Мира оказалась не просто мудрой королевой, но и душой этой земли. Приграничные провинции, когда-то задыхавшиеся от нищеты и грабительских пошлин, теперь процветали. На месте сожженных деревень выросли богатые торговые посады, а ремесленники Ольховки славились своими изделиями на весь континент.

Калёб изменился. В его осанке по-прежнему угадывался сильный, опасный воин, готовый в любую секунду обнажить свой тяжелый меч, а его буйные смоляные кудри, теперь тронутые красивой благородной сединой на висках, всё так же бунтовали против строгости королевского венца. Но его бездонные темные глаза больше не были ледяными омутами Безжалостного короля. Когда он смотрел на Миру или на их подрастающего сына, в них разливалось такое глубокое, концентрированное тепло, которое могло согреть Цитадель в самую суровую зиму. Его безумная ревность прошлых лет переплавилась в абсолютное, непоколебимое доверие к жене,

ставшей его главным советником и единственной слабостью.

Их сын, маленький принц Эйдан, рос удивительным ребенком. Ему едва исполнилось пять лет, но в его облике уже разительно угадывалась порода отца и гордость матери. У него были точно такие же жесткие, непослушные темные кудряшки, которые забавно топорщились во все стороны, и пронзительные серые глаза Миры, смотревшие на мир с недетским, пытливым умом.

Был теплый, золотой сентябрьский полдень. Воздух в закрытом королевском саду был прозрачным и пах спелыми яблоками, сухой травой и поздними розами. Мира сидела на резной каменной скамье, укрытая легкой шерстяной шалью. На её коленях лежала старинная хроника приграничья — она по-прежнему любила проводить часы за книгами, координируя теперь работу замковых школ. Кашемировое платье теплого песочного оттенка мягко подчеркивало её повзрослевшую, но всё такую же грациозную фигуру.

— Папа, смотри! Я поймал ветер! — звонкий, залиvistый детский голос разорвал тишину сада.

Маленький Эйдан, одетый в крошечный кожаный колесSub и высокие замшевые сапожки, с деревянным мечом в руке безудержно носился по тисовым аллеям. За ним, тяжело дыша и едва успевая за маневренным ребенком, следовал барон Кристиан. Молодой главнокомандующий гвардии, чьи доспехи теперь сияли золотыми соколиными крыльями, искренне смеялся, притворно закрываясь щитом от ударов ма-

ленького принца.

Калеб стоял чуть поодаль, прислонившись широкой спиной к стволу старого вяза и скрестив руки на нагруднике. Он наблюдал за сыном с тихой, глубокой гордостью. Когда Эй-дан, споткнувшись о корень дерева, кубарем покатился по траве, Калеб даже не двинулся с места, лишь сильнее сжал губы. Он воспитывал наследника как воина, не позволяя слугам опекать его сверх меры. Эй-дан сам поднялся, отряхнул коленки, упрямо насупился и снова занес свой деревянный клинок. Точь-в-точь как Мира у опушки леса.

Король медленно подошел к скамье жены и сел рядом, обнимая её за плечи. От его сильного тела по-прежнему исходило то самое мощное, пьянящее тепло, которое когда-то спасло Миру в подземелье.

— Он слишком упрям для своего возраста, — негромко, бархатным голосом произнес Калеб, зарываясь носом в её каштановые волосы у виска. — Кристиан говорит, что Эй-дан отказывается учить столичный этикет, но часами готов слушать рассказы о фортификации и приграничных походах. Твоя кровь, Мира. Гордая и дикая.

— И твоя, Калеб, — улыбнулась Мира, поворачивая к нему лицо и нежно целуя его в щеку, заросшую короткой, аккуратной щетиной. — Он берет свой деревянный меч даже в постель. Фру Марта каждое утро находит его под подушкой. Ты растишь защитника, но не забывай, что королю нужен не только меч, но и чистый разум. Завтра я сама займусь с ним

старой грамотой.

Калёб накрыл её ладонь своей горячей рукой, всматриваясь в её ясные серые глаза.— Нам повезло, Мира. Этот мир стоил каждой капли пролитой крови. Но... лазутчики канцелярии прислали сегодня утром странное донесение с южных болот, со стороны бывшей Валории. Нам нужно быть наготове.

Мира мгновенно подобралась, её взгляд стал серьёзным.— Что случилось? Валорийские лорды снова копят наёмников?

— Хуже, — Калёб нахмурился, и его темные кудри грозно колыхнулись. — Это не армия. На границе Великих болот объявились люди в черных балахонах с эмблемой слепого сокола. Это древний, запрещенный культ «Ночных теней», который когда-то поддерживал Бранда. Они не воюют открыто. Они крадут детей, проводят тайные ритуалы и проповедуют месть нашей династии. Кристиан уже выслал туда усиленные патрули, но мне не нравится этот шёпот на юге. Они называют Эйдана «незаконным дитя пепла» и говорят, что проклянут наш род.

Мира почувствовала, как по спине пробежал ледяной холодок, а сердце испуганно пропустило удар. Она инстинктивно обернулась к сыну, который в этот момент победно оседлал деревянную бочку, выкрикивая приграничные боевые кличи. Страх за ребенка, дремавший в её душе после ночи штурма, вспыхнул с новой, неистовой силой.

В этот самый момент к скамье быстрыми шагами подошел начальник тайной канцелярии. Его лицо было бледным, а в руках он сжимал странный предмет, обернутый в грязную черную ткань. — Ваше величество, — тихо, чтобы не услышал маленький принц, произнес он, опускаясь на колено перед королем. — Час назад этот подношение нашли у подножия Восточной скалы, прямо у потайного хода. Охрана перехватила его, но того, кто принес это, поймать не удалось — он словно растворился в тумане болот.

Кaleb резким движением сорвал черную ткань. Мира тихо ахнула, прижав ладонь к губам.

На бархате лежала маленькая, искусно сделанная из сухой болотной травы и костей кукла, в точности повторяющая очертания ребенка. Её голова была увенчана крошечной короной из сухих веток орешника, а прямо в грудь фигурки была вонзена длинная, ржавая железная игла, залитая засохшей черной смолой.

Это было не просто оскорбление. Это было прямое, страшное объявление тайной войны их сыну. Древнее проклятие культа «Ночных теней» перешагнуло порог Цитадели, и хрупкий мир, который они строили пять лет, снова оказался под угрозой. Кaleb медленно сжал куклу в своем кулаке так, что сухие кости хрустнули, а его темные глаза налились опасным, карающим неистовством Безжалостного короля, готового разорвать любого, кто посмеет посягнуть на его гнездо.

Глава 26

Тени в коридорах и ночные шорохи

Над Цитаделью Сокола сгустились тяжелые осенние сумерки. Золотая листва, еще вчера радовавшая глаз в королевском саду, под резкими порывами ночного ветра казалась зловещими черными хлопьями. Из-за Великих болот наползал густой, холодный туман, который медленно, дюйм за дюймом, укутывал крепостные стены, превращая могучий гранитный замок в призрачный корабль, затерянный в серой пустоте.

Внутри Цитадели воцарился строжайший режим бдительности. По личному приказу Калеба число гвардейцев на стенах было удвоено. Барон Кристиан лично проверял каждый пост, а факелы в железных кольцах теперь горели до самого рассвета, не оставляя ни одного темного угла в бесконечных каменных переходах. Перехваченная у потайного хода кукла с ржавой иглой заставила короля вспомнить свои самые жесткие военные методы. Маска любящего отца и мужа снова сменилась леденящим, расчетливым лицом Безжалостного монарха.

Мира сидела в детской комнате Эйдана, расположенной на среднем ярусе Южной башни. Помещения принца были просторными, но уютными: пол устилали теплые приграничные ковры, у стены стоял дубовый сундук с деревянными иг-

рушками, а в камине весело потрескивали березовые дрова, разгоняя сырость. На Мире было простое домашнее платье из мягкой шерсти винного оттенка. Она неспешно расчесывала жесткие, непослушные темные кудряшки сына, который сидел у её ног на пуховой подушке.

— Мама, — маленькие пальчики Эйдана крепко сжимали его неизменный деревянный меч. Он поднял на неё свои пронзительные серые глаза, в которых сейчас читалось не детское любопытство, а странная тревога. — А почему папа сегодня такой сердитый? Он зашел ко мне перед ужином, проверил все засовы на окнах и даже не улыбнулся, когда я показал ему, как научился делать выпад левой рукой. Его глаза были совсем черными. Как тогда, на картине в тронном зале.

Мира на секунду замерла, её пальцы запутались в жестких завитках волос сына. Сердце болезненно сжалось, но она заставила себя мягко улыбнуться и поцеловала мальчика в макушку. — Папа просто очень устал, Эйдан. На южной границе сейчас много забот, и он должен следить, чтобы все наши люди были в безопасности. Ты ведь у меня будущий защитник, верно? Вот папа и хочет, чтобы ты рос в крепости, где нет места слабости.

— Я защищу тебя, мама, — упрямо насупился малыш, поудобнее перехватывая деревянную рукоять. — И папу защищу. И фру Марту. Но... мне не нравится этот туман за окном. Вчера ночью, когда свечи догорели, мне показалось,

что за стеклом кто-то шуршал. Словно большая птица билась крыльями о камни. Только у этой птицы были человеческие глаза.

Мира похолодела до самых кончиков пальцев. Острая приграничная интуиция, которая никогда её не подводила, кричала об опасности. Лазутчики культа «Ночных теней» были гораздо ближе, чем думал Калеб. Они не просто слали угрозы — они уже проникали на территорию замка, обходя посты.

— Тебе просто приснился дурной сон, милый, — как можно спокойнее произнесла королева, хотя её голос едва заметно дрогнул. — Стены башни очень высокие, ни одна птица не долетит сюда в такой шторм. Ложись спать, я побуду с тобой, пока ты не уснешь.

Она уложила Эйдана под тяжелое кунье одеяло, дождалась, пока его дыхание станет ровным и глубоким, и лишь после этого тихо, бесшумно поднялась. Задув все свечи, кроме одной, Мира вышла в коридор, где у дверей детской застыли двое массивных гвардейцев в черной броне. — Охранять принца, не смыкая глаз, — тихо, но со звенящей королевской властью приказала она. — Если услышите хотя бы шорох внутри — ломайте дверь.

В этот самый момент в подземных ярусах Цитадели Калеб вел допрос, от которого зависело будущее его семьи. В сырой, освещенной парой факелов камере тайной канцелярии на коленях стоял новый конюх — молодой парень по

имени Томас, переехавший из южных провинций три месяца назад. Его руки были скованы тяжелыми железными обрубками, а лицо покрывали багровые ссадины. У его ног лежала порванная черная мантия с полустертой эмблемой слепого сокола — вещь, которую начальник канцелярии нашел на дне его седельной сумки.

Калёб медленно расхаживал вокруг парня, чеканя шаг тяжелыми сапогами. Его лицо казалось высеченным из гранита, а рука покоилась на эфесе тяжелого меча. От фигуры короля исходила такая колоссальная, удушающая волна первобытной ярости, что конюх трясся всем телом, размазывая слезы и кровь по щекам.

— Ты принес эту куклу к Восточной скале, Томас? — тихо, почти ласковым шёпотом спросил Калёб, останавливаясь прямо перед ним. Но в этой мягкости крылась смертная казнь. — Ты открыл потайной ход для лазутчиков культа? Отвечай мне, или я прикажу Кристиану содрать с тебя кожу живьем и вывесить её на главных воротах.

— Ваше величество! Помилуйте! Я не знал! — взмолился парень, блясь головой о холодный пол. — Мне заплатили! Станный человек в маске нашел меня в таверне у болот. Он дал мне кошель с валорийским золотом и приказал лишь оставить калитку у скалы незапертой во время третьей стражи! Он сказал, что это просто шутка, чтобы напугать придворных! Они обещали, что принца никто не тронет! Они хотели только забрать то, что принадлежит им по праву кро-

ви!

— По праву крови? — Калев резко наклонился, схватил парня за воротник рубашки и с силой встряхнул, заставляя смотреть прямо в бездонную тьму своих черных глаз. — Что именно они хотят забрать, тварь? Говори!

— Наследника... — прохрипел конюх, задыхаясь от железной хватки монарха. — Сегодня ночью... Во время полной луны, когда туман скроет башни. Высший жрец культа уже внутри замка. Он пришел за «дитя пепла»...

В ту же секунду где-то на верхних ярусах замка, со стороны Южной башни, раздался оглушительный, истощенный крик стражника, который мгновенно оборвался глухим стуком падающего тела. А следом за ним тишину Цитадели разорвал звонкий, полный смертного ужаса детский вопль маленького Эйдана.

Калев в долю секунды отшвырнул конюха в сторону. Его лицо исказила страшная, безумная ярость отца, чье гнездо прямо сейчас разоряли хищники. Тяжелый боевой меч со свистом покинул ножны. — Кристиан! В Южную башню! Все отряды туда! — взревел король голосом, от которого содрогнулись гранитные своды подземелья, и со всех ног бросился вверх по винтовой лестнице, готовый уничтожить любого, кто встанет на его пути.

Глава 27

Сталь на краю бездны

Мира взлетела по винтовой лестнице Южной башни быстрее, чем успевали соображать её гвардейцы. Сердце колотилось в горле, а в ушах до сих пор звенел этот истошный, полный ужаса детский крик Эйдана. На площадке перед покоями принца стояла мертвая, пугающая тишина. Один из стражников в черной броне лежал, прислонившись спиной к каменной стене; из его шеи торчал тонкий, как спица, валорийский стилет, а по нагруднику текла темная струйка крови. Второй гвардеец тяжело хрипел в углу, зажимая пробитую грудь.

Дубовая дверь в детскую была распахнута настежь. Внутри комнаты гулял ледяной, влажный ветер — огромное стрельчатое окно было выбито изнутри вместе со свинцовой рамой, и ключья болотного тумана белыми призраками вползали на приграничные ковры.

Мира ворвалась в спальню, на ходу выхватывая скрытый на поясе кинжал с сапфиром. Её каштановые волосы растрепались, а серые глаза горели неистовым, яростным огнем матери, готовой разорвать любого хищника.

Посреди комнаты, прямо у разбитого окна, стояла высокая фигура в тяжелом черном балахоне. На лице незнакомца была уродливая серебряная маска, изображавшая слепо-

го сокола, а его длинные, костлявые пальцы намертво сжимали плечо маленького Эйдана. Принц отчаянно извивался, бил врага своими замшевыми сапожками и упрямо пытался достать его своим деревянным мечом, но хватка жреца была железной. Убийца уже заносил ногу над подоконником, собираясь спуститься по штормовому канату, тайно сброшенному со стены башни прямо в туманную бездну замкового рва.

— Отпусти моего сына, тварь! — закричала Мира, и этот крик, полный первобытной ярости, заставил жреца обернуться.

Высший жрец культа «Ночных теней» тихо, зловеще рассмеялся сквозь прорези серебряной маски. Его голос прозвучал как шелест сухой травы на болотах.— Дитя пепла вернется туда, откуда пришло его проклятие, королева. Твой род будет стерт.

Жрец резко выставил вперед левую руку. Из широкого рукава его балахона с сухим щелчком вылетело скрытое лезвие. Он сделал молниеносный выпад, целясь Мире прямо в грудь.

Но Мира не была хрупкой столичной дамой. Приграничное детство и годы, проведенные в Цитадели, научили её защищаться. Она ловко вильнула в сторону, уходя от смертельного удара, но лезвие всё же скользнуло по её плечу, разрезав мягкую шерсть винного платья и оставив на коже длинную, кровоточащую царапину. Боль обожгла тело, но Мира

даже не поморщилась. Пользуясь тем, что жрец на секунду потерял равновесие, она резко выбросила руку вперед и со всей силы вогнала свой кинжал с сапфиром ему в плечо.

Сталь с хрустом пробила плотную ткань балахона. Жрец взвыл от неожиданной боли, его пальцы разжались, и маленький Эйдан, вырвавшись, кубарем покатился по полу, крепче прижимая к себе свою деревянную игрушку.— Мама! — закричал мальчик, забиваясь под тяжелый дубовый стол.

Жрец, истекая кровью, в ярости замахнулся на Миру своим стилетом. Из-за ранения его движения стали медленнее, но он всё еще был смертельно опасен. Мира отступила к стене, тяжело дыша и удерживая оружие перед собой. Силы были равны, а раненое плечо королевы быстро покрывалось багровым пятном.

В этот самый момент каменный пол Южной башни содрогнулся от бешеного, сокрушительного бега.

В развороченную дверь спальни, буквально снося плечом косяк, ворвался Калёб. Его жесткие темные кудри дико развевались, а бездонные черные глаза налились такой страшной, первобытной тьмой Безжалостного короля, что жрец культа инстинктивно отступил на шаг назад, ближе к разбитому окну. Тяжелый боевой меч монарха со свистом рассек воздух, оставляя в полумраке комнаты сияющий стальной след.

— Ты тронул мою жену. Ты пришел за моим сыном, —

тихо, почти зловещим шёпотом произнес Калёб.

Но от этого шёпота стены башни, казалось, покрылись ледяной коркой. От короля исходила такая колоссальная, удушьяющая волна ярости отца и правителя, что жрец понял: пощады не будет. Калёб не стал вести переговоры или расспрашивать. Он сделал один мощный, стремительный шаг вперед и обрушил свой тяжелый клинок на врага.

Жрец попытался закрыться своим скрытым лезвием, но сталь Цитадели была неумолима. Одним сокрушительным ударом Калёб перерубил руку убийцы вместе с оружием, заставив того издать дикий, захлебывающийся крик. Следующим движением король наотмашь ударил ногой в нагрудник жреца, выталкивая раненого фанатика обратно в разбитое стрельчатое окно.

Жрец культа «Ночных теней» сорвался вниз. Его черный балахон взметнулся, словно крылья огромной слепой птицы, и он бесшумно исчез в серой, удушливой пене болотного тумана, разбившись о гранитные выступы скалы у самого основания башни.

В комнате воцарилась оглушительная тишина, нарушаемая лишь завыванием холодного ветра. Калёб тяжело дышал, его меч был покрыт каплями темной крови культа. Он резко отбросил оружие в сторону, и оно со звоном покатилося по ковру. В два шага король преодолел расстояние до Миры, бережно, но с отчаянной силой сгребая её в свои горячие объятия. Его руки крупно тряслись, а кудри кололи её лицо.

— Мира... О небо, твоё плечо... — его бархатный голос сорвался на хриплый шёпот, полный затаенной боли, когда он заметил порез на её платье. Он бережно прижал губы к её лбу, укутывая её своим телом. — Я чуть не опоздал. Прости меня, моя королева. Если бы я потерял тебя... если бы они забрали его...

— Всё хорошо, Кaleb. Я цела, это просто царапина, — прошептала Мира, утыкаясь носом в его сильное плечо и чувствуя, как напряжение наконец начинает отпускать её разум. Она обернулась к столу. — Эйdan... Иди ко мне, маленький мой.

Из-под тяжелого дубового стола несмело выбрался маленький принц. На его личике были следы копоты и слез, но его серые глаза смотрели на родителей с нестигаемой, истинно королевской гордостью. Он подбежал к ним, и Кaleb, опустившись на одно колено, крепко прижал сына к своей широкой груди, зарываясь лицом в его жесткие темные кудряшки.

— Ты вел себя как настоящий воин, Эйdan, — тихо, с нескрываемой гордостью произнес король, и в его темных глазах блеснула непрошенная слеза облегчения. — Ты держал меч до конца.

— Я защищал маму, папа, — упрямо шмыгнул носом малыш, поудобнее перехватывая деревянную игрушку.

В комнату, тяжело дыша, ворвался барон Кристиан с десятком гвардейцев. Увидев поверженного врага за окном и

спасенную королевскую семью, Кристиан облегченно опустил меч.— Ваше величество! Замок полностью очищен, коных Томас выдал все имена. Но этот жрец... культ на болотах не успокоится. Они проиграли эту ночь, но они вернутся, если мы не выжжем это гнездо до самого основания.

Калев медленно поднялся с колен. Вся его мягкость отца снова исчезла, уступив место леденящей, абсолютной решимости Безжалостного правителя. Его жесткие темные кудри грозно колыхнулись на ветру, задувающим из разбитого окна. Он перевел свой взгляд на Великие болота, скрытые туманом.

— Эта война больше не будет оборонительной, Кристиан, — тихо, но так твердо, что гвардейцы инстинктивно выпрямились, произнес король. — Культ «Ночных теней» совершил свою последнюю ошибку, переступив порог этой детской. Собирай армию. Завтра на рассвете мы выступаем на южные болота. Мы выжжем их тайные храмы дотла, чтобы ни одна тварь больше никогда не посмела даже взглянуть в сторону моего сына. И на этот раз, Мира... — он повернулся к жене, и в его глазах вспыхнуло абсолютное доверие. — Ты поедешь со мной. Нам нужен твой приграничный ум, чтобы пройти сквозь эти топи и закончить эту войну раз и навсегда

Глава 28

В угодьях вечного тумана

Поход на Великие болота начался без столичного блеска и трубных маршей, которые обычно сопровождали королевскую армию. Войско двигалось скрытно, безмолвной стальной змеей рассекая серые приграничные равнины. На рассвете четвертого дня пути ландшафт окончательно изменился. Твердая земля под копытами боевых коней сменилась зыбкой, покрытой чахлым мхом топью. Из низин пополз тяжелый, душливый пар, пахнувший гнилой водой и старым торфом. Великие болота встретили армию Цитадели злоеющим, мертвым молчанием, в котором то и дело тонули испуганные крики болотных птиц.

Маленького Эйдана оставили в замке под надежной, утренней защитой фру Марты и пятисот верных ветеранов. Кaleb больше не доверял безопасности Цитадели наполовину. Но Мира ехала рядом с ним.

На королеве был походный суконный костюм темно-зеленого цвета, немаркий плащ и высокие кожаные сапоги, защищающие от влаги. Её раненое плечо, аккуратно перевязанное замковым лекарем, еще слегка поднывало при резких движениях, но в серых глазах Миры не было ни капли усталости. Вся её приграничная натура ожила в этих суровых краях. В то время как столичные рыцари пугливо озира-

лись на каждый всплеск в камышах, Мира чувствовала себя здесь уверенно. Она знала, как читать эти топи.

Калёб ехал по правую руку от неё на своем огромном вороном жеребце. Его жесткие темные кудри, тронутые ранней сединой на висках, были влажными от висящей в воздухе водяной взвеси. Тяжелые латы короля были покрыты специальной темной смазкой, чтобы сталь не блестела на тусклом болотном солнце. Его бездонные черные глаза беспрестанно сканировали серый горизонт, но каждые несколько минут он переводил взгляд на жену, проверяя, как она держится в седле.

— Туман сгущается, Калёб, — негромко произнесла Мира, придерживая поводья своей гнедой кобылы. Её чистый голос прозвучал непривычно отчетливо в вязкой тишине болот. — Мой отец переписывал старые хроники южных походов прежнего короля. В них говорилось, что обычные тропы в этих краях — ловушка, созданная самой природой. Культ «Ночных теней» веками живет в этих топях. Они знают, где земля держит вес лошади, а где под тонким слоем мха скрывается бездонная черная жижа, способная поглотить целый полк за считанные минуты. Нам нельзя идти по главной гати. Она ведет напрямиком в засаду.

Калёб поднял руку, заставляя идущий следом авангард остановиться. Копыта коней со шлепаньем замерли в грязи. Барон Кристиан, шедший во главе гвардейцев, поспешно направил своего жеребца к королевской чете.

— Моя королева права, — Кристиан стер капли пота со лба, устало опустив щит на луку седла. — Мои передовые дозоры только что вернулись. Двое разведчиков бесследно исчезли в тумане всего в полулиге отсюда. Лошади начали нервничать, земля впереди дышит. Если мы двинемся дальше без точного проводника, армия Цитадели просто утонет до того, как мы увидим первого фанатика культа.

Калев нахмурился, и его кудри грозно колыхнулись. Он перевел свой темный, пронизывающий взор на Миру. В этом взгляде больше не было и следа прежней мужской гиперопеки — только абсолютное, глубокое уважение правителя к уму своего главного советника. — Что говорят хроники твоего отца, Мира? — тихо, бархатным голосом спросил он. — Как пройти сквозь эти топи и не потерять людей?

Мира достала из кожаного подсумка небольшую, сложенную вчетверо пергаментную карту. Это был документ, который она лично разыскала в замковом архиве накануне похода и дополнила отцовскими пометками. — Хроники говорят, что единственный безопасный путь лежит через ущелье Забытых Камней, вдоль старого русла высохшей подземной реки. Внешне это место выглядит как непроходимый бурелом и нагромождение гранитных валунов, покрытых мхом. Культисты уверены, что ни один конный отряд туда не сунется. Но под буреломом — прочное скальное основание. Если мы пустим пехоту впереди, чтобы расчистить завалы, кавалерия сможет пройти след в след. Мы обойдем их главные оборо-

нительные посты у болотных озер и выйдем прямо к тылу их тайного святилища.

Калёб внимательно изучил карту, сопоставляя ломаные линии Миры с темными очертаниями холмов, едва различимыми сквозь серую пелену тумана. На его жестких губах появилась холодная, хищная и опасная улыбка Безжалостного короля.— Твой ум снова спасает мою армию, Мира, — произнес он, и в его низком голосе послышалась затаенная гордость. Он повернулся к Кристиану. — Меняем направление марша. Поворачиваем полки к ущелью Забытых Камней. Пешим копейщикам выдать топоры, расчищать проход без лишнего шума. Идти след в след за королевой. Если кто-то заметит в тумане движение — стрелять без предупреждения.

Армия послушно перестроилась, уходя с топкой гати в сторону скалистых выступов.

Движение по ущелью было медленным и изнурительным. Гвардейцы вручную растаскивали вековые поваленные стволы сосен, утопающие во влажном мху. Мира ехала впереди, указывая направление по едва заметным приграничным меткам на скалах — старым знакам, которые когда-то оставляли приграничные охотники. Калёб ни на секунду не отходил от неё, готовый в любую долю секунды прикрыть её своим тяжелым щитом от возможной атаки.

К исходу дня, когда бледное солнце окончательно скрылось за горизонтом, погружая болота во мрак, отряд наконец выбрался на твердую, сухую гранитную возвышенность. Ту-

ман здесь был не таким густым, и сквозь его рваные клочья Мира увидела то, от чего её сердце испуганно пропустило удар.

Внизу, в глубокой чаше между тремя черными скалами, располагалось сердце культа «Ночных теней».

Это было огромное, полуразрушенное валорийское святилище, вырубленное прямо в базальтовой породе. Вокруг него мертвым сиянием горели десятки факелов, заправленных болотным газом, отбрасывая уродливые, пляшущие тени на темные камни. Сотни людей в черных балахонах со слепыми соколами на спинах стояли ровными шеренгами перед огромным жертвенным алтарем, над которым поднимался густой, фиолетовый дым. До слуха королевских воинов донесся глухой, ритмичный и пугающий шёпот их зловещей молитвы, прославляющей месть династии Калеба.

— Мы пришли вовремя, — ледяным шепотом, от которого веяло неминуемой смертью, произнес Калёб, медленно выхватывая из ножен свой тяжелый боевой меч. Сталь зловеще блеснула в полумраке.

Его бездонные темные глаза налились опасным, карающим неистовством. Он посмотрел на Миру, и его рука на секунду сжала её ладонь.— Оставайся на возвышенности под охраной десятка лучников Кристиана, Мира. Твой ум привел нас сюда, теперь пришло время моего меча. Сегодня ночью этот культ перестанет существовать.

Король резко повернулся к своим полкам, застывшим

на краю скалы, готовым ринуться вниз, словно карающий шторм. Ловушка для фанатиков культа, созданная острым умом приграничной королевы, была окончательно готова захлопнуться.

Глава 29

Базальтовый ад и пламя в тумане

Торфяной туман, висевший над чашей святилища, мгновенно пропитался запахом неизбежной, страшной развязки. По сигналу Калеба железные когорты Цитадели Сокола безмолвно, словно лавина, сорвались с гранитной крутизны вниз, в низину. Копыта коней больше не шлепали по грязи — они сокрушительно гремели по каменистому плато, окружавшему базальтовый храм.

— За Цитадель! За принца Эйдана! — этот яростный, громоподобный клич барона Кристиана разорвал зловещую тишину болот, заставив фанатиков в черных балахонах испуганно прервать свое песнопение.

Королевская кавалерия с разгона врезалась в плотные, ровные шеренги культа «Ночных теней». Это был не просто штурм — это была безжалостная, каленая месть отца за испуг своего ребенка. Калев мчался впереди всех. Его тяжелый боевой меч, начищенный до зеркального блеска, со свистом рассекал полумрак, с каждым взмахом оставляя за собой поверженных врагов. Его жесткие темные кудри дико развевались, а бездонные черные глаза горели тем первобытным неистовством Безжалостного короля, перед которым когда-то пала Валория. Черные одежды культистов окрашивались багровым, фанатики падали десятками, не успевая

выхватывать свои узкие стилеты.

Мира осталась на скалистой возвышенности, как и приказал муж. Окруженная кольцом из десяти лучших лучников Кристиана, она неотрывно, затаив дыхание, всматривалась в бурлящий внизу кровавый костер битвы. Сердце колотилось в груди, как пойманная птица. На ней по-прежнему был темно-зеленый походный плащ, а пальцы крепко сжимали рукоять кинжала с сапфиром. Раненое плечо заныло от напряжения, но она не обращала на это внимания. Её острый приграничный ум лихорадочно анализировал диспозицию сил.

Внезапно её взгляд зацепился за странное, пугающее движение в самой глубине базальтовых пещер, примыкавших к жертвенному алтарю.

Из темноты гротов, укрытых фиолетовым дымом, фанатики культа начали спешно выволакивать огромные деревянные бочки, скрепленные железными обручами. Мира прищурилась, и её лицо мгновенно стало бледным, как приграничный мох. На бочках отчетливо виднелось тиснение в виде мертвой совиной головы — знак, который она видела в отцовских архивных хрониках.

«Слезы болот». Древнее, страшное приграничное горючее вещество, изготавливаемое из сырой торфяной смолы и селитры. Эта смесь горела даже на воде, и потушить её было невозможно ни землей, ни влагой.

Новый предводитель культа — огромный мужчина в маске слепого сокола, чья мантия была расшита серебряными

ниями, — стоял на вершине алтаря. Он заметил, что Калёб прорубает себе дорогу прямо к нему через завалы тел. Жрец зловеще, безумно рассмеялся и взмахнул факелом, отдавая приказ своим приспешникам. Фанатики начали выбивать пробки из бочек, опрокидывая их. Маслянистая, густая жижа темным потоком хлынула под ноги нападающей королевской коннице, заполняя все каменные расщелины чаши.

— Калёб! Назад! Это болотный огонь! — закричала Мира изо всех сил, но её чистый голос бессильно утонул в грохоте битвы, ржании раненых коней и криках умирающих.

Жрец на алтаре опустил факел прямо в растекающуюся жижу.

Низина взорвалась. Мощная, ослепительная вспышка грязно-рыжего пламени взметнулась до самого неба, мгновенно превратив чашу святилища в бурлящий, огненный ад. Горело всё: сухой мох, одежда, сами камни, пропитанные смолой. Замковые кони в панике взвивались на дыбы, сбрасывая всадников прямо в бушующее пламя. Тяжелые доспехи гвардейцев раскалялись за считанные секунды, превращаясь в железные ловушки. Воздух стал невыносимо горячим, горьким от едкого химического дыма.

Калёб оказался отрезан от своих отрядов огненной стеной. Его вороной конь, испуганно всхрапнув, отпрянул назад, но король упрямо удерживал поводья горячими руками. Он видел, как жрец в серебряной маске, воспользовавшись паникой, пытается скрыться в глубине пещер, уводя за собой

остатки высших чинов культа. Если они уйдут сейчас через подземные переходы, шёпот на юге никогда не прекратится. Эйдан никогда не будет в безопасности.

Забыв о собственной осторожности, Калёб спрыгнул с седла прямо на раскаленные камни, прикрывая лицо щитом от бьющего в глаза жара, и бросился сквозь завесу пламени вслед за жрецом, скрываясь в черном зеве грота.

Мира, увидев, как её муж исчезает в пещере, охваченной огнем, больше не могла оставаться на месте. Вся её приграничная гордость и безумная любовь к этому кудрявому королю подняли её на ноги.— За мной! В пещеры! —скомандовала она лучникам Кристиана и, не дожидаясь ответа, со всех ног бросилась вниз по склону, перепрыгивая через горящие обломки. Она должна была успеть. Она должна была стать его разумом там, где его вел только слепой гнев отца.

Глава 30

В лабиринтах базальтового сердца

Внутри пещеры воздух был сухим, удушливым и таким горячим, что кожа на лице мгновенно натянулась, а в горле запершило от ядовитого фиолетового дыма. Мира ворвалась под своды базальтового грота, крепко сжимая в руке кинжал с сапфиром. Трое верных лучников барона Кристиана следовали за ней тенью, держа луки наготове. Грохот битвы, бушевавшей снаружи в огненной низине, здесь превратился в глухой, давящий гул, словно глубоко под землей билось раненое сердце самой скалы.

— Калёб! — крикнула Мира, но её голос бессильно утонул в бесконечных эхо задымленных переходов.

Она двигалась вперед, ориентируясь по тяжелым следам кованых сапог на вековой пыли и каплям свежей темной крови — жрец культа, раненный королем еще у алтаря, оставлял за собой четкий багровый след. Шаг, еще один. Проход резко сузился, а затем оборвался, открывая вид на колоссальный подземный зал.

Мира замерла на каменном уступе, прижавшись спиной к гранитному выступу. Внизу, в самом центре огромной пещеры, бурлило настоящее подземное озеро. Но в нем была не вода — там лениво перекачивалась черная, маслянистая торфяная жижа, та самая, из которой фанатики варили

свои «Слезы болот». Редкие факелы на стенах отбрасывали на черное зеркало озера зловещие золотистые блики.

На узком каменном мосту, перекинутом через это маслянистое болото, кипел смертельный поединок.

Калев вел бой с высшим жрецом культа «Ночных теней». На короле не было тяжелого щита — он отбросил его, чтобы иметь больше маневренности на скользком камне. Его жесткие темные кудри были мокрыми от пота и копоты, а бездонные черные глаза горели тем сокрушительным неистовством Безжалостного короля, перед которым когда-то пала Валория. Тяжелый меч монарха со свистом рассекал воздух, обрушиваясь на врага с невероятной силой.

Жрец в серебряной маске слепого сокола защищался с отчаянием обреченного. В его левой руке был зажат длинный зазубренный тесак, а правая, перевязанная черной тканью, заметно подрагивала. Несмотря на ранение, фанатик был силен и искусен — он прекрасно знал каждый дюйм этого моста и ловко уходил от смертоносных выпадов Калеба.

— Твоя корона утонет в этих болотах, Безжалостный король! — хрипло выкрикнул жрец сквозь прорези маски, блокируя очередной рубящий удар Калеба. Искры от удара стали по стали веером разлетелись над черным озером. — Наш культ бессмертен! Даже если ты убьешь меня, шёпот на юге не смолкнет. Твой сын Эйдан никогда не наденет этот венец! Мы найдем его везде!

Упоминание имени сына вызвало у Калеба новый, безум-

ный прилив ярости. Он издал яростный рык и нанес сокрушительный удар снизу вверх. Тяжелая сталь Цитадели с глухим звоном выбила тесак из рук жреца, и оружие с тихим всплеском исчезло в черной торфяной жиже озера. Жрец пошатнулся, едва удержавшись на ногах на самом краю моста. Его серебряная маска слетела, обнажив бледное лицо старого, иссохшего валорийского дворянина со шрамом через весь глаз.

Калев занес меч для финального, карающего удара.

Но Мира, наблюдавшая за боем с высоты уступа, заметила то, чего ослепленный гневом король увидеть не мог. В тени за колонной, прямо у противоположного конца моста, затаился второй культист. В руках фанатик сжимал тяжелый железный рычаг, вмонтированный в базальтовую стену. Это была древняя ловушка храма, созданная для уничтожения незваных гостей.

Культист с безумной ухмылкой потянул рычаг на себя.

Сверху, со сводов пещеры, со страшным треском начали срываться огромные гранитные валуны, грозя похоронить Калеба под завалами или обрушить сам мост в черную бездну маслянистого озера.

— Калев! Назад! Своды рушатся! — истошно закричала Мира.

Не теряя ни секунды, она резко повернулась к лучникам Кристиана:— Стреляйте в того, кто у рычага! Живее!

Три тетивы синхронно запели в замкнутом пространстве

пещеры. Три окрыленные стрелы со свистом рассекли воздух и одновременно вонзились в грудь культиста, стоявшего у стены. Он захрипел, выпустил рычаг и тяжело рухнул на камни. Но механизм уже был запущен. Огромный кусок скалы с грохотом обрушился на середину каменного моста, прямо между Калэбом и жрецом.

Мост с треском раскололся. Жрец культа, издав дикий крик, не удержал равновесия и сорвался вниз, бесшумно исчезнув в густой, душливой пучине черного маслянистого озера, которая навсегда сомкнулась над его головой.

Калэб успел прыгнуть назад, на уцелевшую часть каменного уступа. Огромная туча каменной пыли и копоты поднялась до самого потолка, скрывая всё вокруг.

Мира, не помня себя от страха за мужа, спрыгнула с уступа и бросилась сквозь пелену пыли туда, где только что стоял король. Её серые глаза лихорадочно сканировали темноту.— Калэб! Калэб, ответь мне!

Из серого облака пыли выросла высокая фигура. Калэб, тяжело дыша, покрытый каменной крошкой и сажей, сделал два быстрых шага к ней. Его тяжелый меч со звоном выпал из пальцев, ударившись о камни. Он в один миг сгреб Миру в свои объятия, с такой неистовой, безумной силой прижимая её к своей груди, словно боялся, что она растает в этом дыму. Его горячие руки крупно дрожали, а жесткие кудри кололи её щеку.

— Ты здесь... О небо, Мира, зачем ты спустилась сюда?

Зачем ты снова рискуешь своей жизнью? — его низкий, бархатный голос сорвался на хриплый шёпот, полный отчаянной нежности и скрытого страха за неё. Он зарылся лицом в её каштановые волосы, шумно вдыхая её запах, который помогал ему вернуться в реальность. — Когда я услышал твой крик над этим озером... я думал, что сойду с ума. Мой гнев чуть не погубил нас. Если бы этот камень...

— Всё хорошо, Калев. Я должна была быть здесь. Твой гнев — твоя сила, но тебе нужен мой разум, чтобы побеждать, — тихо прошептала Мира, крепко обнимая его за широкие плечи и чувствуя, как его бешено бьющееся сердце постепенно успокаивается под шерстяной тканью её платья. — Жрец мертв. Культ обезглавлен. Наш сын Эйдан теперь в полной безопасности. Мы выжгли это гнездо до самого основания.

Калев осторожно отстранил её, бережно взял её лицо в свои горячие ладони и долго, с непередаваемой любовью всматривался в её серые глаза. В глубине его черных зрачков больше не было той пугающей тьмы Безжалостного короля. Там горел чистый, ясный свет мужчины, который обрел абсолютный покой рядом со своей королевой. Он нежно, глубоко поцеловал её в губы, скрепляя этот финал их долгой приграничной войны.

Когда они вышли из пещеры наружу, рассветное солнце уже окончательно прогнало болотный туман. Низина святилища была покрыта пеплом, выжившие фанатики культа сто-

яли на коленях под прицелом арбалетов гвардейцев барона Кристиана. Война на Великих болотах была окончена полной и окончательной победой Цитадели Сокола.

Глава 31

Возвращение соколов и новые рассветы

Триумфальное возвращение королевской армии в столицу навсегда осталось в памяти жителей Цитадели Сокола. Когда первые отряды тяжелой кавалерии показались на горизонте, пробиваясь сквозь рассеивающийся утренний туман, колокола всех городских соборов завели безумный, радостный перезвон. Улицы были буквально затоплены ликующими толпами горожан: люди бросали под копыта боевых коней охапки поздних осенних цветов, славя своего короля-победителя и мудрую приграничную королеву. Война на Великих болотах завершилась полной и безоговорочной победой, а зловещий шёпот культа «Ночных теней» был навсегда похоронен под базальтовыми сводами сгоревшего святилища.

Когда тяжелые кованые ворота замка со стуком распахнулись, Мира едва дождалась, пока её гнедая кобыла остановится на внутреннем дворе.

Навстречу им из парадных дверей дворца, сверкая замшевыми сапожками, уже летел маленький принц Эйдан. Его жесткие темные кудряшки дико топорщились во все стороны от быстрого бега, а в глазах горели слезы облегчения. Фру Марта, едва успевая за маневренным ребенком, семенила следом, прижимая пухлые руки к груди.

— Мама! Папа! — звонкий детский голос эхом отразился

от гранитных стен двора.

Калёб спрыгнул с коня прямо на ходу, отбросив тяжелые латные рукавицы в сторону. Он опустился на одно колено и поймал сына в свои мощные объятия, сжимая его так крепко, словно до сих пор не верил, что опасность миновала. Эй-дан уткнулся носом в его шею, пахнущую походным костром и сталью, а затем протянул руки к Мире, которая уже опустилась рядом.

— Я знал, что вы победите этих болотных чудовищ, — упрямо шмыгнул носом пятилетний принц, утирая слезы со щек. — Смотрите, папа, я не бездельничал! Кристиан уехал с вами, но я каждый день тренировался с деревянным мечом, как ты учил.

Калёб ласково взъерошил непослушные кудри сына, и в его бездонных темных глазах, которые еще вчера горели карающим неистовством в пещерах, разлилось глубокое, ошеломляющее тепло. — Ты вел себя как настоящий наследник престола, Эй-дан. Теперь этот замок — твой безопасный дом. Ни одна тень больше не посмеет переступить его порог.

Вечером того же дня в Цитадели гремел грандиозный пир, но королевская чета предпочла укрыться от шумного празднования в тишине своих покоев Восточной башни. Мира сидела у камина, переодевшись в мягкое кашемировое платье теплого кремового оттенка, которое так любил её муж. На её плече белела чистая льняная повязка, скрывающая заживающий порез жреца. Маленький Эй-дан уже сладко спал в

своей кровати, крепче прежнего сжимая деревянную рукоять меча под подушкой.

Калёб подошел к ней со спины, нежно обняв за плечи и зарывшись лицом в её каштановые волосы, пахнущие сушеной лавандой. От его сильного тела исходило мощное, убаюкивающее тепло.

— Мы наконец-то свободны, Мира, — тихо, своим низким бархатным голосом произнес он. — Прошлое больше не держит нас за горло. Мой набег на твою деревню когда-то принес много боли, но небо распорядилось мудро. Оно подарило мне тебя — мой разум, мою королеву и мою единственную любовь.

— Мы переплавили пепел в золото, Калёб, — улыбнулась Мира, поворачивая к нему лицо и отвечая на его глубокий, страстный поцелуй, который пах миром и покоем. — Наша история окончена победой. Теперь пришло время писать историю нашего сына.

Глава 32

Сталь и воля подрастающего сокола

Прошло еще пять лет, нанизанных на нить мирной жизни, словно драгоценный речной жемчуг. Цитадель Сокола окончательно забыла вкус осадного дыма. Гранитные стены, когда-то шербо­ватые от ударов валорийских катапульта, давно были бережно заделаны, а в закрытом королевском саду пышно разрослись кусты редких белых роз. Но время не стояло на месте — оно неумолимо ковало новое поколение правителей этой суровой и гордой земли.

Принцу Эйдану исполнилось десять лет.

В этом хрупком возрасте, когда мальчик медленно превращается в юношу, в нем удивительным, почти пугающим образом переплелись две совершенно разные природы. Внешне он стал подлинным отражением своего отца: точно такие же жесткие, непослушные смоляные кудри бунтовали на его голове, рассыпаясь по плечам и наотрез отказываясь подчиняться чопорным дворцовым гребням фру Марты. Подбородок принца заострился, обещая стать таким же волевым и упрямым, как у Калеба, а плечи заметно раздались вширь благодаря ежедневным физическим упражнениям.

Но стоило Эйдану поднять голову, как на собеседника устремлялся пронзительный, невероятно ясный взгляд больших серых глаз Миры. И в этих глазах читалась не слепая

ярость воина, а глубокий, пытливый и свободолюбивый приграничный ум, способный подмечать малейшие детали.

Был прохладный, ветреный весенний полдень. На парадном тренировочном дворе Цитадели, устланном мелким белым песком, стоял глухой, мерный звон настоящей стали.

Калев, облаченный в легкий кожаный тренировочный доспех, пахнувший оружейным маслом и воском, медленно расхаживал по кругу. Его кудри, теперь уже заметно подернутые благородной серебряной сединой на висках, колыхались от резких порывов ветра. Бездонные темные глаза короля были устремлены на сына, который стоял напротив, тяжело дыша.

В руках десятилетнего Эйдана был зажат настоящий, хоть и облегченный гвардейский меч с рукоятью из черного дерева. Руки мальчика дрожали от усталости, по виску катился крупный пот, смывая дорожки пыли на бледной щеке, но взгляд серых глаз оставался нестигаемым, яростным и упрямым.

— Слишком высоко держишь локоть, Эйдан, — низким, бархатным голосом произнес Калев, делая ленивый, но молниеносный выпад своим клинком вперед. Сталь со звоном скользнула по гарде оружия принца, заставляя мальчика отступить на два шага назад по песку. — Если противник нанесет рубящий удар снизу, твое запястье просто хрустнет. Сила сокола — в его точности, а не в слепом напоре. Защищайся!

Король нанес новый удар — быстрый, выверенный годами походов. Эйдан, вместо того чтобы принять удар на жесткий

блок, как его учили столичные мастера фехтования, вдруг сделал резкий, совершенно непредсказуемый шаг в сторону, уходя с линии атаки, и изящным финтом попытался достать острием незащищенный бок отца. Это был чисто приграничный, охотничий прием, которому не учили в рыцарских академиях.

Калёб в долю секунды перехватил его клинок своей гардой, заблокировав оружие у самой своей кирасы. На губах монарха появилась редкая, гордая улыбка.— Дерзко, — констатировал он, слегка надавив на сталь и заставляя сына опустить меч. — Но в настоящем бою наемник Бранда поймал бы тебя на противохвате. Кто научил тебя этому финту? Кристиан?

— Мама, — тяжело дыша и утирая пот рукавом сорочки, ответил Эйдан, гордо вскидывая подбородок. В его серых глазах вспыхнул тот самый свободолюбивый огонек, который Калёб когда-то так и не смог сломать на площади Ольховки. — Она рассказывала, как приграничные охотники уходят от броска раненого вепря. Зачем принимать удар на щит и тратить силы, если можно заставить врага провалиться вперед под собственным весом?

Калёб коротко, искренне рассмеялся. Этот смех полностью омолодил его лицо. Он убрал меч в ножны и подошел к сыну, крепкой горячей ладонью прижав его к своему боку и ласково взъерошив его темные кудри.— Твоя мать способна победить целую армию, даже не вынимая меча из ножен,

Эйдан. Её разум — самое опасное оружие этой Цитадели. Я учу тебя убивать врагов, но именно она научит тебя, как сделать так, чтобы эти враги вообще не появились у твоих границ. На сегодня достаточно. Иди умойся, фру Марта уже обыскалась тебя для уроков географии.

Принц послушно кивнул, отдал оружие подошедшему оруженосцу и быстрыми шагами направился к замковым переходам.

Калёб медленно подошел к крытой галерее, где на резном деревянном стуле сидела Мира. На королеве было простое, но элегантное платье из плотного бархата глубокого изумрудного оттенка с аккуратным белым кружевным воротничком. На её коленях покоился очередной пожелтевший свиток — она по-прежнему вела все приграничные архивы короны. За прошедшие годы её красота лишь расцвела, обретя ту величественную, зрелую грацию, перед которой преклонялись все бароны Высшего Совета.

Король сел на край каменного парапета рядом с ней, забирая её прохладные пальцы в свои горячие ладони и бережно прижимая их к губам.

— Он берет верх над моими правилами, Мира, — негромко произнес Калёб, зарываясь носом в её каштановые волосы у виска, пахнувшие сушеной мятой. — Он не хочет быть просто железным рыцарем, каким был я в его годы. Он постоянно спорит. Спрашивает, почему мы должны казнить разбойников на границе, а не дать им землю в Ольховке, чтобы они

перестали грабить от голода. Твои речи, моя королева. Твой вольный, мятежный дух.

— И это прекрасно, Калев, — Мира отложила свиток и нежно провела ладонью по его жестким кудрям, убирая седые пряди с его лба. Её серые глаза светились безграничной любовью. — Королевству больше не нужен Безжалостный король, время войн прошло. Нашему народу нужен справедливый, думающий правитель. Эйдан унаследовал твою колоссальную силу и выносливость, но его разум принадлежит приграничью. Он научится слушать людей.

Их хрупкое, тихое уединение было прервано стремительными, тяжелыми шагами.

На тренировочный двор вышел барон Кристиан. Главнокомандующий гвардии Цитадели выглядел непривычно собранным и строгим, его золоченые наплечники зловеще поблескивали на весеннем солнце, а в руках он сжимал запечатанную сургучом грамоту с гербом далекого северного герцогства Валуа — того самого, откуда пять лет назад с позором был изгнан изменник Лиам.

— Ваше величество, — Кристиан опустился на одно колено перед королевской четой, и его лицо было бледным от важности момента. — С севера прибыли королевские вестники. Старый герцог де Валуа скончался месяц назад. Его род прервался, но его преемники отправили к нам официальное, экстренное посольство с неожиданным дипломатическим предложением. Они просят руки нашего принца Эй-

дана для своей юной наследницы, чтобы навсегда скрепить великий союз севера и Цитадели. И их кареты уже пересекли приграничную черту.

Мира и Калёб одновременно переглянулись. Тени старого прошлого, казалось, снова робко коснулись золота их короны. Повзрослевшему принцу Эйдану предстояло пройти свой первый, самый главный урок настоящей государственной дипломатии.

Глава 33

Северный ветер в тронном зале

Прибытие северного посольства в Цитадель Сокола было обставлено с той изысканной, холодной роскошью, которой всегда славились лорды Валуа. Кареты, обтянутые тяжелым темно-синим бархатом и украшенные серебряными гербами в виде раскинувшего крылья сокола, медленно въехали на внутренний двор замка. Копыта холеных белых коней, пригнанных из бескрайних северных долин, мерно цокали по чисто выметенным гранитным плитам. Столица встречала гостей настороженным молчанием — память об измене графа Лиамы всё еще была жива среди ветеранов гвардии.

Большой тронный зал замер в торжественном ожидании. Вдоль высоких, монументальных колонн выстроилась личная охрана короля Калеба в парадных черных кирасах с золотым шитьем. Через стрельчатые витражные окна пробивались лучи прохладного весеннего солнца, ложась на полированный мраморный пол цветными коврами.

Калев и Мира восседали на своих резных дубовых тронах. На короле был строгий синий камзол, перетянутый широким кожаным поясом, а его жесткие темные кудри с серебряными нитями седины на висках были увенчаны золотым венцом династии. Бездонные темные глаза монарха смотрели на приближающихся послов с ледяным, непроницаемым

спокойствием Безжалостного короля. Мира, одетая в платье из тяжелого изумрудного бархата с изящным приграничным кружевом на рукавах, сидела ровно, положив ладони на резные подлокотники. Её серые глаза сканировали лица гостей с острой, пронизательной внимательностью.

Десятилетний принц Эйдан стоял по левую руку от матери, чуть впереди гвардейцев. На нем был легкий кожаный колет и небольшая серебряная цепь — знак наследника престола. Его смоляные непослушные кудряшки, унаследованные от отца, забавно топорщились, но взгляд серых глаз был не по-детски серьезным и собранным. Он упрямо прижимал ладонь к эфесу своего небольшого тренировочного меча из черного дерева, стоявшего острием в пол.

Тяжелые двери зала распахнулись, и герольд громогласно объявил:— Посольство верховного лорда-протектора северных земель, маркиза де Гаста!

Вперед вышел пожилой, статный дворянин в длинной шелковой мантии, отороченной мехом горностая. Его бледное, испещренное глубокими морщинами лицо выражало глубочайшее почтение, а в светлых глазах не было и следа той надменности, которую когда-то демонстрировал Лиам. Маркиз де Гаст отвесил королевской чете подчеркнуто глубокий, изысканный поклон, коснувшись ладонью пола.

— Ваше величество, великий король Калед. Ваше величество, мудрая королева Мира, — его голос, хрипловатый от старости, но звучный, эхом разнесся под высокими сводами.

— Я прибыл сюда не как посланник врагов, но как вестник нового мира. Старый герцог де Валуа ушел к праотцам, унеся с собой в могилу грехи своего безумного сына Лиама. Северные земли устали от вражды. Наша новая правительница, юная герцогиня Селина, которой едва исполнилось девять лет, желает навсегда закопать топор войны между нашими родами.

Маркиз сделал короткую паузу, и его взгляд мягко переместился на замершего принца Эйдана.— Мы привезли официальный дипломатический пакт. Мы просим руки вашего наследника, принца Эйдана, для нашей юной герцогини. Когда они подрастут, этот брак соединит северные долины и Цитадель Сокола в единое, несокрушимое государство. В знак нашей искренности мы готовы прямо сейчас открыть все торговые пути без пошлин и передать под управление короны три пограничные крепости, которые когда-то оспаривала Валория. Вот наш договор, скрепленный печатями всех северных баронов.

Барон Кристиан шагнул вперед, бережно принял из рук посла тяжелый пергаментный свиток с массивными серебряными печатями и передал его Мире.

Королева медленно развернула пергамент. Её острый приграничный ум лихорадочно анализировал каждую строчку текста. Условия были невероятно, почти сказочно выгодными для Цитадели. Крепости на юге навсегда закрывали вопрос с остатками валорийских наемников, а беспошлин-

ная торговля сулила приграничным ремесленникам Ольховки колоссальные доходы. Кaleb слегка повернул голову к жене, обменявшись с ней быстрым, полным скрытой думы взглядом. Его кудри грозно колыхнулись. Он ждал её слова.

Но прежде чем Мира успела заговорить, вперед неожиданно сделал шаг сам маленький принц Эйдан. Его сапожки негромко звякнули по мрамору, заставив послов удивленно поднять головы.

— Уважаемый маркиз, — ясный, чистый голос десятилетнего мальчика прозвучал удивительно твердо и отчетливо в звенящей тишине тронного зала. — Ваши условия очень щедры, и я вижу, что северные лорды действительно хотят мира с моим отцом. Но... я не могу подписать этот договор.

В зале воцарилась оглушительная, шокированная тишина. Барон Кристиан инстинктивно схватился за эфес меча, а пожилой посол удивленно округлил глаза, переводя взгляд с принца на короля. Кaleb не шелохнулся, лишь в глубине его бездонных темных глаз вспыхнула искра ошеломляющего интереса к поступку сына.

— Почему же, юный принц? — осторожно спросил маркиз де Гаст, наклоняя голову. — Этот союз принесет покой миллионам людей. Неужели вы боитесь старых обид?

— Нет, я ничего не боюсь, — гордо вскинул подбородок Эйдан, и его серые глаза блеснули тем самым неукротимым, вольным приграничным огнем Миры. — Но моя мама часто повторяет мне слова моего дедушки-писаря: «Закон, постро-

енный на неволе, всегда обернется бунтом». Вы хотите обручить меня с девочкой, которую я никогда в жизни не видел. Вы хотите решить её и мою судьбу ради крепостей и золота. Но что, если, когда мы вырастем, она возненавидит меня так же сильно, как граф Лиам ненавидел моего отца? Что, если её сердце будет принадлежать другому? Насильно заключенный брак принесет нашему королевству новую войну, а не мир.

Эйдан повернулся к отцу, и на его детском лице отразилась взрослая, осознанная решимость:— Папа, ты Безжалостный король, но ты завоевал сердце мамы не указами баронов, а своей защитой и любовью. Я хочу быть похожим на тебя. Я предлагаю северу другой договор.

Мальчик снова повернулся к застывшему в изумлении послу.— Пусть ваши кареты вернутся на север с миром. Мы принимаем ваши торговые соглашения и открываем границы. Но пакт о браке мы отложим на семь лет. Когда мне исполнится семнадцать, я лично приеду на север, в ваше родовое гнездо, как рыцарь Цитадели. Я познакомлюсь с герцогиней Селиной. И если наши сердца выберут друг друга без принуждения лордов — мы сыграем свадьбу, которая действительно будет крепче любой гранитной стены. А до тех пор — пусть наши мечи защищают друг друга как верные союзники.

По залу пронесся тихий, восхищенный гул придворных. Барон Кристиан с трудом сдержал победную улыбку, а фру

Марта в глубине зала тихо вытерла слезу платком.

Калёб медленно поднялся со своего трона. Шаг за шагом он спустился по каменным ступеням помоста, подошел к сыну и своей большой, горячей ладонью крепко, с непередаваемой отцовской гордостью обнял его за плечи, прижимая к своему боку. Его жесткие кудри колыхнулись, когда он поднял взгляд на послов.

— Вы слышали моего наследника, маркиз, — низким, бархатным голосом, в котором звенела непреклонная воля монарха, произнес Калёб. — Слово принца Эйдана — это слово короны Цитадели Сокола. Мы подпишем торговый и военный пакт на его условиях. Насильного брака не будет. Наша династия строится на свободе и силе равных душ. Готовьте пергаменты.

Маркиз де Гаст долго смотрел на десятилетнего мальчика с глубоким, искренним благоговением. На его старых губах появилась теплая улыбка. — Ваш сын удивителен, ваше величество, — произнес старик, снова низко кланяясь. — В нем живет сила Безжалостного короля и великая мудрость приграничья. С таким правителем это королевство будет вечным. Мы с честью принимаем условия принца Эйдана.

Мира смотрела на мужа и сына с высоты своего трона, и её серые глаза лучились абсолютным, чистым счастьем. Пепел их прошлого окончательно переплавился в великое, несокрушимое золото будущего, увенчанное мудростью их подрастающего сокола.

Глава 34

Тени вековых ракит

Дипломатический триумф принца Эйдана праздновали в Цитадели Сокола целую неделю. Столица была затоплена огнями фейерверков, песнями менестрелей и ароматом хмельного эля. На парадном замковом плацу гремел грандиозный рыцарский турнир в честь заключения великого союза с северными землями. Лучшие воины со всего континента скрещивали копья, а барон Кристиан под бурные овации толпы лично вручил десятилетнему принцу почетную золотую шпору — знак признания его недетской мудрости и зрелости.

Но когда праздничные костры на городских площадях начали медленно угасать, уступая место прохладной, тихой весенней ночи, королевская чета снова ускользнула от шумного двора.

Мира и Калев шли рука об руку по знакомой, скрытой за тяжелым гобеленом винтовой лестнице, вырубленной прямо в толще гранитной скалы. Калитка тихо, беззвучно отворилась, и они оказались в своем излюбленном месте — закрытом королевском саду.

Ночной туман, прилетевший с приграничных равнин, белыми призрачными волнами лениво сползал со стен Цитадели, окутывая кусты пышно расцветших белых роз. Небо

над замком было абсолютно чистым, глубоким и усыпанным миллиардами ярких звезд, среди которых безмолвно сиял полный серебряный диск луны, заливая всё вокруг призрачным, волшебным светом. Здесь, в этом уединенном мире, пахло мокрой хвоей, увядающей лавандой и спелой весной.

Мира подошла к каменному парапету, зябко кутаясь в теплый кашемировый плащ кремового оттенка. Её каштановые волосы, свободные от королевских шпилек и тяжелых венцов, мягкими волнами рассыпались по плечам. За прошедшие годы она превратилась в по-настоящему великую королеву, но здесь, под луной, её лицо разгладилось, вернув себе ту самую чистую, гордую и дикую девичью красоту, которую Калев когда-то полюбил на площади горящей Ольховки.

Калев подошел к ней со спины, крепко и надежно обняв её за талию и прижав к своему сильному телу. От него, как и прежде, исходило мощное, убаюкивающее тепло, способное защитить от любых штормов этого мира. Его жесткие темные кудри, теперь уже обильно и красиво подернутые благородной серебряной сединой на висках, слегка колыхались от легкого ночного ветра.

— Ты видела, как он держался перед послами, Мира? — тихо, своим низким бархатным коснулся её уха король. В его голосе больше не было и капли суровости Безжалостного монарха — осталась лишь безграничная отцовская гордость. — Десять лет... А он мыслит как зрелый стратег, способный

одной речью предотвратить войну, которую я бы заканчивал мечом. Твой разум, моя королева. Твой мятежный, вольный дух приграничья победил мою железную столичную доктрину.

Мира повернулась в его объятиях лицом к нему, заглядывая в его бездонные темные глаза, в которых сейчас, словно в чистых каплях воды, отражался звездный свет. Она нежно протянула ладонь и провела пальцами по его кудрям, убирая непослушные пряди со лба.— Он взял лучшее от нас обоих, Кaleb. Твою колоссальную физическую силу, твою негибкую волю и верность слову, но соединил это с приграничной свободой. Наш долг перед этой землей выполнен. Мы не просто выжили в том пепелище. Мы построили дом, в котором нашему сыну больше никогда не придется надевать рабские кандалы или прятаться от убийц.

— Я люблю тебя, Мира, — прошептал Кaleb, и его руки задрожали от нахлынувшего, обнаженного и глубокого чувства, которое с годами становилось лишь сильнее. — С самого первого дня, когда ты посмотрела на меня с презрением у того колодца, ты была моей единственной короной. Без тебя эта Цитадель осталась бы лишь холодной гранитной могилой. Ты спасла мою душу.

— И я люблю тебя, мой кудрявый король, — нежно улыбнулась Мира, приподнимаясь на цыпочки.

Кaleb медленно наклонился и накрыл её губы долгим, глубоким и невероятно страстным поцелуем, в который вло-

жил всю свою жизнь, прошедшую сквозь огонь, ревность, интриги и войны. Это был поцелуй абсолютного, вечного покоя и триумфа их великого чувства.

Где-то далеко внизу, за высокими стенами сада, продолжала ликовать свободная столица, колокола звенели, празднуя новую эпоху. Но здесь, под безмолвным серебряным сиянием луны, в угодьях вечного тумана и цветущих роз, время словно остановилось. История, начавшаяся со страшного набега, рабства и горького пепла, окончательно завершилась величайшим, нерушимым триумфом любви, способной исцелять сердца, ломать сословные преграды и ковать счастливое будущее для целых поколений. Их сокол взлетел высоко в небо, и его крылья больше никто не мог сломать.

Глава 35

Когда расправляет крылья молодой сокол

Семь лет, обещанных северным послам в Большом тронном зале, пролетели для Цитадели Сокола подобно стремительному взмаху крыльев степной птицы. Эти годы закрепили за королевством статус самой могущественной и процветающей державы на континенте. Старая Ольховка, когда-то поднятая Мирой из руин и пепла, превратилась в цветущий приграничный город с мощеными улицами, богатыми ярмарками и каменными школами, где дети учились грамоте по тем самым книгам, которые когда-то переписывал отец королевы.

Но главным изменением, за которым с замиранием сердца следил весь двор, стало окончательное взросление наследника престола.

Принцу Эйдану исполнилось семнадцать лет.

В день своего совершеннолетия он стоял на тренировочном плацу замка, и в его облике уже невозможно было разглядеть того хрупкого мальчика, который когда-то прятался под дубовым столом от валорийских убийц. Эйдан превратился в статного, высокого юношу, чья фигура налилась силой и литой мускулатурой воина. Он унаследовал породу своего отца почти безупречно: точно такие же жесткие, непослушные смоляные кудри бунтовали на его голове, рассыпа-

ясь по крепким плечам и наотрез отказываясь подчиняться чопорным придворным правилам. В его осанке сквозила та леденящая кровь, врожденная уверенность правителя, которая когда-то заставляла врагов трепетать перед Калебом.

Но стоило Эйдану поднять голову, как из-под темных бровей на мир устремлялся пронзительный, невероятно ясный взгляд больших серых глаз его матери. И в этих глазах горел тот самый вольный, пытливый и неsgiбаемый приграничный ум, способный просчитывать ходы противников на много шагов вперед. Он виртуозно владел тяжелым боевым мечом, но его главным оружием оставалось слово и умение слушать свой народ.

Был прохладный, ветреный апрельский рассвет. Воздух над Цитаделью был прозрачным, пахнувшим весенней свежестью, талым снегом и оружейным маслом. Во внутреннем дворе замка, залитом бледными лучами восходящего солнца, в полном молчании строился отряд из пятидесяти лучших королевских гвардейцев. Копыта холеных боевых коней мерно выбивали искры из гранитных плит, а на сине-золотых знаменах гордо поблескивал герб — сокол, держащий ветвь орешника.

Эйдан стоял у своего вороного жеребца, проверяя подпругу седла. На принце был походный кожаный доспех с серебряным тиснением, а на поясе покоился его верный меч с рукоятью из черного дерева. Срок дипломатического пакта истек. Сегодня молодой сокол должен был покинуть родное

гнездо и отправиться в свой первый самостоятельный поход на далекий север — в герцогство Валуа, чтобы выполнить клятву и лично встретиться со своей нареченной невестой, герцогиней Селиной.

Калев и Мира спустились по парадной лестнице дворца, чтобы проводить сына.

Время было милосердно к королю: его жесткие кудри теперь были полностью подернуты благородной серебряной сединой, сделавшей его лицо еще более суровым и породистым, но в бездонных темных глазах по-прежнему горел огонь непреклонной воли. Он шел, крепко держа за руку Миру. Королева, одетая в дорожный плащ глубокого винного оттенка, выглядела величественно и спокойно, хотя в глубине её серых глаз таилась легкая, чисто материнская грусть расставания.

Калев остановился перед сыном, скрестив руки на нагруднике. Он долго, внимательно всматривался в лицо Эйдана, оценивая его походную готовность, а затем положил свои большие, горячие ладони ему на плечи.

— Ты уезжаешь как принц, но вернуться должен как зрелый мужчина, способный отвечать за судьбу двух государств, Эйдан, — низким, бархатным голосом произнес Калев, и его кудри слегка колыхнулись от порыва ветра. — Лорды севера хитры и расчетливы. Они будут проверять твою силу, пробоовать твой клинок на прочность и искать слабости в твоём характере. Не поддавайся на их провокации, но помни: если

они хотя бы словом оскорбят достоинство нашей династии... право меча всегда остается за тобой. Защищай свою честь так, как я защищал эту Цитадель.

— Я помню твои уроки, папа, — твердо ответил Эйдан, встречая темный взор отца с абсолютным, равным почтением. — Мой меч не покинет ножен без крайней необходимости, но если он выйдет — враги пожалеют, что нарушили мир.

Мира зябко поправила капюшон плаща, сделала шаг вперед и нежно обняла сына, утыкаясь носом в его жесткие темные кудри. Она вложила в его ладонь небольшой предмет, обернутый в мягкий бархат. Это был тот самый изящный кинжал с сапфиром, который когда-то подарил ей Калев в кабинете, и которым она спасла их жизни в ночь штурма.

— Твой отец научил тебя, как побеждать в битвах, Эйдан, — тихо, со звенящей нежностью произнесла Мира, всматриваясь в серые глаза сына, бывшие точной копией её собственных. — Но я прошу тебя: слушай свое сердце. Герцогиня Селина росла в уединении северных замков, окруженная интригами советников. Она может быть напугана твоим визитом или ожесточена старыми историями о Безжалостном короле. Будь её разумом и её защитой. Не ищи легких побед. Завоюй её доверие так, как твой отец когда-то завоевал моё — через преданность и уважение к её свободе. Этот кинжал защитит тебя, но пусть твоя мудрость будет твоим главным щитом.

Эйдан бережно спрятал бархатный сверток на пояс и почитительно поцеловал ладонь матери.— Я вернусь с миром, мама. И я привезу тебе королеву, которая будет достойна стоять рядом со мной под этими знаменами.

Принц легко, одним слитным движением взлетел в седло своего вороного жеребца. Он поднял руку, отдавая приказ отряду:— К выезду! На север!

Барон Кристиан, шедший во главе гвардейцев конвоя, ударил кулаком по нагруднику, и отряд медленно двинулся через арку главных ворот. Колокола Цитадели Сокола завели ровный, прощальный перезвон, провожая молодого наследника в его первое взрослое путешествие.

Мира прижалась щекой к плечу Калеба, провожая взглядом удаляющийся силуэт сына, пока его смоляные кудри окончательно не скрылись за поворотом приграничной дороги. Король крепко обнял её за талию, согревая своим мощным теплом. Они сделали всё, что могли. Молодой сокол расправил крылья и улетел навстречу своей собственной судьбе, которая ждала его среди холодных ветров и древних замков далекого севера.

Глава 36

Холодный прием под северным небом

Север встретил отряд молодого принца пронзительным, колючим ветром, который беспрепятственно гулял по бескрайним каменистым долинам и покрытым вечным снегом горным перевалам. Чем дальше на север продвигались гвардейцы Цитадели Сокола, тем суровее становился пейзаж вокруг. Вековые приграничные дубравы сменились редкими, заиндевевшими лиственницами и высокими серыми скалами, которые высились вдоль дороги, словно молчаливые стражи древних тайн.

Дорога до родового гнезда династии де Валуа заняла долгих десять дней. К исходу последнего дня пути, когда бледное северное солнце лениво покатилося за горизонт, окрашивая небо в цвет холодного старого серебра, на вершине Черного утеса выросли массивные очертания замка Валуа.

Этот замок разительно отличался от Цитадели Сокола. Он не вырастал из скалы монументальным монолитом, а казался кружевным, но пугающе холодным строением из белого гранита с множеством высоких, тонких шпилей, уходящих в хмурое небо. От этих стен веяло чопорностью, древними сословными традициями и тем самым уединением, о котором когда-то предупреждала Мира. На главных воротах, вместо летящего сокола, зловеще поблескивал вырезанный из кам-

ня белый лебедь со сложенными крыльями — герб северных герцогов.

Тяжелые кованые ворота замка отворились медленно и неохотно, со скрипом разрезая морозную тишину. Когда отряд Эйдана въехал на внутренний двор, юноша не услышал ликующих криков или приветственных колоколов, как это было в Цитадели. Лорды и слуги севера, одетые в тяжелые темные мантии, отороченные густым мехом, выстроились вдоль стен в полном, гнетущем молчании. Они провожали молодого принца настороженными, изучающими, а порой и откровенно враждебными взглядами. Память о Безжалостном короле Калебе и позорном изгнании графа Лиама всё еще жила в этих холодных залах.

Эйдан уверенно осадил своего вороного жеребца прямо перед парадной лестницей дворца. Он легко, одним слитным движением спрыгнул на каменные плиты, покрытые легкой изморозью. Его жесткие смоляные кудри дико растрепались на ветру, но в серых глазах не было ни капли страха или смущения. Он выпрямился во весь свой немалый рост, и в его осанке проступила та самая королевская порода, перед которой пасовали столичные бароны.

— Рады приветствовать наследника Цитадели Сокола под нашим небом, — раздался сухой, скрипучий голос.

По ступеням спустился тот самый маркиз де Гаст — пожилой посол, который семь лет назад привозил дипломатический пакт. За эти годы он сильно сдал, его лицо покрылось

еще более глубокими морщинами, а шаги стали неуверенными, но взгляд оставался умным и понимающим. Маркиз отвесил Эйдану глубокий, изысканный поклон.— Семь лет прошли, принц Эйдан. Ты сдержал свое слово рыцаря. Наша герцогиня ждет тебя в Белой галерее.

Эйдан почтительно кивнул старому дипломату, поправил рукоять меча на поясе и стремительным, чеканящим шагом направился вслед за ним внутрь замка. Барон Кристиан [1] и гвардейцы конвоя остались во дворе под бдительным прицелом северных арбалетчиков.

Белая галерея замка Валуа поражала своей холодной роскошью. Огромные стрельчатые окна выходили на замерзшее горное озеро, а стены были выложены из полированного белого мрамора, в котором отражались редкие факелы. В самом конце зала, у высокого камина, в котором едва теплились березовые дрова, неподвижно стояла женская фигура.

Герцогине Селине исполнилось шестнадцать лет.

Когда Эйдан приблизился и остановился в трех положенных по этикету шагах, у него на секунду перехватило дыхание. Селина была невероятно, утонченно красива, но её красота напоминала прекрасный цветок, застывший в куске прозрачного льда. Её длинные, прямые волосы цвета спелой пшеницы мягкими волнами падали на плечи, а платье из тяжелой парчи серебристо-голубого оттенка подчеркивало её хрупкую, грациозную фигуру.

Но самыми поразительными на её бледном, аристократи-

ческом лице были глаза. Пронзительно-голубые, как весеннее северное небо, они смотрели на молодого принца с такой ледящей, неприступной гордостью и скрытой ожесточенностью, что Эйдан мгновенно вспомнил слова своей матери. Селина не была напугана — она была готова к войне. К войне за собственную свободу против сына Безжалостного короля.

Селина медленно, с королевским изяществом склонила голову, но её подбородок остался высоко поднятым. — Приветствую вас в замке Валуа, принц Эйдан, — её голос прозвучал чисто, но холодно, словно звон хрустального бокала на морозе. — Семь лет назад вы отказались от нашей руки, посчитав, что северные лорды хотят навязать вам неволю. Теперь вы приехали сюда. Зачем? Чтобы забрать свои крепости и золото, которые причитаются вам по пакту, или чтобы посмотреть на ту, которую ваш отец когда-то лишил права выбора?

Эйдан внимательно всматривался в её прекрасное, но застывшее лицо. В его серых глазах вспыхнул тот самый глубокий, пытливый приграничный ум. Он понял, что малейшая ошибка, высокомерное слово или демонстрация силы престола навсегда закроют для него сердце этой гордой девушки.

Он медленно опустил руку с эфеса меча, сделал один спокойный шаг вперед, сокращая расстояние, и на глазах у изумленных северных советников, застывших у стен, изящно опустился на одно колено прямо перед Селиной. Он взял

её прохладные, тонкие пальцы в свою горячую ладонь, чувствуя, как девушка едва заметно вздрогнула от этого неожиданного тепла.

— Я приехал сюда не за золотом и не за крепостями, герцогиня Селина, — негромко, но с непередаваемой, искренней и глубокой нежностью произнес Эйдан, глядя ей прямо в глаза. — Семь лет назад я отказался от брака, потому что не хотел, чтобы вы стали вещью в руках министров. Я хотел, чтобы вы выросли свободной. И сегодня я приехал сюда не как завоеватель или принц Цитадели. Я приехал как рыцарь, который хочет просить у вас лишь об одном: дать мне шанс защитить вашу свободу и завоевать ваше доверие. Я хочу узнать вас, Селина. Без пактов, без указов и без тени прошлого между нашими отцами.

Селина молча смотрела на склонившегося перед ней кудрявого юношу с серыми глазами. В глубине её ледяных голубых глаз впервые за всё это время промелькнуло сильное, ошеломляющее удивление, а на бледных щеках проступил едва заметный, робкий румянец. Лед северного замка дал свою первую, едва заметную, но глубокую трещину.

Глава 37

Сталь и кружево замерзшего озера

Первые дни в замке Валуа тянулись для Эйдана подобно вязкому северному киселю. Официальные обеды в Большой трапезной были пропитаны леденящей вежливостью. Старые лорды севера внимательно следили за каждым движением молодого принца, ловя его слова и пытаясь отыскать в манерах юноши признаки «приграничной дикости» или высокомерия, которым так славился его отец Калёб в свои молодые годы. Но Эйдан держался безупречно. Воспитанный мудростью Миры, он сочетал в себе несокрушимую внутреннюю силу с мягким тактом.

Герцогиня Селина оставалась неприступной. На людях она носила маску благородного безразличия, но Эйдан замечал, как её пронзительно-голубые глаза то и дело останавливались на его смоляных кудрях, когда юноша этого не видел.

На исходе четвертого дня Селина неожиданно сама предложила принцу совершить конную прогулку к подножию Черного утеса, где раскинулось огромное Серебряное озеро. Местные поговаривали, что весной лед на нем становится прозрачным, словно хрусталь в королевской казне, а прибрежные скалы укрыты редкими горными подснежниками.

Они выехали за ворота замка вдвоем, оставив барона Кристиана и северных гвардейцев на почтительном расстоянии

позади.

Эйдан уверенно правил своим вороным жеребцом, а Селина шла рядом на изящной белой кобыле северной породы. На герцогине было тяжелое дорожное платье из синего сукна и теплая накидка, отороченная мехом белой лисы. Морозный воздух щипал щеки, окрашивая бледную кожу девушки в робкий, нежный румянец.

— Вы удивили меня в тронном зале, принц, — негромко произнесла Селина, нарушая тишину. Её чистый голос звенящей струной разнесся над заснеженной долиной. — Мои советники годами твердили, что Безжалостный король пришлет за мной армию, как только кончится срок пакта. Они пугали меня рассказами о том, как ваш отец сжигал приграничные деревни ради забавы. Я ждала тирана. А увидела... вас.

Эйдан слегка придержал поводья своего коня, заставляя его идти вровень с кобылой девушки. Его серые глаза посмотрели на неё с глубокой, искренней серьезностью. — Мой отец не был тираном, Селина. Он был воином, защищавшим свою страну в страшное, смутное время. Но его сердце изменилось, когда он встретил мою маму. Она была простой приграничной девушкой, рабыней, чью деревню он конфисковал. Но её разум и её гордость заставили его понять, что миром нельзя править одной лишь сталью. Я вырос в любви и свободе, Селина. И я хочу, чтобы вы знали: я никогда не заставлю вас делать то, чего не желает ваша душа.

Селина медленно повернула к нему лицо. В глубине её голубых глаз ледяная стена отчуждения дала новую, глубокую трещину. На её губах впервые за всё время появилась робкая, едва заметная, но удивительно прекрасная улыбка.— Вы совсем не похожи на тех лордов, что окружают меня здесь, Эйдан. Они видят во мне только земли, гербы и налоги. А вы...

Она не успела договорить.

Из густых, заиндевевших зарослей можжевельника на скалистом берегу озера с диким, голодным рыком выскочили три огромные тени. Горные северные волки. Эти звери были вдвое крупнее обычных лесных хищников, их шерсть была грязно-белой, а глаза горели безумным, первобытным голодом. Белая кобыла Селины, испуганно всхрапнув, взвилась на дыбы, сбрасывая девушку на скользкий прибрежный лед. Селина больно ударилась, её меховая накидка отлетела в сторону, а один из волков уже пружинил лапы для смертельного прыжка, целясь ей прямо в шею.

Времени на раздумья, крики или панику не оставалось. В жилах Эйдана в эту секунду закипела горячая, каленая кровь Безжалостного короля.

Он спрыгнул со своего вороного жеребца прямо на ходу, сгруппировался при падении на лед и в долю секунды выхватил свой облегченный гвардейский меч из черного дерева. Одним мощным, выверенным движением, которому его годами учил отец, он со свистом рассек морозный воздух,

разрубая первого волка от плеча до груди. Багровая кровь хищника брызнула на девственно белый снег.

Второй волк прыгнул на юношу с фланга, вцепившись зубами в кожаный наплечник доспеха. Эйдан поморщился от острой боли, но упрямо устоял на ногах. Он с силой ударил зверя рукоятью меча по морде, заставляя отпустить кожу, и следующим точным колющим ударом пронзил его сердце.

Оставался третий — самый крупный, вожак стаи. Сверкая огромными клыками, он обошел Эйдана и бросился прямо на лежащую, ошеломленную Селину. Меч принца застрял в теле второго волка, и выхватить его юноша не успевал.

Тогда Эйдан вспомнил про тайный подарок своей матери, который по-прежнему покоился на его поясе. Свободной левой рукой он сорвал бархатную ткань, обнажая изящный клинок с крупным сапфиром. Юноша совершил тот самый резкий, непредсказуемый приграничный выпад в сторону — финт, которому его учила Мира по охотничьим хроникам.

Волк пролетел мимо, промахнувшись под собственным весом, и в этот самый миг Эйдан снизу вверх, точно под подбородок, вогнал тонкое стальное лезвие кинжала ему в горло.

Зверь тяжело рухнул на прозрачный лед Серебряного озера, окрашивая хрустальную поверхность багровыми потоками. Всё было кончено за считанные секунды. В воздухе пахло свежей кровью, озоном и морозным паром от тяжелого дыхания принца.

Эйдан тяжело дышал, его смоляные кудри в беспорядке рассыпались по плечам. Он брезгливо выдернул кинжал с сапфиром из шеи вожака, аккуратно вытер лезвие о чистый снег и поспешно бросился к Селине. Он упал перед ней на колени прямо на лед, его большие, горячие руки бережно, с величайшей нежностью приподняли девушку за плечи. Его серые глаза сканировали её фигуру в поисках ран, а в голосе звенела неподдельная, острая тревога.

— Селина! Ты цела? Отвечай мне, умоляю! Они не успели задеть тебя?

Девушка, тяжело дыша от пережитого шока, смотрела на него своими огромными голубыми глазами, в которых теперь не осталось ни капли прежнего льда. В них отражался только этот кудрявый, сильный юноша, который только что без тени сомнения закрыл её собой от смерти. Она медленно протянула свои тонкие пальцы и коснулась его раненого плеча, где на кожаном доспехе проступала кровь.

— Ты ранен, Эйдан... Ради меня... — прошептала она, и её голос сорвался на прерывистый выдох. Горячая слеза покатилась по её бледной щеке. — Ни один мужчина в этом замке никогда не рисковал ради меня своей жизнью. Они все только говорили о преданности. А ты... ты настоящий сокол.

Эйдан нежно улыбнулся, накрыв её ладонь своей горячей рукой. Тепло его тела мгновенно передалось Селине, заставляя её сердце забиться в совершенно новом, безумном и сладостном ритме. Старое прошлое их отцов больше не стоя-

ло между ними. На замерзшем озере далекого севера, среди крови врагов и талого снега, зарождалось их собственное, великое и всепобеждающее чувство, от которого уже невозможно было сбежать.

Глава 38

Противостояние у белого трона

Возвращение молодой герцогини и раненого принца под своды замка Валуа разорвало привычную чопорную тишину крепости. Известие о том, что Эйдан в одиночку, скрепив клинки с тремя свирепыми горными волками, спас Селину от неминуемой гибели, мгновенно разлетелось по галереям. Барон Кристиан, бледный от ярости на самого себя за то, что отстал, немедленно выставил личную гвардию Цитадели у дверей покоев принца, готовый пресечь любую провокацию северян.

В малой королевской оповальне пахло сушеной ромашкой, мятой и чистым льняным полотном. Эйдан сидел на деревянной скамье, сбросив разорванный кожаный доспех и оставшись в одной тонкой белой сорочке. На его плече зияли глубокие следы от волчьих клыков.

Селина лично, наотрез отказавшись от помощи служанок, бережно обмывала его рану теплой водой из серебряного таза. Её тонкие пальцы едва заметно дрожали, а пронзительно-голубые глаза были полны тихой, сосредоточенной нежности.— Тебе должно быть больно, Эйдан, — тихо, почти шёпотом произнесла она, прикладывая к его ране целебную мазь из приграничных трав, которую юноша привез с собой. — Мои волки безжалостны.

— Это пустяки, Селина, — Эйдан мягко улыбнулся, и его жесткие смоляные кудри слегка колыхнулись, когда он повернул голову к ней. — Настоящая боль — это видеть, как ты испугалась на том льду. Твои пальцы всё еще холодные.

Селина замерла, её взгляд встретился с его пронизательными серыми глазами. В этот интимный, хрупкий миг между ними больше не было условностей и этикета. Но их уединение было грубо прервано.

Тяжелая дубовая дверь распахнулась, и в покои быстрыми шагами вошел маркиз де Гаст. Его старое лицо было землисто-серым, а руки нервно комкали подол длинной мантии. — Герцогиня, вам нужно немедленно пройти в Зал Совета, — тяжело дыша, произнес старик. — Бароны северных земель созвали экстренное собрание. Граф Родерик, дальний родственник изгнанного Лиама, открыто обвиняет принца Эйдана в заговоре. Они кричат, что нападение волков было инсценировкой, хитрым приграничным трюком, чтобы запугать вас, заставить подчиниться и силой привязать к Цитадели! Они требуют немедленно арестовать конвой принца и выслать юношу обратно под конвоем.

Лицо Селины мгновенно изменилось. Вся её девичья мягкость испарилась в долю секунды, уступая место леденящей, родовой гордости северных герцогов де Валуа. Её голубые глаза вспыхнули праведным, неукротимым гневом. — Инсценировкой? — её голос прозвучал как удар хрустального кубка о гранит. — Эйдан пролил свою кровь на льду, защи-

щая мою жизнь, пока Родерик и его приспешники грели свои трусливые спины у замковых каминов!

Она резко повернулась к Эйдану, который уже спокойно застегивал сорочку, ни на секунду не потеряв самообладания. В его серых глазах читался острый, аналитический ум его матери Миры — он просчитывал этот ход Совета еще до того, как они открыли рты.— Я пойду с тобой, Селина, — твердо произнес Эйдан, беря со скамьи свой меч. — Пришло время показать вашему Совету, что соколы прилетают с миром, но их когти по-прежнему остры.

Зал Совета замка Валуа бурлил, как растревоженное осиное гнездо. Больше тридцати высокородных лордов севера в тяжелых меховых мантиях яростно кричали, размахивая руками. В самом центре зала, у пустого белого трона, стоял граф Родерик — рослый, пахнувший вином дворянин с хищным лицом.

— Это обман! Приграничное отребье привезло к нам свои дикие методы! — громогласно орал Родерик, потрясая кулаком. — Сын Безжалостного короля хочет забрать наш север хитростью! Нападение волков...

— Замолчите, Родерик! — этот чистый, звонкий и властный девичий голос мгновенно заставил зал захлебнуться собственным криком.

Селина вошла стремительным, царственным шагом, и шлейф её синего платья шуршал по мрамору. Следом за ней, чеканя шаг, шел Эйдан. Его смоляные кудри были в беспо-

рядке, раненое плечо туго перевязано, но взгляд оставался непоколебимым. Барон Кристиан и десяток гвардейцев Цитадели застыли у дверей, положив ладони на эфесы мечей.

Герцогиня прошла через весь зал и уверенно села на свой белый трон. Она обвела притихших баронов ледяным взглядом. — Я выслушала ваши трусливые шепотки через маркиза де Гаста, — тихо, но так отчетливо, что стены зала зазвенели, произнесла шестнадцатилетняя правительница. — Вы обвиняете принца Эйдана в обмане? Вы, кто три года не может очистить наши собственные охотничьи угодья от хищников и разбойников? Граф Родерик, когда вожак стаи заносил клыки над моей шеей, где были ваши верные мечи? Где были ваши полки, за которые вы требуете налоги из моей казны?

Родерик бледнел и краснел пятнами, пытаясь перебить её. — Но герцогиня, законы севера... Мы защищаем вашу честь от приграничных завоевателей...

— Принц Эйдан защитил мою честь и мою жизнь своей собственной кровью! — Селина резко поднялась с трона, и её хрупкая фигура сейчас казалась монолитом. — Семь лет назад Цитадель Сокола предложила нам мир и свободу выбора. И сегодня я, герцогиня Селина де Валуа, пользуясь своим законным правом правящей крови, объявляю: дипломатический пакт о браке между нашими домами признается действительным! Насилия нет. Моё сердце и мой разум делают этот выбор добровольно. Принц Эйдан — мой законный нареченный и будущий правитель северных земель!

По залу пронесся шокированный, оглушительный вздох. Старые лорды переглядывались, понимая, что молодая герцогиня полностью вышла из-под их опеки. Она обрела свой собственный голос.

Эйдан сделал шаг вперед, вставая рядом с её троном. Он медленно выхватил свой гвардейский меч из ножен и с глухим стуком опустил его острием в мраморный пол перед Советом, повторяя знаменитый жест своего отца Калеба. Его серые глаза горели непреклонной волей.— Моё королевство принесло вам мир, беспошлинную торговлю и защиту, лорды севера, — негромко, но с пугающей силой произнес принц.— Мы подтверждаем наш союз. Но если кто-то из вас еще раз посмеет усомниться в чести моей невесты или соткать интригу против моей семьи... право меча Цитадели Сокола будет осуществлено незамедлительно. И поверьте, у меня хватит сил, чтобы заставить каждого из вас уважать закон нашей короны.

Родерик трусливо опустил глаза, не выдержав его взора. Бароны один за другим начали склонять головы перед троном, признавая поражение своей интриги. Селина посмотрела на Эйдана, и в её голубых глазах отразилась безграничная гордость. Ловушка Совета была разрушена, их союз скреплен сталью и волей, а впереди их ждала финальная дорога домой, в Цитадель Сокола, где молодую северную королеву уже ждали Мира и Кaleb.

Глава 39

Слияние сокола и лебедя

Путь обратно на юг, к родным гранитным стенам Цитадели Сокола, казался влюбленным стремительным и легким. Весна на континенте окончательно вступила в свои законные права: каменистые северные топи отступили, уступая место бескрайним изумрудным лугам приграничья. Старая Ольховка встретила королевский кортеж залиvistым звоном колоколов и морем белых цветов, которые жители бросали под копыта коней. Молодой принц Эйдан возвращался домой не просто как наследник, а как зрелый, сильный триумфатор, сумевший завоевать самое неприступное сердце севера.

Селина ехала рядом с ним на своей белой кобыле. На ней больше не было той маски холода и высокомерия; её пронзительно-голубые глаза с восхищением и нежностью впитывали в себя просторы теплого, цветущего юга. Её рука в тонкой перчатке то и дело робко касалась пальцев Эйдана.

Когда тяжелые кованые ворота Цитадели со стоном распахнулись, внутренний двор замка взорвался ликующими криками гвардейцев. Калёб и Мира уже спускались по парадной мраморной лестнице дворца.

Время покрыло жесткие темные кудри короля благородным серебром седины, сделав его облик еще более монументальным и величественным, но в его бездонных темных гла-

зах по-прежнему горел огонь непреклонной воли. Мира, одетая в парадное платье из тяжелого кашемира винного оттенка, сияла той зрелой, вечной приграничной красотой, перед которой преклонялось всё королевство. Она крепко держала мужа за руку.

Эйдан легко спрыгнул с седла, подошел к кобыле Селины и бережно принял девушку на руки, помогая ей спуститься на плиты двора. Юноша уверенно повел свою невесту к родителям. Его смоляные непослушные кудри растрепались на ветру, а в ясных серых глазах горела безграничная гордость.

— Мама, папа, — твердо, во всеуслышание произнес семнадцатилетний принц, и в его низком бархатном голосе эхом отозвалась порода отца. — Я выполнил клятву рыцаря и вернулся с миром. Я привез вам Селину из рода де Валуа — мою законную нареченную невесту и будущую королеву нашей объединенной земли. Её сердце сделало этот выбор свободно.

Селина выступила вперед и изящно, с безупречной аристократической грацией склонила голову перед правителями, но её взгляд остался прямым и честным. — Для меня огромная честь стоять здесь, — тихо, но отчетливо произнесла она. — Ваша династия принесла нашему северу свободу. И я сочту за величайшее благо разделить судьбу с вашим сыном, который спас мою жизнь своей собственной кровью.

Мира сделала шаг навстречу, её серые глаза наполнились теплыми слезами счастья. Она нежно обняла молодую герцо-

гиню, укутывая её своим теплом, а затем перевела взгляд на сына. На поясе Эйдана по-прежнему гордо поблескивал тот самый фамильный кинжал с крупным сапфиром. Мудрость матери и сила отца нашли свое идеальное продолжение.

Кaleb подошел к Эйдану и своей большой, обжигающе горячей ладонью крепко сжал его плечо, прижимая сына к своему нагруднику. В его черных глазах блеснуло ошеломляющее, глубокое облегчение. Старое прошлое, полное пепла, кандалов и ревности, было окончательно искуплено и стерто этой великой, чистой победой нового поколения.

Спустя месяц в главном соборе столицы гремела грандиозная свадьба. Белый лебедь севера и золотой сокол Цитадели слились в единый, нерушимый герб великого государства. Под оглушительный рев тысяч ликующих голосов и колокольный перезвон Кaleb и Мира медленно сняли свои золотые венцы и бережно опустили их на головы Эйдана и Селины, передавая им бразды правления объединенным, мирным королевством.

Вечером того же дня, когда праздничные огни начали затухать, Кaleb и Мира в последний раз спустились по потайной винтовой лестнице в свой закрытый королевский сад.

Ночной болотный туман белыми волнами лениво обволакивал кусты расцветших белых роз. В небе ярко, безмолвно сиял полный серебряный диск луны, заливая всё вокруг призрачным светом. Кaleb нежно обнял Миру за талию со спины, зарываясь лицом в её каштановые волосы, пахнущие

сушеной лавандой. От его тела, как и прежде, исходило мощное, спасительное тепло.

— Всё окончено, моя королева, — прошептал Безжалостный король, и на его жестких губах появилась мягкая, спокойная улыбка мужчины, нашедшего абсолютный покой. — Наш сокол взлетел высоко в небо, и его крылья больше никто не сможет сломать. Наш долг перед историей выполнен. Теперь этот мир принадлежит им.

— Мы переплавили пепел в вечное золото, Кaleb, — улыбнулась Мира, поворачиваясь к нему лицо и отвечая на его глубокий, страстный поцелуй. — И этот свет над Цитаделью больше никогда не угаснет.

Их великая история любви, начавшаяся с набега, страха и ненависти, навсегда завершилась триумфом свободы и счастья, уходя в вечность под покровом тихой весенней ночи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.